

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым
Гуманитарно-педагогическая академия
ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)
Кафедра философии и социальных наук**

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научной конференции с международным участием

IV ЯЛТИНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

«Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт»

Феномен «русской революции» в социально-гуманитарном знании

23-24 ноября 2017 года

г. Ялта

УДК 1 : 316.3
ББК 87.6
М - 38

Редакционная коллегия: к.ф.н., доц. Разбеглова Т.П. (отв. ред.), д.ф.н., проф. Масаев М.В., д.ф.н. проф. Мирошников О.А., к.ф.н., доц. Шевченко О.К., к.ф.н., доц. Атик А.А., Корсунский А.Г. (технический редактор).

**Рекомендовано к печати решением
Ученого совета Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО КФУ
им. В. И. Вернадского в г. Ялте
Протокол № __ от 2018 г.**

РЕЦЕНЗЕНТЫ

ГАБРИЕЛЯН О.А., доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Таврической академии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

МИРОНОВ А.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием IVЯлтинские философские чтения «Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» Феномен «русской революции» в социально-гуманитарном знании (23-24 ноября 2017 года, г. Ялта) / Отв. ред., к.ф.н., доцент Разбеглова Т.П. – Ялта, 2018. - 129 с.

**СОДЕРЖАНИЕ
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ**

Абдрахманова Г.С. ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА КАЗАХСТАН.....	6
Арпентьева М. Р. РЕВОЛЮЦИЯ И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО.....	10
Атик А. А. ФЕНОМЕН «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ	16
Голубничий Р.В. ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ.....	20
.. Ерзаулова А.Г. ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННИКОВ НА РЕВОЛЮЦИЮ.....	22
Каленова Т.С. КАЗАХСТАН В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА.....	25
Клёцкин М.В. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПУТЬ К СВОБОДЕ. ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ ГЕГЕЛЯ И ХАЙДЕГГЕРА.....	29
Масаев М.В., Свешникова И.П. НЕКОТОРЫЕ ГРАНИ БИОГРАФИИ ВЕЛИКОГО ПОДВИЖНИКА РОССИЙСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ.....	34
Миронов А.В. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БУНТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	36
Мирошников О.А. ЭНТУЗИАЗМ ИНИГИЛИЗМ В РЕВОЛЮЦИИ.....	39
Переход С.О. ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РУССКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ.....	42
Разбеглова Т.П. АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ УЧЕНИЕ О МИМЕЗИСЕ В РОМАНТИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ.....	45
Чудина-Шмидт Н.В. ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	47
Шатохина Н.П. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ИСТИННОЙ СВОБОДЕ.....	49
Шевченко О. К. ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ ИЛИ КРАТОЛОГИЯ (НАУКА О ВЛАСТИ)?.....	53

СЕКЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Бабий В.О. ПРИНЦИПЫ, УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЗАПРЕЩЕННЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ.....	56
Багаутдинов Н.В. РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ «МАССЫ». СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXВЕКА.....	59
Гайкин В.А. ОКтябрьская революция в России и марксистские кружки корейских студентов в Японии.....	62
Голубир Я.С. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА Р. ГЕНОНА КАК ПРИЗЫВ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕФОРМАЦИИ.....	65
Гончарова К.О. РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФНОМЕН ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ. НА ГРАНИЦЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИЙ.....	68
Грачев В.И. ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ВЕЛИКИЙ Октябрьский ПЕРЕВОРОТ) ?! (ценности и традиции отечественной художественной культуры в постреволюционном ХРОНОТОПЕ)	71
Корсунский А.Г. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АНТЕЦЕДЕНТНЫХ УСЛОВИЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	76
Крамчанинова Н.В. ФЕНОМЕН «РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» ЧЕРЕЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	78
Люсый А.П. ФИЛОСОФИЯ ТРЮКА: ОПЫТ КИНОРЕКОНСТРУКЦИИ.....	81
Маленко Д.В. ШИЗОАНАЛИЗ КАК РЕВОЛЮЦИЯ ЖЕЛАНИЙ.....	88
Муртазаев Д. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБЩЕСТВА.....	91
Нагорнов Е.А. ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ....	93
Неживых Н.А. БОРЬБА ЗА НОВЫЙ БЫТ В СИБИРСКИХ ГУБЕРНИЯХ.....	97
Немченко Ю. А. ФЕНОМЕН АЛЬТРУИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. ГЕНРИ (СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ).....	100
Рябова Н.П. ИДЕОЛОГИЯ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	102

Сиротина Г. Д. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИЯ	104
Скачков А.А. ФАШИЗМ В РОССИИ	106
Смирнов О.А. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК ФАКТОР РОЖДЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИЧНОСТИ	109
Соловцов А.А. ГОРОДСКОЙ МОНАСТЫРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	112
Степанюк А.А. ИДЕОЛОГИЯ САМУРАЙСКОГО СОСЛОВИЯ В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ	113
Счастливец Е.А. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» Н. О. ЛОССКОГО	115
Топуз М.А. РЕВОЛЮЦИЯ КАК РЕАКЦИЯ ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА НА РЕАЛЬНОСТЬ	118
Царина М.А. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В КРЫМУ 1920 г.	120
Шрамко Т.Н. ИГРАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЧЕЛОВЕКУ ЗАБЛУДИВШЕМУСЯ	123
Юн А.В. ЧЕЛОВЕК И НАРОД В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ	125
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Г.С. Абдрахманова

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА КАЗАХСТАН

G.S. Abdrakhmanova

INFLUENCE OF THE OCTOBER REVOLUTION ON KAZAKHSTAN

Annotation In June, 1918 opponents of councils by method for parts of the Czechoslovak case have captured Northern and East Kazakhstan. On June 2, 1918 the Pavlodar district Council of Deputies has fallen. At the same time councils in Urdzhare and Bakhta have been liquidated. On June 9, 1918 in hands of rebels were Zaysan, Big Naryn, Bukhtarma. On June 11, 1918 they have captured Semipalatinsk.

After the Czechoslovak insurgence the political situation in Siberia has changed.

After overthrow of the Soviet power in Semipalatinsk, all culmination of the power has concentrated in hands of a Cossack captain of Sidorov and the captain Vinogradov: they announced the military headquarters the only power in the area.

With coming to power of the West Siberian commissariat (on May 26, 1918) on places pre-revolutionary institutions were restored: institutes of governors, City Councils, zemstvos, institute of heads. At the beginning of July, 1918 on the basis of the telegram of the Ministry of Internal Affairs temporary fulfillment of duties of the Semipalatinsk regional commissioner was entered by the representative of the West Siberian commissariat G. G. Krot.

Besides, at a meeting of the Siberian thought of the West Siberian commissariat in the subordinated territory (including East Kazakhstan) volost, district, also city zemstvos have begun to be restored. The Semipalatinsk regional territorial justice has begun the work in a sostav: r. marsekov (chairman), K. Lyashkevich, H. Gabbasov, D. Trotsky, A. Satbayeva (members). Management of departments between the chairman and members of a justice was distributed by the resolution of the Semipalatinsk regional territorial justice of July 6, 1918 for No. 42 as follows: the chairman of a justice manages departments – the secretariat, administrative; members: K. Lyashkevich-finansov and insurance; H. Gabbasov-prodovolstvennym and medical and sanitary; D. Trotsky - veterinary and typography; A. Satbayev-national education.

On June 27, 1918 the activities there began also the City Council. At a meeting of the Duma the head S. Kozintsev noted the developed difficult social and economic situation in the area and raised a question of searches of an exit from the situation. In counties of area earned district zemstvos. The Ust-Kamenogorsk district City Council began work on July 11, 1918, A. Aytbakin, members was appointed its chairman: V. D. Arifimov, D. K. Kalmatayev, V. A. Saenko. The Semipalatinsk district justice began the activities 11 iyunya 1918g. as a part of A. Kozbagarov (chairman), I. Vorobyova (deputy); members: S. Dyusembin, I. Bogatyryov, A. Bulatov, Likhachyov.

Work of party Alash has stimulated. Since June 11, 1918 Alash-Orda, according to the resolution of the second all-Kyrgyz congress, has started execution of the duties, knew political and cultural affairs of all Kazakh population, without interfering with competence of local territorial city self-government institutions. It is necessary to tell that representatives of party Alash were a part of a territorial justice, for example: H. Gabbasov was included into audit commission of food committee of a regional zemstvo. I. Tarabayev, M. Mersalimov, R. Marsekov have taken part in work of the Semipalatinsk district court. In system of the taxation A. Moldabayev and B. Sarsenev acted, at the same time on behalf of a regional zemstvo carried out duties, the first as the chairman, and another as the deputy of tax department.

The Semipalatinsk regional zemstvo kept in contact with Alash-Ordy committees of different level. Joint operation with district bodies of Alash-Ordy was observed. Most often it was shown in the solution of questions of economic nature.

June 23, 1918. The provisional Siberian government, enjoying support of military has abolished the West Siberian commissariat. August 24, 1918. The provisional Siberian government has created at itself Administrative Council (the chairman blocked with cadets I. I. Serebrennikov, the military minister-colonel A. N. Grishin-Almazov, then the general P. P. Ivanov-Rinov) who was carrying out in practice of function of the government.

As the territory of East Kazakhstan submitted to the Provisional Siberian government therefore to come into contact with the Siberian government in July, 1918 Alash-Orda has submitted the report to Council of ministers. In her Alash-Orda emphasizes that «in an hour of danger of death to the homeland and our freedom, mutual support is extremely necessary».

Agreements reached were at all points. The question of army was in detail discussed and developed. Questions of a loan, collection of taxes and special investments were removed from discussion. The reached agreements of the Siberian government and Alash-Ordy didn't manage to be shown really. As shortly on September 23 v1918g. the single All-Russian power at the Ufa meeting was created. Though it should be noted after all that there was a fair number of the conflicts of the Alash-Ordynsky government with the Siberian government on places as, for example, in Semipalatinsk, Kustanay and other regions.

Meanwhile, self-government institutions of Alash-Ordy on places continued to function. Worked in the same structure, as well as at the West Siberian commissariat.

The organization on places of administrative management with coming to power of the Provisional Siberian government hasn't undergone serious changes. In areas commissioners continued to operate. However, about each official data gathered: about the educational qualification, experience of the previous service (extent of administrative preparation) and about a social status. The commissioner of area appeared the representative of the Provisional Siberian government on the place.

The provisional Siberian government signed military-political contracts with Alash-Ordoy, the Bashkir nationalists.

Replacing each other in the second half of 1918 in the Urals and in Siberia several regional «governments» have been created, but in connection with strengthening of the right wing in the white movement in November, 1918 to the power the admiral Kolchak and White Guard officers have come.

Together with application of a vector of succession of events the structure and functions of local authorities in East Kazakhstan at the level of areas, counties and volosts changed.

События в Петрограде 24–25 октября 1917 г. Не только перевернули Россию, но и в значительной степени определили дальнейший ход истории человечества в XX веке. И ее сторонники и критики единодушны в одном: Октябрьская революция действительно имела значение, оказавшее влияние на судьбы всех без исключения народов мира.

После прихода к власти большевиков на огромных просторах страны, в том числе и в Казахстане, начался процесс установления советской власти, который растянулся на несколько месяцев – с октября 1917г. по март 1918г. Это было связано с тем, что расстановка политических сил в крае была весьма своеобразной. Большевики и их союзники, левые эсеры, хотя и имели довольно широкое влияние в массах, но им не удавалось к октябрю 1917г. овладеть большинством во всех местных советах, к тому же в Казахстане было немало и противников установления власти советов под большевистской гегемонией. Здесь располагались четыре казачьих войска, создавших свои правительства, не признавшие новой власти, сильно было влияние меньшевиков, эсеров и кадетов, поддерживаемых теми, кто бежал от большевизма в центр России и местной буржуазий. Они начали образовывать свои органы власти не подчинявшиеся большевистскому СНК.

Настороженно встретили известие об Октябрьской революции местные либерал-демократы. В декабре 1917г. были провозглашены Кокандская автономия и Алаш-Орда. В силу этого переход власти в руки большевистских советов переходил либо мирным путём, либо в результате вооружённой борьбы.

Что касается исследуемого региона то в его городах, сёлах и аулах в течение четырёх месяцев, после победы социалистической революции в центре страны, шла напряжённая борьба за власть советов. Здесь сосредоточилось большое количество противников советской власти. 20 декабря 1917г. в результате острой политической борьбы меньшевики ушли из Семипалатинского совета. Совет стал большевистским. 2 февраля 1918г. на совещании Семипалатинского совета по предложению большевиков был организован Военно-революционный комитет и разработан план вооружённого восстания. 15 февраля 1918г. ночью, вооружённые рабочие, солдаты и казахская беднота Семипалатинска под руководством большевиков восстали и после упорных боёв разгромили своих противников. Исполнительный комитет Семипалатинского совета рабочих и солдатских депутатов 16 февраля 1918г. объявил о взятии им всей власти в Семипалатинске[4, с.93].

Однако отстраненные от власти политические силы России в союзе с иностранными сторонниками поставили своей целью уничтожение советской власти и реставрацию прежних

порядков. Мирная передышка, полученная советским государством в результате Брестского мира, оказалась непродолжительной. Весной 1918г. бывшие союзники по Антанте организовали открытую военную интервенцию против республики Советов. Для борьбы с советской властью они использовали также чехословацкий корпус в России, сговорившись с его командованием. Эшелоны корпуса, получившего разрешение выехать через Сибирь и Дальний Восток во Францию, растянулись от Волги до Тихого океана. 25 мая 1918г. начался мятеж. Он охватил и северо-восточные районы Казахстана.

Иностранная интервенция и контрреволюционный мятеж белочехов активизировали силы внутренней контрреволюции в Казахстане. К мятежникам присоединились белогвардейцы из числа бывших офицеров, генералов, верхи казачества, буржуазные националисты, кулачество. Ещё в марте 1918г., белоказаки совершили контрреволюционный переворот в Уральской области. В июне 1918г. противники советов с помощью частей чехословацкого корпуса захватили Северный и Восточный Казахстан. 2 июня 1918г. пал Павлодарский уездный совдеп. В то же время были ликвидированы советы в Урджаре и Бахты. 9 июня 1918г. в руках мятежников оказались Зайсан, Большой Нарым, Бухтарма. 11 июня 1918г. ими был захвачен Семипалатинск[5,с.74].

После чехословацкого мятежа политическая ситуация в Сибири изменилась. Воспользовавшись этим, антисоветские силы перешли в наступление. Когда в ночь на 26 мая 1918г. мятежники захватили станцию Новониколаевск (Новосибирск), эсеровские дружины вместе с бывшими офицерами арестовали городской Совет депутатов. Находившиеся в Новониколаевске члены Учредительного собрания эсеры П.Я.Михайлов, Б.Д.Марков, М.Я.Линдберг и председатель Томской земской управы В.О.Сидоров заявили, что они уполномочены «Временным сибирским правительством» (Дербера) организовать управление на территории, очищенной от большевиков, и держать в своих руках власть, пока обстоятельства не позволят приехать самому «правительству». Эта группа эсеров образовала Западно-Сибирский комиссариат с «правительственным аппаратом», в котором работали и кадеты. Эсеровские мятежники действовали в согласии с командованием чехословаков и вместе с ними захватывали сибирские города. Вначале новое правительство находилось в Новониколаевске, затем переехало в захваченный чехословаками 8 июня Омск[3,с.114].

Западно-Сибирский комиссариат ликвидировал советские учреждения, отменил декреты советского правительства, претендуя на высшую власть в Западной Сибири до созыва Учредительного собрания, опираясь на органы местного самоуправления, пытался сформировать вооружённые силы. Исполнительную власть в Западно-Сибирском комиссариате представляла деловой кабинет министров из заведующих отделами, состоявший в основном из сибирских областников[6, с.123].

После свержения советской власти в Семипалатинске, вся полнота власти сосредоточилась в руках есаула Сидорова и капитана Виноградова: они свой военный штаб объявили единственной властью в области.

С приходом к власти Западно-Сибирского комиссариата(26мая 1918г.) на местах восстанавливались дореволюционные учреждения: институты губернаторов (под видом губернских комиссаров), городские думы, земства, институт старост. Уже в начале июля 1918г. на основании телеграммы Министерства Внутренних Дел во временное исполнение обязанностей Семипалатинского областного комиссара вступил уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата Г.Г.Крот[7].

Кроме того, на заседании Сибирской думы Западно-Сибирского комиссариата на подчинённой территории (в том числе и Восточный Казахстан) начали восстанавливаться волостные, уездные, также городские земства. Семипалатинская областная земская управа начала свою работу в составе:Р.Марсекова (председатель), К.Ляшкевича, Х.Габбасова, Д.Троцкого, А.Сатбаева (члены). Постановлением Семипалатинской областной земской управы от 6 июля 1918г. за № 42 заведование отделами между председателем и членами управы было распределено следующим образом: председатель управы заведует отделами – секретариатом, административным; члены: К.Ляшкевич-финансовым и страховым; Х.Габбасов-продовольственным и врачебно-санитарным; Д.Троцкий - ветеринарным и типографией; А.Сатбаев– народным образованием.

27июня 1918г. свою деятельность начала и городская Дума. На заседании Думы глава С.Козинцев отметил сложившуюся тяжёлую социально-экономическую ситуацию в области и поставил вопрос о поисках выхода из создавшегося положения. В уездах области заработали уездные земства. Усть-Каменогорская уездная городская Дума начала работу 11 июля 1918г., председателем её был назначен А.Айтбакин, члены: В.Д.Арифимов, Д.К.Калматаев, В.А.Саенко. Семипалатинская

уездная управа начала свою деятельность 11 июня 1918г. в составе А.Козбагарова (председатель), И.Воробьева (заместитель); члены: С.Дюсембин, И.Богатырёв, А.Булатов, Лихачёв.

23 июня 1918г. в Томске на совещании «Сибирской областной думы» было создано другое антисоветское «правительство». Члены бывшей сибирской областной думы, в свое время разогнанной Томским Советом, уполномочили наличных членов «Временного сибирского правительства» (П.Я.Дербера) приступить к исполнению обязанностей. Таковых оказалось пять: П.В.Вологодский, Г.Б.Патушинский, И.А.Михайлов, М.Б.Шатилов, В.М.Крутовский. Они-то и провозгласили себя общесибирской властью и образовали министерский аппарат. Новое сибирское правительство объявило о независимости Сибири и аннулировало все декреты советской власти. Оно проводило явно реакционную политику, попав под влияние белого офицерства (начальников воинских гарнизонов, командиров, казачьих атаманов) и буржуазии. Главную роль в правительстве играл адвокат, бывший кадет П.В.Вологодский [1, с.113].

Образование Временного Сибирского правительства очередной этап в борьбе за власть. За небольшой период правления Временное Сибирское правительство создало армию, объявило о денационализации промышленных предприятий, о восстановлении частного землевладения. Землевладельцам возвращались все имения, отобранные у них крестьянами в ходе аграрного движения 1917г. Восстановило дореволюционные суды и административные учреждения, (милиция была изъята из ведения органов самоуправления и передана начальникам губерний). Профсоюзы допускались лишь при условии, если они не преследуют политические цели. Были введены военно-полевые суды, смертная казнь за политические преступления, карательные отряды беспощадно расправлялись с населением, руководимым большевиками революционным, рабочим движением. Временное Сибирское правительство заключило военно-политические договоры с Алаш-Ордой, башкирскими националистами. Оно вступило в оппозицию к либерально-буржуазным преобразованиям Комуча, к Сибирской областной думе, также претендовавшей на главенство среди контрреволюционных сил Сибири и приоритет своей власти.

3 ноября 1918г. Временное Сибирское правительство передало власть Уфимской Директории. 9 ноября 1918г. Уфимская Директория переехала из Уфы в Омск.

В принятой совещанием программе работ нового правительства говорилось, что его задачами являются: «1) освобождение России от Советской власти; 2) воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России; 3) непризнание Брестского и всех прочих договоров международного характера, заключенных, как от имени России, так и отдельных ее частей после Февральской революции какой бы то ни было властью, кроме российского Временного правительства, и восстановление фактической силы договорных отношений с державами Согласия; 4) продолжение войны против германской коалиции».

Программа внутренней политики, в сущности, повторяла программу кадетов. Здесь было и «привлечение к производству частного капитала- русского и иностранного», и «поощрение частной инициативы и предприимчивости», и «принятие мер к действительной охране общественной безопасности и государственного порядка» и т.д.[7, с.217].

Уфимская Директория сохранила все контрреволюционные акты Временного Сибирского правительства, усилила репрессии против населения, объявила о своей борьбе против советской власти за «воссоединение России», продолжение войны со странами австро-германского блока, «восстановление договоров» с державами Антанты, Уфимская Директория добилась упразднения всех областных национальных и казачьих правительств Сибирской областной думы. Комуч отказался от своих претензий на всероссийскую власть и был переименован в «Съезд членов учредительного собрания». Уфимская Директория являла собой орган, созданный в результате временного вынужденного компромисса между терявшей свои позиции демократической контрреволюции и все более укреплявшейся буржуазно-помещичьей реакции. Уфимская Директория в день прихода к власти составила грамоту ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского о ликвидации областных правительств[3, с.218].

В первом пункте говорится также о прекращении существования правительства Алаш-Орды. В результате чего, учреждались должности: а) главно-уполномоченного по управлению Алаш, подчинив его ведению, на основании особого положения, все дела, касающиеся культурно-бытовых и экономических нужд казах-киргизских народностей; б) помощников главно-уполномоченного по управлению Алаш, органы управления Алаш-Орды временно, впредь до издания соответствующего постановления сохранялись находясь в подчинении центральных ведомств Временного Всероссийского правительства[2, с.132].

Итак, и по своему составу, и по программе деятельности Уфимская Директория становилась буржуазно-кадетским правительством. Эсеры при его образовании сдали свои позиции реакции, которая, усиливаясь таким путем, получила возможность ликвидировать последние остатки «учредительской демократии».

Список использованных источников:

1. Абдрахманова Г.С. Деятельность органов самоуправления омских правительств в Восточном Казахстане// Научный журнал "Центр Евразии", Семей, 2007 №5.
2. Алаш-Орда//сост. Н. Мартыненко.-Алма-Ата: Айқап,1992.-278с.
3. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР.- М.: Политиздат, 1980.-335с.
4. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Советская энциклопедия.- М.:из. Советская энциклопедия, 1987.-720с.
5. Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озёрах и реках России в 1917-1922гг.- М.: из. Андреевский флаг,1993.-79с.
6. Сибирь в период гражданской войны.- Кемерово: Кемеровский ГУ, 1995.-143с.
7. Центр документации новейшей истории (ЦДНИ) ВКО Ф.37.Оп.1.Д.1.Л.128

УДК281.93, 291.6

М.Р. Арпентьева

РЕВОЛЮЦИЯ И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО

Революционные процессы начала XX века отразили начало одного из величайших кризисов духовного развития человечества – секуляризации или десакрализации, которая под видом «прогресса», «обновления», «истинности» проникла в культуры современности, чтобы заменить идеалы внутренней веры, благо-дарения и принятия себя и мира, совместного «делания», идеалами «внешней объективности», «проверяемости / верифицируемости», индивидуалистического потребления и торга. В этот процесс подмены были вовлечены многие мыслители, государственные и религиозные деятели и группы, в том числе С. Старгородский, прошедший путь от традиции к обновленчеству и обратно. Острые проблемы в работах патриарха Сергия Старгородского связаны с решением вопроса о смыслах и возможностях прочтения священных Писаний, Слова и веры в Него и дел – для Него. Расхождение слов и дел, свободное и поверхностное толкование и понимание Слова, десакрализация веры, стали, параллельно и вместе с тотальными социальными потрясениями сменой идеологического и политического строя России, одной из причин раскола и обновленчества, разделения церкви на служителей официальных и «катакомбных» церквей, духовного падения и разрушения РПЦ и ее представителей, уходов и отречений, возвратов и покаяний ее служителей в XX веке. Эта проблема актуальна и сейчас: кризис РПЦ, расхождение слов и дел священнослужителей, выхолащивание, дереференция слов Писаний православной и иных верований приводят к кризису веры, десакрализации. Ей отец Сергей и попытался противопоставить тру своей жизни (названный в части обновленческих работ «сергианство», «сергианская линия»).

Ключевые слова: революция, Писания, Слово, вера десакрализация, раскол, обновленчество, церковь, катакомбные церкви, дереференция, сергианство

ArpentievaM.

REVOLUTION AND UPDATES

The revolutionary processes of the early twentieth century reflected the beginning of one of the greatest crises of the spiritual development of mankind-secularization or desacralization, which, under the guise of "progress," "renewal," "truth", penetrated the culture of modernity in order to replace the ideals of inner faith, and peace, joint "doing", the ideals of "external objectivity", "verifiability / verifiability", individualistic consumption and bargaining. In this process of substitution, many thinkers, state and religious figures and groups were involved, including S.Stargorodsky, who passed from tradition to renovation and vice versa. The forefront of the challenges in the work of Patriarch Sergius Starogorodskiy is connected with the solution of the question about the meaning and possibilities of reading of the Scriptures, the Word and believing in Him and for Him. The divergence of words and deeds, free and superficial interpretation and understanding of the Word desacralization of faith, steel, and together in parallel with the

total social upheaval a change in the ideological and political system of Russia, one of the reasons for the split and Renovationism, the separation of Church Ministers official and "catacomb" churches, spiritual fall and destruction of the Russian Orthodox Church and its representatives, and Forbearance, return and repentance of its Ministers in the twentieth century. This issue is relevant now: the crisis of the Russian Orthodox Church, the divergence of words and deeds of the clergy, emasculation, dereference words of Scripture the Orthodox and other beliefs lead to a crisis of faith, desacralization. Her father Sergei and tried to oppose the labor of his life (named in part renovation works "Sergianism", "the Sergian line").

Keywords: *revolution, Scriptures, the Word, faith, desacralization, split, Renovationism, the Church, the catacomb Church, dereference, Sergianism.*

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву.

Н. Бердяев

Революционные процессы начала XX века отразили начало одного из величайших кризисов духовного развития человечества, сущность которого оно постигает до сих пор. Имя этому кризису – секуляризация или десакрализация, которая под видом «прогресса», «обновления», «истинности» проникла в культуры современности, чтобы заменить идеалы внутренней веры, благо-дарения и принятия себя и мира, совместного «делания», идеалами «внешней объективности», «проверяемости / верифицируемости», индивидуалистического потребления и торга. Человечество на рубеже XX – XXI веков решило отказаться от ответственности за собственную жизнь, перераспределив отношения власти и собственности: торговля деньгами, тоталитаризм и рабовладение, казалось бы утерянные и пройденные, вернулись, чтобы разрушить человека как социальное, культурное существо, раздробить его сознание в поисках «истины» на не связанные друг с другом лоскуты, разделить его жизнь и душу, поселив отчуждение, неприятие, ненависть. Однако, чтобы сделать это, необходима была «позитивная модель», модель «обновления» старых истин, из ниспровержения и осмеяния. В процесс обновления как поиска «истинной веры» вовлеклись многие, в том числе наиболее одаренные, известные, влиятельные представители культуры начала XX века, такие как патриарх Сергей Старгородский, на своем опыте прошедшем весь путь от традиции к обновленчеству и «обратно». Это «обратно» – наиболее важно в его жизненном опыте, поскольку раскрывает суть того, что так или иначе происходит с каждым современным человеком, выбирающим между верой и неверием, любовью и отчуждением, истиной и иллюзией.

Острые проблем в работах патриарха Сергея Старгородского связано с решением вопроса о смыслах и возможностях прочтения священных Писаний, Слова и веры в Него и дел – для Него. Расхождение слов и дел, свободное и поверхностное толкование и понимание Слова, десакрализация веры, стали, параллельно и вместе с тотальными социальными потрясениями сменой идеологического и политического строя России, одной из причин раскола и обновленчества, разделения церкви на служителей официальных и «катакомбных» церквей, духовного падения и разрушения РПЦ и ее представителей, уходов и отречений, возвратов и покаяний ее служителей в XX веке. Эта проблема актуальна и сейчас: кризис РПЦ, расхождение слов и дел священнослужителей, выхолащивание, дереференция слов Писаний православной и иных верований приводят к кризису веры, десакрализации. Ей отец Сергей и попытался противопоставить тру своей жизни (названный в части обновленческих работ «сергианство», «сергианская линия»).

Обновленчество (официальное самоназвание — Православная Российская Церковь; позднее — Православная Церковь в СССР, также Обновленческий раскол, Живая Церковь, живоцерковничество) — раскольническое движение в русском православии, существовавшее с начала по середину XX века. Обновленчество указало на важность «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения [7; 19]. К началу XX века о необходимости реформ в РПЦ заговорили многие священнослужители. Годы Первой и второй русских революций стали для духовенства временем надежды на возрождение православия, что подразумевало, прежде всего, обретение независимости при решении внутрицерковных дел и инновации в самой РПЦ. Основа фундаментализма — в сопротивлении нарастающей сложности жизни и ее обновлению: фундаменталистические тенденции культуры постоянно активизируются и инспирируются неизбывной погоней за реформами и инновациями, обновленчество берет и использует, аналогично фундаментализму, ресурсы в противостоянии ортодоксии, охранительству [7; 8; 15; 17; 20]. .

Обновленчество, как в свое время и старообрядчество фиксируются на проблеме возврата к фундаменту православного христианства, его истокам, поэтому выступают как модификации религиозного фундаментализма. При этом старообрядчество отталкивалось от важности священного уклада, ритуалов и обрядов лужения и жизни, видимого благообразия и благостояния бытовых и сакральных отношений, а обновленчество намеревалось вернуться к изначально свойственному христианству динамизму, к практике развития всестороннего религиозного творчества [16; 18; 20]. Г. В. Флоровский, в попытках понять смысл и сущность старообрядчества отмечал: «Раскол не имеет, потерял, но ждет и жаждет. В расколе больше тоски и томления, чем оседлости и быта. Раскол в бегах и в побеге. В расколе слишком много мечтательности, и мнительности, и беспокойства. Есть что-то романтическое в расколе, – потому и привлекал так раскол русских неоромантиков и декадентов... Раскол весь в воспоминаниях и в предчувствиях, в прошлом или в будущем, без настоящего. Весь в истоме, в грезах и в снах. И вместо “голубого цветка” полусказочный Китеж... Сила раскола не в почве, но в воле. Раскол не застой, но иступление» [13, с. 70]. Ведущей, движущей силой обновленчества также не были лишь внешние обстоятельства и «прохвосты, присоединившиеся к обновленчеству, в погоне за быстрой карьерой, спешившие воспользоваться свободой нравов, дозволенной обновленцам...», это были «идейные модернисты, искренне стремившиеся к обновлению церкви... идеологи обновленчества. Блестящие, талантливые, честолюбивые люди, выплывшие на гребне революционной волны (... церковные Бонапарты)» [9, с. 118; 14]. «Так называемое обновленческое движение в русской церкви, – писал по этому поводу профессор Б. В. Титлинов, – до сих пор еще многими понимается как явление случайное и наносное, вызванное временными обстоятельствами нашей церковной жизни. От такого близорукое понимание происходит много недоразумений и его стараются усиленно поддерживать враги обновленческого движения» [10, с. 1]. Он отмечает что если посмотреть на историю христианской церкви, «то мы увидим, что она есть сплошная революция, есть сплошной ряд переворотов» [11, с. 4]. Поэтому Г. В. Флоровский отмечая проблемы восстановления патристического стиля, подчеркивает, что в данном случае «речь идет не о какой-нибудь “реставрации”, ... повторении и не о возвращении назад, “к отцам”, во всяком случае, всегда вперед, а не назад. ... о верности отеческому духу, ... чтобы загораться вдохновением от отеческого пламени... Вполне следовать отцам можно только в творчестве, не в подражании...» [13, с. 496]. Обращение к работам идеологов движения данного периода показывает, что обновленцы рассматривали революцию и социалистическое строительство как открывшуюся возможность для «насаждения на земле Царства Божия» [12, с. 36].

Обсуждая проблемы «дереференции» и десаκραлизации, а также опираясь на слова апостола Иоанна «Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге» (1 Ин. 4:16)», – С. Старгородский отметил, что «То есть не произнесение известных слов, конечно, привлекает Бога в душу человека» [6, с. 232]. Этот момент критикуется в его работе наряду со многими другими. Однако, общая идея испытания веры «жизненной правдой» весьма важна: «Вероучение необходимо наполнить внутренним жизненным содержанием»: «верующие признают Бога своим Владыкой, а неверующие и пр. не признают. Для законника это основание вполне достаточно: самое главное преступление в правовом союзе есть оскорбление величества. Но наше нравственное чувство не спокойно, когда тоже самое мы прилагаем к Богу: от Него мы чаем высшей справедливости, которая ценит поступки человека по существу, а не такому или другому отношению к Судящему» [6, с. 82-83]. «Вера спасает человека, но не тем, однако, что она созерцает Бога, но не тем, что она открывает человеку Христа, – а тем, что она этим созерцанием будит волю человека» [6, с. 239]. Он замечает, что : «Себялюбивому человеку нельзя разъяснить и прелести добродетельной жизни, пока он себялюбив; необходимо сначала показать ему, что добродетель ведет к блаженству, что труды в здешней жизни будут сторицей вознаграждены в жизни вечной. Отсюда-то происходит стремление привлечь к добродетели указанием на его полезность, – стремление, какое мы встречаем в Св. Писании и Предании» [6, с. 92]. «Дело любви, пришедшей грешника спасти, – конечно, начать с того, что грешники понимают... Это и объясняет присутствие понятия возмездия в Св. Писании и отеческих творениях. Несмотря, однако, на это присутствие, мы имеем полное право утверждать, что понятие возмездия в устах священных писателей и отцов Церкви употреблялось только в смысле предварительном, только чтобы быть понятным обыденному настроению... Цель Слова Божия не умозрение, а наставление, и притом грешников» [6, с. 121]. Однако, как писал св. Ириней (Пиковский), задача пастыря поднимать паству, а не опускаться до нее: «И ученики Его не упоминали о каком-либо другом Боге и не называли Господом никого, кроме Того, Кто есть истинно Бог и Господь всего, — как говорят эти пустейшие софисты, будто Апостолы с лицемерием

приспосабливали свое учение к приемлемости слушателей и давали ответы сообразно с мнениями вопрошающих: для слепых выдумывали басни сообразно с их слепотою, для слабых сообразно с слабостью, и для заблуждающихся сообразно с их заблуждением... И какие-либо люди действовали бы неправильно, если бы слепым, уже готовым идти на пропасть, советовали бы продолжать по тому опаснейшему пути, как будто он действительно прямой путь, и по нему пройдут благополучно. Какой врач, желая исцелить больного, будет действовать сообразно с прихотями больного, а не с тем, что требуется для излечения? А что Господь пришел для исцеления больных, Он Сам свидетельствует, говоря: Не здоровые нуждаются во врачах, но болящие. Не пришел Я призвать праведных, но грешников к покаянию (Лк. 5:31-32). Каким же образом больные укрепятся? И как грешники покаются? Тем ли, что они будут оставаться в том же положении, или, напротив, когда они решатся на великую перемену и изменение прежнего образа жизни, чрез который они навлекли себе немалую болезнь и множество грехов? Неведение же, мать всего этого, устраняется чрез знание. Поэтому Господь сообщал ученикам Своим знание, чрез которое Он и больных исцелял и грешников воздерживал от греха» [5, с. 227-228]. С. Старогородский резюмирует это так: «скажем ли мы, что спасаемся одной верой или будем утверждать, что при вере необходимы и дела, и в том, и в другом случае одинаково можем найти себе оправдание в Св. Писании и творениях отцов Церкви» [6, с. 224]. Он исходит из реалий окружающей жизни: «...ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной мы не отрекаемся и не намерены отречься. Мы только не закрываем глаза на ту обстановку, среди которой нам приходится действовать, и полагаем, что, как бы ни связывала нас эта обстановка, мы не можем оправдать ею своей бездеятельности: мы должны действовать и делать то, что можем в данных условиях» [2, с. 394]. «Господь всех одинаково хочет спасти и ко всем одинаково устремляется Весь, но у одного стремления к Богу, способности воспринять Его общение больше, у другого меньше» [6, с. 251]. «Познание Бога... должно быть переживанием в себе присутствия Божия, которое дает человеку непосредственно ощутить Божественную жизнь и таким образом приведет к опытному постижению Божественного Существа... Такое познание, очевидно, вполне может быть названо жизнью... ощущение жизни Божественной в себе самом» [6. С. 95-96]. Внешне противоположно описание роли Слова у Ф. Затворника: «Внимающий Слову Божию собирает светлые понятия о всем, что в нем и что около, и что выше его; выясняет свои обязательные отношения во всех случаях жизни, и святые правила, как драгоценные бисеры, нанизывает на нить совести, которая потом точно и определенно указывает, как когда поступить в угодность Господа; укрощает страсти, на которые чтение Слова Божия действует всегда успокоительно. Какая бы ни волновала тебя страсть, начни читать Слово Божие, и страсть будет становиться все тише и тише, а наконец, и совсем утомонится» [3]. Он обращает внимание на детальное осмысления Слова как многозначного, многомудрого, содержащего в себе огромные смыслы и требующего «вседушного» усвоения: «При этом услышанную истину Божию надо умягчить довести до полного восприятия в себе. Отсюда и необходимость детального толкования Библии на каждый стих: прежде чем довести «до вкушения ее сердцем» [1]. Так, интерпретируя строку «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках» (Евр.1:1) [2; 4], он различает слова многократно и многообразно: многократно — это «по многим частям», постепенно (через Ноя, Авраама, Моисея и тд.), а многообразно — это «различно» а в разных образах (через сон, наяву, через Ангелов, через внутреннее озарение, через слышание без видения Лица, через прямое слово или притчу...) [1].

Таким образом, работы С. Старогородского и его жизнь, а также жизни многих иных «обновленцев», были посвящены поиску ответов на вопросы, волновавшие до него многих светочей философской и религиозной мысли, в том числе И. Златоуста и Ф. Затворника, направлявших внимание ищущих и верующих не к внешней, а внутренней стороне веры, Слова. К жизни: «Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!» (Рим.8:15, 1 Иоан.4:18, 1 Кор. 2:12, Евр.2:15). Истина - лишь часть жизни, постигаемая каждым и вместе, но не ее критерий и суть: «Никто же бо... себе живет, и никто же себе умирает / Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли - для Господа живем; умираем ли - для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, - [всегда] Господни (Рим. 14:7) . Смысл жизни - «дела любви»: «Любовь [да будет] непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру» (Рим.12:9, Пс.96:10, Ам.5:15). Революция и обновленчество осуществлялись на фоне секуляризации как попытки более или менее гармоничной интеграции светского и религиозного взглядов на помощь и ее духовные основы (patchwork religion) [20]: в результате в современном мире за рубежом сотрудники, занятые в сфере социальной работы и волонтеры, хотя и являются в большинстве своем верующими людьми, обычно не связывают то, чем

они занимаются, с верой, а их религиозность мало отличается от религиозности специалистов иных профессий, выступая как «лоскутная религиозность» (patchwork-religiosität) или «flickenteppichreligion», «религия пятнистого ковра», Bricolage- Religiosität или Bastel-Religiosität», «самодельная» или «любительская религиозность», «Religions sampling» -«религиозный отбор»). Обновленчество и секуляризация вызвали «сингулярный разрыв», т. е. тотальный отход капиталистических сообществ от традиционных представлений о религии и нравственности в частности и, как следствие, отвержение «веры отцов»; характеризующаяся стремлением индивида самостоятельно выстраивать свою религиозную шкалу и формулировать «собственные» нравственные принципы, опираясь на совершенно разнородные религиозные теории и духовные практики [28]. В России этот процесс тесно связан с революциями, в ходе которых происходили как попытки «одуховорения» борьбы народа за власть в рамках концепции «социалистического христианства», так и секуляризация религии и ее одностороннее рассмотрение и борьба с ней в рамках борьбы с «иллюзиями» и капиталистическим /царским наследием. Благодаря этому и в России и на Западе возникают многочисленные «субъективные теологии», например в рамках движения Нью Эйдж («справедливо то, что я переживаю как справедливое», «свято то, что я ощущаю как святое»), состоящая из не всегда совместимых элементов, в уникальный «концепт духовности» (spiritualität-konzept) с индивидуальной внутренней связью («внутренней когеренцией», das innere kohärenz) [24]. Понятие «самодельная религиозность» («bricolage-religiosität», «religionsbricolage», «bricoliete religion») отражает субкультурный характер религиозных практик и теорий, главная цель которых — создать «понятного — для отдельного человека — Бога», который помогает ему справиться с жизненными трудностями, это «gottesfreundliche Religionslosigkeit» — «симпатия к Богу в отсутствие религиозности» [21; 22; 23; 24; 25; 26, s.12]. Оно также указывает на современность как время «религиозной продуктивности» (götterproduktive zeit) [21, s.27, 54] и «believing without belonging», «веры без причастности». «Минимум-религия», идея которой «была рождена, по сути, в начале XX века, века технологий и торговли деньгами, максимально ориентирована на жизнь «здесь и теперь», она не влияет на принятие определенных этических решений, но должна дать спокойствие и поддержку, жизненную опору, и, наоборот, не ограничивать потребление и жизненное пространство-форму (lebensgestaltung)» [23, s. 299]. Другой ее признак — унификация этических представлений разных религий, якобы одинаковых во взглядах на Добро и Зло и тотальное отвержение абсолютизированных пониманий и претензий. В. Гебхардт дополняет принцип «believing without belonging»: 1) «belonging without obeying» - «причастность без покорности» или существование оговорки на получение согласия быть членом общины — «zustimmungsvorbehalt-der-mitglieder») и/или 2) «belonging without commitment» - «причастность без обязательства», принятие самостоятельного решения о сущности той или иной религии [23, s. 299]. Однако, «Самозотеризация не есть удачная стратегия преодоления самосекуляризации» [24, s.124], опыт церковной жизни и опыт служения – внутри нее – важный компонент развития человека как личности и благотворителя, а также культуры, теории и практики служения в целом. В России религия так или иначе выступает как основа помощи, даже при наличии «лоскутной религиозности», практиками и теоретиками она осмысливается в единстве с традиционными, а не «осовремененными» канонами. Главное для зарубежных делателей добра, благотворителей, профессионально или непрофессионально оказывающих помощь - не столько духовно-нравственные ценности и мировоззрение, сколько стремление к профессиональной и социальной самореализации. Это называется «профессионализацией и секуляризацией социальной помощи» [27, с. 223]. Для России важны внутренние смыслы самой помощи, сакральные смыслы и облик личности и организации («Sakralität der Person»), смыслы самого служения как благодарности, поклонения, любви к Богу восстановления, поддерживания и укрепления неразрывного единства с Ним: «Не отврати лица Своего от меня...».

Выводы. Революционные процессы начала века отражали попытки реформирования нравственных основ жизни человека, попытку найти более «правильные» основы жизнедеятельности в мире, начавшем испытывать кризис перед натиском конституирующих капитализм идей (индивидуализма, секуляризма, потребительства, прагматизма и т.д.). Капитализм по природе своей противоположен ценностям многих традиционных религий, поскольку ставит интересы части, человека, индивида, выше целого, поскольку делает нравственным то, что выгодно, поскольку человек превращается в деталь механизма, подвергаясь тотальной стандартизации, возвращающей человечество во времена рабовладения.

Список использованных источников

1. Говоров В.Г. (Вышенский Затворник Ф., святитель). Полное собрание творений . –В 40 т. – Серия 1. Т. 14 Толкование посланий апостола Павла к Филиппийцам и Солунянам. – М.: ИС РПЦ, 2013. – 763с.
2. Говоров В.Г. (Вышенский Затворник Ф., святитель). Толкование Послания святого апостола Павла к ефесеям (ефессянам) . – М.: Типо-литография И.Ефимовой, 1893. – 468с.; М.: Сретенский монастырь: Паломник: Правило веры, 1996. – 498 с.; М.: Её Медиа, ООО «Книга по Требованию» / Print-on-Demand, 2017. – 516с.
3. Говоров В.Г. (Вышенский Затворник Ф., святитель). Указания, по которым всякий сам для себя может составить из четырех Евангелий одну последовательную историю Евангельскую // Говоров В.Г. (Вышенский Затворник Ф., святитель). Полное собрание творений . –В 40 т. – Серия 1. Т. 21.Указания, по которым всякий сам для себя может составить из четырех Евангелий одну последовательную историю Евангельскую. – М.: ИС РПЦ, 2014. – 903с.
4. Говоров В.Г. (Вышенский Затворник Ф., святитель). Толкование Послания святого апостола Павла к ефесеям (ефессянам) // Говоров В.Г. (Вышенский Затворник Ф., святитель). Полное собрание творений . –В 40 т. Серия 1. Том 16 Толкование посланий апостола Павла к Ефесеям. — М.: ИС РПЦ, 2014. – 903с. – 427с.
5. Орловский В.А. (Дамаскин, игумен). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. В 3 кн. – Тверь: «Булат», 1996. Кн. 2. – 394с.
6. Старгородский И.Н. (Сергий), архимандрит. Православное учение о спасении: опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании св. Писания и творений Свято-Отечественных.. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. – 254с.
7. Головушкин Д.А. Обновленчество и старообрядчество: антитеза или объединяющая парадигма? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. - 2013. - № 2-1. - С. 288-294.
8. Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы, 1925–1941: воспоминания. – Paris : YmcaPress, 1977. – 457 с.
9. Оден Т. К. После модернизма. Что впереди...? (Теология и постмодернизм в XXI веке). - Минск: Б. и., 2003. - 239 с.
10. Титлинов Б. В. Историческое обоснование обновленческого движения. -Самара: Самполиграфпром, 1926. - 8 с.
11. Титлинов Б. В. Новая церковь. - Петроград; М.: Типографская артель Л. Я. Ганзбург, 1922. - 85 с.
12. Успенский Г. Сущность обновленческого движения // Жизнь и религия. - 1922. -№ 1. - С. 4-5.
13. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 607 с.
14. Шажинбатын А. Фундаментализм и обновленчество в религии // Знание. Понимание. Умение. -2007. -№ 2. -С. 135.
15. Шилкина М. Подходы к изучению «обновленчества» в церковной и светской литературе //Вестн. РГГУ. -2011. -№ 17 (79). -С. 174-181.
16. Beeman W.O. Fighting the Good Fight: Fundamentalism and Religious Revival / /Exotic No More: Anthropology on the Front Lines / Ed. by J. Macclancy. - Chicago, 2002. -P. 129.
17. Caplan L. Introduction//Studies in Religious Fundamentalism / Ed. by L. Caplan. - New York: State University of New York Press, 1987. -P. 14.
18. Munson H. Fundamentalism//The Blackwell companion to the study of religion/Ed.by R. A. Segal. - New York: Blackwell Publishing Ltd, Malden, 2006. - P. 256-259.
19. Riesebrodt M. Die fundamentalistische Erneuerung der Moderne//Fundamentalismus. Politisierte Religionen. - Potsdam, 2008. - S. 18-20.
20. Walke A. Fundamentalism and Modernity: the Restoration Movement in Britain//Studies in Religious Fundamentalism/Edited by L. Caplan. - New York: State University of New York Press, 1987. -P. 197.
21. Först J. Abschied von der «Patchworkreligiosität»? von der pastoralen Kompetenz, moderne religiöse Orientierungen existentiell zu entschlüsseln und theologisch zu deuten // Bibel und Liturgie. - 2013. - Bd. 86. - № 2. - S. 134.

22. Friedrich W. Graf. Missbrauchte Götter. Zum Menschenbilderstreit in der Moderne. München, 2009. - S. 27,54.
23. Gebhardt W. Believing without Belonging? Religiöse Individualisierung und neue Formen religiöser Vergemeinschaftung // Im Dialog. Systematische Theologie und Religionssoziologie / A. Kreutzer, F. Gruber (Hg.). - Freiburg/Basel/Wien: Herder 2013, - S. 299.
24. Hempelmann R. Patchwork-Religiosität — ein Thema von bleibender Aktualität // Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen. - Stuttgart, 2008. - Bd. 71. № 4. -S. 123-124.
25. Kögler I. Patchworkreligion, Theodiversität und eigener Gott: nicht nur eine kommunikative Herausforderung // Theologisch-praktische Quartalschrift. - 2010. - Bd. 158/1. - S. 11.
26. Luckmann T. The Structural Conditions of Religious Consciousness in Modern Societies // Japanese Journal of Religious Studies. 1979. Vol. 6. P. 121–137.
27. [Picken W.](#) Priestermangel: Bedingungsfaktoren aus sozialwissenschaftlicher Sicht // Die neue Ordnung. – 2005. – Nr. 3.– S. 220-227.
28. Streib H. Jugendtheologie als narrativer Diskurs // Schlag T., Sweitzer F. u.a. Jugendtheologie. Grundlagen — Beispiele — kritische Diskussion. - Neukirchen-Vluyn, 2012. - S. 163.

УДК 323.276 "312"

А. А. Атик

ФЕНОМЕН «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен «цветных революций», как особая разновидность политических акций, которые понимаются в современных политических кругах и СМИ как вид ненасильственной политической борьбы. В нашей работе будут рассмотрены предпосылки названного феномена, его сущность, а также основные технологии и последствия перестройки политического строя в странах СНГ и Ближнего Востока.

В результате цветных революций наблюдается обострение политических, социальных и экономических проблем в названных регионах. В нашем исследовании отмечается, что такого рода государственные перевороты, организованы при участии и небескорыстной поддержке стран запада и США.

Ключевые слова: революция, цветные революции, глобализация, демократия, «управляемый хаос».

THE PHENOMENON OF "COLOR REVOLUTIONS" AS A GLOBAL PROBLEM OF OUR TIME

Annotation. Annotation. This article deals with the phenomenon of "color revolutions", as a special kind of political action, which is understood in modern political circles and the media as a kind of nonviolent political struggle. In our work we will consider the prerequisites of this phenomenon, its essence, as well as the main technologies and consequences of restructuring the political system in the CIS and the Middle East. As a result of color revolutions, there is an aggravation of political, social and economic problems in these regions. In our study it is noted that such coups d'etat are organized with the participation and not selfless support of the countries of the West and the USA.

Key words: revolution, color revolutions, globalization, democracy, "controlled chaos".

Введение. С начала XXI столетия в разных областях мира появился новый феномен, получивший название «цветная революция». Позиционируя себя как ненасильственный метод смены правящих режимов или ненасильственная революция, «цветная революция» стала началом грандиозных изменений в геополитическом мировом пространстве. Масса вопросов возникло по поводу того, можно ли данный феномен вообще относить к революциям как таковым? Каковы предпосылки этого явления? Существует ли определенная технология и схема, по которой протекали события, связанные с «цветными революциями»?

За недолгое время своего существования названный феномен привел к «ненасильственной» смене власти в ряде государств, среди которых Югославия (2000 г.), Украина (2004 г. и 2013), Киргизия (2005) [4, с. 17]. К этому феномену ряд исследователей также относят и события «Арабской весны», которая представляет собой волну протестов и даже восстаний на Ближнем Востоке в начале 2011 года, в ходе которых применялись традиционные методы гражданского сопротивления: демонстрации, митинги, забастовки. Эти массовые протесты привели к падению правительств Туниса, Египта и Йемена, гражданским войнам в Ливии и Сирии, восстанию в Бахрейне и к общей дестабилизации обстановки во многих других арабских государствах [1, с. 138].

Целью данного исследования является выявление сущности феномена «цветной революции», его основных предпосылок, а также основные технологии и типы цветных революций.

Еще в начале XX века О. Шпенглер в своей работе «Годы решений» характеризует «белую» и «цветную» революции, которые угрожают европейской цивилизации. Автор предсказывал, что «цветная» революция идет, называя ее носителей «цветной мир», обозначая Китай, Индия, Африка, Япония, Россия, исламские народы и так далее. Тогда Шпенглер полагал, что акцент должен быть смещен и мировые события должны отныне рассматриваться в контексте заканчивающейся белой и начинающейся цветной революции [7]. Смысл был иной, но «цветная революция» действительно сегодня набирает оборот.

Сама по себе социальная революция в переводе с латинского языка понимается как коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя. То есть, коренное изменение в обществе, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием [5].

Понятие же «цветная революция» вошло в обиход в XXI веке, представляя собой новый тип революции, без использования насильственных методов, но с применением современных технологий. Однако не стоит путать названное понятие с близким ему термином «бархатная революция», означающего процесс бескровной ликвидации политических режимов советского типа в странах Восточной Европы в 1989-1991 гг.

Такие «революции» осуществляются в форме массовых митингов, демонстраций, забастовок, которые, чаще всего, проводятся оппозицией после проведения выборов, в которых оппозиция проигрывает. В этом случае, оппозиция объявляет о нарушении избирательного законодательства и незаконность результатов выборов. В итоге либо проводятся повторные выборы, как это было неоднократно в Украине, либо происходит насильственный захват толпой органов власти, приводящее к бегству главы государства и проведением новых выборов (как это произошло в Грузии, Киргизии и Украине в 2014 году). В любом из названных сценариев оппозиция оказывается у власти [1, с. 140].

Анализ событий в странах, где имела место быть «цветная революция» приводит нас к выводу, что «цветные революции» по своей сути не являются революциями в их классическом понимании.

Так, в основе классических социальных революций лежит переворот в жизни общества, означающий утверждения нового режима. В итоге такой революции происходит полное изменение социальных и политических институтов государства и появление нового политического строя. В то время как в основе «цветные революции» лежит смена политических элит, а системный кризис в обществе не преодолевается, зато происходит новое деление собственности между новой элитой и оппозицией.

В ходе классической революции, в основном, используются силовые методы, которые применяются при вооруженных переворотах, локальных вооруженных конфликтах и гражданских войнах. Мировое сообщество на протяжении многих лет выработало действенные методы противостояния этой угрозе и сумело создать некоторые механизмы политической регуляции. В этом немалая роль отводится Организации Объединенных Наций, которая продолжает быть лидером по вопросам урегулирования международных конфликтов, продолжающие быть актуальными. Вместе с тем, сегодня на смену уже знакомым технологиям вооруженных переворотов, приходят более тонкие технологии «цветных революций».

Такие революции привлекают большое внимание из-за того, что начиная с 2000 года в ряде стран, с довольно устойчивыми политическими режимами, произошли государственные перевороты, которые полностью или частично привели к падению политических режимов, долгие годы успешно сопротивлявшихся внешним и внутренним угрозам. Так были практически уничтожены старые режимы в Тунисе, Египте, Ливии и др. в ходе так называемой «Арабской Весны». В сценариях смены политических режимов этих стран наблюдается огромное сходство в организационной схеме. Такое

совпадение сценариев трудно назвать случайностью, так как вероятность такого совпадения в странах с различными политическими системами и уровнем социального и экономического развития крайне мала.

Так, можно обратить внимание на то, что, к примеру, революция 2014 года в Украине (евромайдан) до мелочей схожа с революциями на Ближнем Востоке (события «Арабской Весны») [4]. Это может говорить о том, что речь идет об одном и том же явлении в разных странах, а именно применение особых технологий «цветных революций», которые, по сути, революциями не являются.

Более структурированное понимание «цветной революции» было сформировано американским профессором политологии, автором теории ненасильственного сопротивления Джином Шарпом [6]. В своей работе Дж. Шарп рассматривает борьбу с не западно-ориентированными государствами как борьбу с диктатурой. В его книге идет детальный рассказ о том, как осуществить революцию с помощью самых простых методов. В этой работе подробно раскрывается тактика и стратегия деятельности внутри «тоталитарных» государств (тоталитарных согласно видению демократических держав). Его 198 методов ненасильственных действий стали настоящим руководством к действию для молодых революционеров и оппозиционеров Югославии, Грузии, Украины, Киргизии и других стран [6, с. 76-82].

Общей чертой «цветных революций» является стремление ослабить тоталитарный режим путем массового политического неповиновения населения и государственных институтов. Такое умелое применение политического неповиновения приводит к дестабилизации позиций тоталитарного режима. Так западные СМИ отмечают, что «цветные революции», которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов [4, с. 17].

Итак «цветными революциями» можно назвать специальными технологиями государственных переворотов, в условиях искусственно созданной политической нестабильности. Осуществляемые акции протеста в разных государствах с разными социальными и политическими укладами организуются по единому образцу выхода протестующей молодежи, которая затем реформируется в организованную толпу, которая служит инструментом для смены правящей элиты, но это вовсе не означает изменение условий жизни населения в государстве в лучшую сторону.

Нужно отметить, что важным условием осуществления «цветной революции» является наличие социально-политической нестабильности в стране, которая сопровождается кризисом действующего правительства. Однако в случае стабильности социально-политической обстановки в стране – ее необходимо искусственно дестабилизировать, как это было в Египте, Тунисе, Ливии. Для достижения такого результата иногда требуется более длительная подготовка. Так, по словам Зб. Бжезинского Америка оказывает на мир «воздействие более стойкое в плане долгосрочных интересов и в силу этого обладает большим преобразующим потенциалом» [3, с. 230]. Так же он отмечает, что та «глобальная культура», которую Америка насаждает всем, изменяет социальную мораль, культурные ценности, материальные запросы молодого поколения [3, с. 230].

«Цветные революции» в отличие от классических, вызванных объективным развитием исторического процесса, являются заранее продуманным процессом, замаскированным под самопроизвольные и стихийные процессы в обществе, в котором народ вдруг осознал себя свободным и пожелал обрести власть над своей страной. В основе революционного сценария «цветных революций» лежит прозападная идеология демократизации общества, внедряя в определенные государства демократию с ее институтами и ценностями [2, с. 230].

Можно предположить и то, что «цветные революции» происходят стихийно и причиной их являются объективные социальные проблемы, которые проявляют себя в народных восстаниях, и массовых протестах «угнетенного» населения, которое устало от нищеты, несправедливости и угнетения. Однако при основательном изучении социально-политической обстановки любой из стран, где произошла «цветная революция» можно прийти к выводу, что хотя в них и присутствовали некоторые социальные и экономические проблемы, однако они не были основной причиной восстания. К примеру, в Ливии граждане страны получали годовые природные ренты и многие другие социальные выплаты, имели льготы на все коммунальные услуги (за электричество и воду вообще ничего не платили), их уровень достатка был настолько велик, что некоторые могли даже и не работать. В Сирии, где много лет господствовал авторитарный режим, произошли изменения, когда президент Башар аль-Асад принял решение смягчить авторитарность власти и начал проводить некоторую либерализацию политического режима, чем и воспользовались исламисты.

Еще одним отличием «цветных революций» является отсутствие революционной идеологии, что выявляет ее поддельность и искусственность. Это можно связать с тем, что авторы сценария «цветной революции» не до конца понимают менталитет и психологию народа, которому он преподносят «истинную демократию» и не могут предложить подходящую им идеологию, которая была бы принята всеми слоями общества. В качестве примера приведем «евромайдан» в Украине, главным лозунгом которого был «Украина – это Европа»! Все ли украинцы считают себя европейцами?

Итак, «цветные революции», как было сказано выше – это технология ненасильственной политической борьбы, однако такое определение не является точным и даже может ввести в заблуждение, полагая, что такой вид революции более щадящий и мягкий, поэтому менее опасный в условиях авторитарного режима. Однако современный Ближний Восток, погруженный в «управляемый хаос» является свидетельством того, что такой вид революции по своей природе это вовсе не форма проявления «мягкой силы». «Цветные революции» – это организованная форма государственного переворота, маскирующегося под лозунгами национальной революции. Особую опасность представляет возможность перехода «цветной революции» в гражданскую войну, и более того в международный конфликт. Для цветных революций военная сила не является основным инструментом, а лишь побочным эффектом. Однако, современные цветные революции все чаще переходят в военные конфликты.

Итак, сценарий, лежащий в основе всех «цветных революций», один: создание протестного движения, превращение его в настроенную против политического режима толпу, нацеленную против действующей власти с целью заставить ее добровольно уйти с государственного поста.

Дж. Шарп даже дает название предварительному этапу осуществления сценария «реалистичное планирование», когда необходимо выяснить социальную обстановку, а затем выбрать время выступления активистов «цветной революции» [6, с. 43]. И это происходит вместе с организацией информационного сопровождения, которое работает как манипуляционный механизм в условиях глобального информационного пространства.

Такое давление со стороны протестующей толпы происходит путем выдвижения ультиматумов с угрозой массовых погромов, а иногда и физических расправ с инакомыслящими. Если власть сопротивляется, то «цветная революция» переходят в стадию вооруженного мятежа. Порой такой вооруженный мятеж сопровождается военным вмешательством со стороны западных стран, как это было в Ливии и Сирии.

Как и любое явление «цветные революции» также эволюционируют и приобретают новые характеристики. Со временем добавляются новые механизмы такие как обратная связь и «управляемого хаоса», о котором речь шла выше. Такие механизмы позволяют управлять политической нестабильностью не только в пределах одной страны (Украина, Грузия, Белоруссия и др.), но и в масштабах целого региона (Ближний Восток, Северная Африка и др.).

Механизм обратной связи представляет собой специальный механизм коррекции, позволяющий своевременно и оперативно устранить недочеты в реализации схем «цветных революций», адаптируя эти схемы под особые условия конкретной социокультурной среды. Такой механизм был использован в революциях «Арабской Весны» где процессы «принудительной демократизации» проводились последовательно, каждый раз учитывая те ошибки, которые были допущены в предыдущей схеме. Что касается механизма «управляемого хаоса», то он как раз позволяет адаптировать схемы «демократизации», изначально предназначенные для обществ западного типа, к традиционным обществам Востока. Понятно, что для внедрения западных технологий в такую особую социокультурную среду необходимо сначала разрушить традиционный общественный уклад. Здесь и вступает в силу механизм «управляемого хаоса», основная задача которого обеспечить разрыв связей между индивидами общества и общиной, заменяя принцип коллективизма (свойственный восточному обществу) на индивидуализм западного образца.

Выводы. В преддверии XXI века начал свою апробацию проект подконтрольного политического режима, воспринимаемый как реализация волеизъявления народа. По всему миру возникали псевдореволюции – управляемые и заранее спланированные. Был создан специальный технологический механизм, который был бы внедрен в определенное политическое пространство в определенное время, при определенных обстоятельствах и при наличии определенных социально-политических и экономических условий. Таковой явилась «цветная революция», которая, тем не менее, зависит от определенных социально-политических и экономических предпосылок развития государства. Однако, как мы выяснили, такие предпосылки могут быть искусственно созданы для

достижения целей «цветной революции», которая состоит в дестабилизации государственного строя, влекущего смену политического режима и «демократизацию» общества по западному (американскому) образцу с внедрением новой системы управления подчиненной внешней силе.

Исходя из опыта «цветных революций», тщательная подготовка и планирование этого процесса ведет к достижению поставленной цели.

Существуют попытки разработать такую систему, которая бы способствовала избежать возникновения «цветной революции» и сломать технологическую схему этого проекта. Прежде всего, необходимо работать с молодежью входящую в группу риска возрастом от 18 до 35 лет, привлекая ее в конструктивную деятельность общественных проправительственных организаций.

Поток «цветных революций» в странах СНГ и на Ближнем Востоке демонстрирует стремление западных стран и США утвердить свои позиции на мировом пространстве. Успешные попытки проведения такого типа революций у границ России вызывает необходимость выработки эффективных механизмов противостояния.

Список использованных источников:

1. Бачонов М. А. «Цветные революции»: актуальный ракурс / М. А. Бачонов // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 138-144.
2. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Зб. Бжезинский / Пер. с англ. Е.А. Нарочницкая (часть I), Ю.Н. Кобякова (часть II), – М.: Междунар. Отношения, 2007. – 288 с.
3. Вердиханова З. В. «Цветные революции»: теории и технологии / З.В. Вердиханова // Регионоведение. 2016. № 1 (94). С. 33-40.
4. Кара-Мурза С. Г. Экспорт Революции: Саакашвили, Ющенко... / С. Г. Кара-Мурза, С. А. Телегин, С.А. Мурашкин –М.: Алгоритм, 2005. – 528 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – В 2 т. – 1209 с.
6. Шарп Жд. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.
7. Шпенглер О. Годы решений / Пер. с нем. В. В. Афанасьева; Общая редакция А.В. Михайловского. – М.: СКИМЕНЪ, 2006. – 240 с.

УДК 1(091)

Голубничий Р. В.

ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В работе отражено социально-философского осмысление феномена революции. Показана связь термина «революция» с категорией «социальные изменения», а также роль при этом междисциплинарного научного метода.*

***Ключевые слова:** философия, революция, социальное изменение*

Golubnichy R.V

THE PHENOMENON OF THE REVOLUTION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS.

***Summary.** In work socio-philosophical understanding of the phenomenon of revolution. Shows the relationship of the term "revolution" with the category of "social change" and the role interdisciplinary scientific method.*

***Key words:** philosophy, revolution, social change*

Современное российское общество характеризуется не только объективными процессами социальной трансформации, но и сохранением своих глубинных ценностных ориентаций,

образующих связь прошлого, настоящего и будущего. Определяющее влияние на формирование аксиологических предпочтений, мировоззренческих установок россиян разных поколений оказал феномен революции, отражая «взаимодействие традиций и инноваций в социальных изменениях, преемственность социального опыта от поколения к поколению» [7, с.144]. Философия революции, её природа и закономерности получили освещение в работах В.П. Булдакова [2], Р. Дунаевской [4], Г.В. Захарченко [6], Г.А. Завалько [5], Ж.М. Кучуковой [8], Ю.Н. Назарова [10], А.В. Пыжикова [12], В.Л. Харитонова [14], и др. Методология изучения теории революций разработана Р.Н. Блюмом [1].

«Понятие революции, – справедливо указывает Ю.Н. Назаров, – является одной из тех категорий социальной философии (и обществензнания в целом), без которой невозможно выстроить теорию исторического процесса» [10, с.5]. Вышеназванный феномен в истории социально-философской мысли рассматривается как составная часть концепта «социальные изменения». Так, Аристотель видел в нём государственный переворот, а М.С. Лунин – коренной переворот, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров – социальную революцию, А.И. Герцен – общественный переворот, П.Б. Струве – социальный переворот. При этом, на наш взгляд, социально-философское осмысление анализируемой проблематики должно опираться на использование междисциплинарного научного метода, который имеет методологическую значимость для исследователей различных отраслей гуманитарного знания: истории, социологии, политологии и др.

Первоначально термин «*revolutio*» был заимствован философами из астрономии и означал круговое орбитальное движение, обращение небесных тел [1, с.8-9]. Достаточно вспомнить сочинение Т. Гоббса «*Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского*» (1651 г. [3]). В 1690 г. Д. Локк оперирует категорией «революция» в качестве синонима термина «восстание» [9, с.392-393]. Только в XVIII в. сущность революции трактуется в её современном значении [13]. На наш взгляд, революцию следует анализировать как многоаспектный феномен: как философское понятие (совокупность коренных изменений в обществе в целом, а также его основных подсистем: материально-производственной, духовно-производственной и политико-управленческой), как идею, которая прошла длительный путь формирования. Так, она получила своё обоснование в XVIII в. под влиянием философских концепций эпохи Просвещения. Во второй половине XIX в. формируется концепция консервативной революции, цель которой – восстановление прошлого общественного порядка. Определяющее влияние на обществоведение, политологию и социологию XX в. оказала марксистская социальная философия. «Революции, – пишет Э.Э. Шульц, – являются одним из ключевых компонентов марксистской философской системы» [15, с.189]. Марксизм рассматривал их как коренные социальные перевороты. Феномен Русской революции 1917 г. характеризуется противоречиями, с одной стороны, неоспорима её социокультурная составляющая, а с другой – внешнее воздействие на людей с целью прогрессивного преобразования общества, «трагический излом» [11, с.122]. Здесь, по мнению Г.А. Завалько, «необходимо соблюдение меры. Чрезмерное насилие не только аморально, но и вредит революции, так как создает ее противников. Оно аморально, даже если помогает победе революции, так как, служа интересам восходящего класса, предаёт самые глубинные интересы человеческого рода – стремление к свободе, равенству и солидарности» [5].

Следовательно, в силу изложенного, можно сделать вывод о том, что оценка тех или иных революционных исторических событий определяется следующими факторами: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые чаще всего выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, мировоззренческими и научными позициями исследователя, включая его отношение к проблеме общественного прогресса и методам преобразования общества.

Список использованных источников:

1. Блюм Р.Н. Поиски путей к свободе. Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. -Таллин, 1985.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. - М., 1997.
3. Гоббс Т. *Левиафан* // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М., 1991.
4. Дунаевская Р. Философия и революция: от Гегеля до Сартра и от Маркса до Мао - Самара, 1993.
5. Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. - М.: КомКнига, 2005.

6. Захарченко Г. В. Философия революции : монографическое исследование - Самара, 2009.
 7. Корж Н.В., Щанина Е. В. Сравнительная характеристика ценностных ориентаций разных поколений россиян // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. №1 (37).
 8. Кучукова Ж.М. Трансформации образа революции в философско-теоретической мысли : социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Сочи, 2012.
 9. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М., 1988.
 10. Назаров Ю.Н. Революция как предмет социально-философского исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Нижний Новгород, 2006.
 11. Пантин И.К. Социально-экономические истоки Русской революции// Революция как концепт и событие: монография. - М., 2015. С. 122.
 12. Пыжиков А.В. Российская история первой половины XX века: новые подходы // Вопросы философии. 2003. № 1.
 13. См: Нарский И.С. Философия Д. Юма – М: Издательство МГУ, 1967.
 14. Харитонов В.Л. Февральская революция в России – знаковое событие XX века // Российский исторический журнал. 2002. № 1.
- Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм// Приволжский научный вестник. 2014. № 2. (30). С. 189.

А.Г.Ерзаулова

ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОКОВ НА РЕВОЛЮЦИЮ

***Аннотация** Революция, как историческое событие для каждого нового поколения дает возможность по-новому осмыслить те или иные аспекты, привнося свое толкование спорных моментов. Современники революции, помогают нам лучше понять исторические события в России 1917 года. Художественная литература, газетный материал, документальные и мемуарные произведения рассказывают нам о трагической эпохе и поколении людей, для которых она стала главным и поворотным событием в их жизни.*

***Ключевые слова:** революция, монархия, буржуазная демократия, пролетарская диктатура, социальная справедливость, интеллигенция, большевики, советская власть, русская эмиграция*

A.G. Erzaulova

THE CONTEMPORANEES 'VIEW OF THE REVOLUTION

***Annotation:** The revolution, as a historical event for each new generation, gives an opportunity to reinterpret certain aspects in a new way, introducing its interpretation of the controversial points. Contemporaries of the revolution, help us better understand the historical events in Russia in 1917. Fiction, newspaper material, documentary and memoirs tell us about the tragic era and the generation of people for whom it has become a major and turning point in their lives.*

***Keywords:** revolution, monarchy, bourgeois democracy, proletarian dictatorship, social justice, intelligentsia, Bolsheviks, Soviet power, Russian emigration*

Семнадцатый год прошлого столетия оставил нам множество исторических источников, суждений и высказываний о революции. Художественная литература, газетный материал, документальные и мемуарные произведения рассказывают нам о трагической эпохе. Для целого поколения людей русская революция стала главным и поворотным событием в их жизни.

Сразу после исторических событий в печати стали появляться отклики. Свидетели революции, жившие на рубеже XIX-XX веков, помогают лучше понять политические процессы в России.

События в Петрограде называли «судьбоносными», «роковыми», «главными», но они же, эти события, разделили современников на противоборствующие лагеря. Первые призывали вернуться к монархической России, другие пытались утвердить зарождающуюся буржуазную демократию, третьи отстаивали пролетарскую диктатуру.

А. Куприн был свидетелем карьерного роста талантливого адвоката А. Керенского, в «Свободной России» он писал о том, что перед Керенским открывается большие возможности для политической деятельности. Народ считает его своим, и именно его голос слышен ярче всех остальных среди единомышленников [5]. Но также за политической деятельностью А. Керенского наблюдали А. Карташев, З. Гиппиус, В. Злобин и Б. Савинков, все они прошли путь от восторгов до разочарования. З. Гиппиус напишет следующее: «Да, фатальный человек; слабый...герой. Мужественный...предатель. Женственный...революционер. Истерический главнокомандующий. Нежный, пылкий, боящийся крови – убийца. И очень, очень, очень, весь – несчастный» [3, с.156].

Мемуарные свидетельства помогают понять, что происходило на самом деле.

Сам А. Керенский главным итогом революции считал установление свободы, равенства и социальной справедливости: «Я категорически утверждаю, что временное правительство, опираясь на все здоровые и демократические силы государства, целиком выполнило свой долг: после падения монархии в кратчайший срок весь государственный, административный и хозяйственный аппарат государства был перестроен на твердых началах политической и социальной демократии» [4, с.9].

Радостно приветствует февральскую революцию в статье «Нельзя молчать» Максим Горький: «Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею – не менее кровавая и мрачная реакция. Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь» [5, с.19]. Вскоре Горький уедет в Европу, но вернется через семь лет и привезет очерк «Владимир Ленин», опубликованный в журнале «Коммунистический Интернационал». В 1958 году выйдет книга «В. И. Ленин и А. М. Горький», представляющая собой высказывания двух авторов, где собраны исключительно восхищенные отзывы друг о друге, что будет названо «большой дружбой».

Подобная история приключилась и с дневниками Ивана Бунина. Само название уже было оценочным «Окаянные дни», в которых И. Бунин описывает впечатления о революционном прошлом России: «Сатана каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода» [5, с.21]

Бунин более всего ополчается на М. Волошина: «Вчера он был белогвардейцем, а нынче готов петь большевиков» [2, с.90]. Но Бунин, конечно же не знал, о том, что Волошин мог сотрудничать и с белыми и с красными. Так, в собранных Волошиным сочинениях, в 12 томе, мы читаем о том, что однажды ему удалось расположить к себе председателя ЧК в Феодосии, который предложил ему вычеркнуть из списков смертников, кого посчитает нужным, и на удивление, и счастье Волошина, в первом списке он обнаружил свою фамилию. В письме К. Кондаурову Волошин раскрывает страшные тайны статистики большевистского террора в Крыму, когда только за зиму 1920 было расстреляно 96 тысяч из 800 тысяч всего населения.

А. Блок в книге «Последние дни императорской власти» укажет на шокирующие факты уходящей монархии: «На исходе 1916 года все члены государственного тела Росси были поражены болезнью, которая уже не могла пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции» [5, с.29]. Настроение общества накануне переворота носило тревожный характер, сообщает Блок, открыто и свободно распространялись опасные речи о возможных революционных переворотах, роспуске Думы, критичные и даже дерзкие высказывания о Священной особе Государя Императора. Все эти умонастроения публикуются массово в газетах и журналах. Интеллигенция верит в то, что убийства и террор помогут найти выход из сложившегося положения, рабочие устраивают забастовки переходящие в революцию, а либеральная оппозиция в это время делит портфели. А. Гучков, российский политический и государственный деятель, в разгар этих событий посещает князя Голицына и говорит о том, что если бы пришлось сейчас арестовывать людей за оппозиционное настроение, то пришлось бы арестовывать всех [5].

Следующим событием после распространения этих тревожных слухов последовал голод и так называемые «голодные бунты». В докладе охранного отделения сообщается: «Никогда еще не было столько ругани, драк и скандалов, как в настоящее время, когда каждый считает себя обиженным и старается выместить свою обиду на соседе. Обывателя стригут по несколько раз в день и он по своей беспечности лишь вопит к администрации: «спасите, не дайте снять совершенно шкуру»» [5, с.50]. Итог доклада сходил к одной простой мысли, что первые стихийные выступления и бунты масс обязательно завершатся самой страшной из возможных анархической революцией.

В армии происходило то же самое. Все устали от войны и для многих стало очевидным, что если мир не будет заключен в ближайшем будущем, то начнутся страшные беспорядки, и не из-за трусости, а по причине бесполезности проводимой военной политики. Председатель

Государственной думы третьего и четвертого созывов М. Родзянко посещает Николая II в Царском Селе и обращается к нему с пожеланием скорее покинуть Россию и спасти себя, так как царское правительство теперь только раздражает население и все возможно, так как мы, сообщает он царю, накануне огромных событий. Царь ответил очень лаконично, что сделает то, что Бог на душу положит. Родзянко буквально ответил следующее: «Бог ничего не даст, вы и ваше правительство все испортили, революция неминуема» [5, с.55].

Из воспоминаний А. Шульгина «Последние дни конституции» мы узнаем свидетельство очевидца об отречении Николая II от престола. После того как Шульгин и Гучков вышли из императорского вагона, их обступили люди, которым необходимо было дать ответ и это сделал Гучков: «Россия вступает на новый путь..Будем просить Бога, чтобы Он был милостив к нам..Толпа снимала шапки и крестилась... И было страшно тихо» [6, с.57]

З. Гиппиус в «Синей книге» передает свои впечатления от случившегося, пораженная тем, что в то время как на Невском проспекте обстреливали из пулемета людей, многие находились в театре, любясь постановками Юрьева и Мейерхольда: «Все школы, гимназии, курсы – закрыты. Сияют одни театры» [3, с.125]

Впечатления от революционных событий очень разные, есть и хорошие, так Гиппиус впечатляется здоровым и жизнерадостным порывом молодежи, которая устремлена в будущее: «Но какие лица хорошие. Какие есть юные, новые, медовые революционеры. И какая невиданная, молниеносная революция» [3, с.133]

Леонид Андреев в книге «Верните Россию» о старом режиме напишет: «Зная бездарность, нищенское тупоумие и тупоумное упорство царского правительства, можно было категорически предсказать наступление того момента, когда оно окажется совершенно бессильным справиться с задачами войны (даже предполагая, что оно и хотело бы победы) и естественно, путем революции, передать власть свою народу» [1, с.200]. Но совершенно победоносно и торжественно встречает Андреев Ленина, как триумфатора и победителя: «Вот он серый, в сером автомобиле: как прост и вместе величав его державный лик, сколько силы в каждом движении его благородной руки: одним мгновением он приводит в движение пулемёты и воздвигает стихии на голову непокорных» [1, с.214]. Но, чуть позже, Ленин у Андреева приобретает «маньерические» черты: «Смотрю на тебя и вижу, как растет в высоту твое маленькое тело. Вот ты уже выше старой Александровской колонны. Вот ты уже над городом, как дымное облако пожара. Вот ты уже как черная туча, простираешься за горизонт и закрываешь все небо: черно на земле, тьма в жилищах, безмолвие, как на кладбище» [1, с.216].

М. Горький описывает московские революционные события, когда часто на улице свои обстреливали по нелепой случайности своих же. Страдали в основном юнкера так как самодержавие истощило духовную мощь страны, а война физические истребила сотни тысяч молодежи [5, с.232].

В. Розанов в статье «Революционная Обломовка», написанной летом 1917 года, описывает внезапность и непредсказуемость событий в Петербурге: Революция пришла как-то вдруг, изменив историческую реальность в одно мгновение, и все теории, которые подготавливали ее на протяжении 60 лет ничто по сравнению с происходящими событиями. Страшные вещи пишет В. Розанов о дореволюционной России и как они созвучны нашей эпохе: «Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала веру, продала земли, продала работу. Продала, как бы Россия была ее крепостною рабою. Она вообще продала все, что у нее торговали и покупали» [5, с.259].

А. Блок в одном из писем матери пишет о том, что произошло чудо, которое совершилась на его глазах и продолжает совершаться ежедневно «нечто сверхъестественное, восхитительное» [5]. Между интеллигенцией и большевиками может быть музыкальное согласие, пишет Блок, даже лозунги большевиков созвучны революционным настроениям интеллигенции.

Марина Цветаева возвращается в революционную Москву из Крыма, описывает свои впечатления: «Уши, прячущиеся в шапках, души, прячущиеся в шубах, головы, прячущиеся в шеях, глаза, прячущиеся в стеклах. Ослепительное – при вспыхивающей спичке – видение шкуры» [5, с.280]. И далее, вернувшись в Коктебель видение русской революции на пять лет вперед с террором, гражданской войной, расстрелами и кровью.

К. Бальмонт полагал, что революция в России невозможна, и перемена может произойти через отмену власти царей либо развитие какой-то отдельной части народа. По его мнению поэт, истинный поэт всегда выше всяких партий, его стихия – чистая поэзия, которой он живет и дышит.

Н. Бердяев в работе «Русская революция и мир коммунистический» пишет: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное» [5,

с.369]. Развивая эту мысль, можно сказать, что Бердяев указывает на то, что за революцию ответственны все, и она пришла как некая необходимость и неизбежность, эта горькая судьба России. Говорить о том, что монархия была свергнута не верно, продолжает Бердяев, она сама разложилась изнутри, а большевизм явился неизбежной стадией исторического становления России [5].

Н. Бердяев высказывает свою убежденность в том, что ответственность лежит в первую очередь на людях старого режима, а потом уже на деятелях русского ренессанса начала XX века: «Русский ренессанс был асоциален, был слишком аристократически замкнутым» [5, с.374]. Поэтому коммунизм был обращен в первую очередь к христианам, не исполнившим своего долга.

Интересные факты о русской эмиграции сообщает писатель М. Осоргин. Так, для многих из тех, кто покидал Россию, отъезд был настоящей трагедией. Европа не притягивала этих людей, вся жизнь их была связана с Россией. Главная причина по которой они покидали свою Родину – непримиримость с советской властью. М. Осоргин пишет: «Нас высылали на три года (на больший срок по закону не полагалось); устно нам разъяснили: т.е. навсегда» [5, с.397]. Но эмигранты между собой тоже разделились на тех, кто ненавидел Россию и мечтал о возвращении старого строя и тех, кого можно назвать патриотом, кто верил в возрождающуюся и обновляющуюся Россию, которая продолжала жить.

Но вместе с этим, главным свидетелем и участником всех этих событий был русский народ, который в процессе сложного исторического пути, вопреки всему, продолжал создавать новые явления культуры, уже нового просоветского типа, и главным источником и фундаментом для сохранения и рождения новых социальных и духовных ценностей выступала соборность и совместная общинная организация жизни русских людей.

Список использованных источников

1. Андреев Л. Верните Россию / Л. Андреев. – М.: Московский рабочий, 1994. – 270 с.
2. Бунин И. Окаянные дни / И. Бунин. – М.: [Издательство "Эксмо" ООО](#), 2014. – 640с.
3. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893-1919 / З.Н.Гиппиус. – М.: Русская книга, 2003. – 576 с.
4. Керенский А. Русская революция 1917 / А. Керенский. – Центрполиграф, 2005. – 384с.
5. Революция глазами современников / Сост., предисл., примеч. Т.Ф. Прокопова. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 480 С.
6. [Шульгин](#) В. Дни. Россия в революции 1917. / Сост., предисл., Н. Старикова. – Питер, 2015. – 288 с.

Т. С. Каленова

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

Аннотация. В этом году исполняется 100 лет с момента образования национально-освободительного движения «Алаш». Идеи национальной интеллигенции начала XX века актуальны и в наше время – в эпоху глобализации, ведущей к усилению международного взаимодействия и укреплению общечеловеческих и демократических ценностей. Их основной целью являлась постепенная адаптация казахстанского общества к современным реалиям на основе разумного сочетания национальных традиций с лучшими достижениями мировой цивилизации.

В данной статье на основе архивных документов рассматривается политическая ситуация в Казахстане, в частности на территории Восточного Казахстана во время Февральской и Октябрьской революции 1917 года.

В статье изучается общественно-политическая деятельность Алашской интеллигенции в период двух революций 1917 года, создание национально-политической партии «Алаш, гражданская война 1918-1920 гг.

T.S Kalenova

KAZAKHSTAN IN THE PERIOD OF 1917 REVOLUTIONS

Abstract. This year 100 years from the moment of formation of the national liberation movement "Alash" are executed. The ideas of the national intellectuals of the beginning of the XX century are relevant and presently – during an era of the globalization leading to strengthening of the international interaction

and strengthening of universal and democratic values. Their main objective was gradual adaptation of the Kazakhstan society to modern realities on the basis of a reasonable combination of national traditions to the best achievements of a world civilization.

In this article on the basis of archival documents the political situation in Kazakhstan, in particular in the territory of East Kazakhstan is considered during the February and October revolution of 1917.

In article social and political activity of the Alashsky intellectuals during two revolutions of 1917, creation of national political party "Alash, civil war of 1918-1920 years.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России в 1917 году была долгожданным политическим событием для всех сил, противостоящих царству, а также народам царской эпохи. Поэтому неудивительно, что революция в Петрограде начала объединять прогрессивные группы народов казахской интеллигенции и других провинций в восточном регионе России.

Летом 1917 года начинается процесс движения Алаш как партии. Он был тесно связан с избирательной кампанией в собрании Курылтай. Члены группы Алихана Букейханова активно участвуют в избирательной кампании.

Алихан Букейханов присутствовал на Сибирском региональном съезде (8-10 октября 1917 г.) от имени Семипалатинской области (А. Букейханов и А. Ермаков присутствовали на съезде. На Съезде рассматривались вопросы самоуправления, гражданства, земли, унитарного экономического совета и постоянного регионального органа [1, с.127]), на обратном пути он остановится в Семипалатинске, с той же целью и проведет встречи с общественностью 12-13 октября. На этот раз при непосредственном участии А.Букейханова в Семипалатинске будет открыта региональная организация «Алаш».

А. Букейханова приветствовали представители комитета и обученные граждане и среди них семинарист - Ж. Аймаутов. От имени народа Шайх Мусатаев, от имени Комитета Ахметжан Козюбаев, от имени учителей Маннан Турганбаев, от имени молодежи Султанмахмут Торайгыров поздравив лидера Алаш А.Букейханова, после поздравления от имени учеников Жусупбек Аймаутов: «В те темные кровопролитные дни, пожертвовавший свою жизнь за дело алаш, мы при встрече с Вами, наш величественный брат, не можем выразить радость своего сердца словами». Ваша жизнь, пройденный вами дорога будет нам молодому поколению освещать путь словно факел! Пусть здравствует – водимый Вами Алаш! Да будет Алаш!» [2]- и этими словами он встречает с радостью А. Букейханова, который свою жизнь без остатка отдал с имя своего народа

В конце встречи А. Букейханов сказал: «Братья, братья! Если вы радуется свободе, называете меня «лидером», вот мое обещание служить вам до смерти ... Если на пути к свободе: не обижайте бедных, объединять партию, все усилия должны быть направлены на путь к свободе слова. Если вы этого не будете делать, сама по себе свобода не придет»[3].

Таким образом, 12-20 октября, под руководством А.Букейханова в Семее будет открыт временный областной комитет партии «Алаш». В его состав входили - А. Ермаков Р. Марсеков, И. Алимбеков А. Козюбагаров (председатель Мажилиса), Т. Кунанбаев, Х. Габбасов (Председатель Комитета), С. Дюсенбин (секретарь), А. Букейханов (почетный председатель), М. Малдыбаев А. Молдибаев (Казначей), Б. Сарсенов. В то время у партии «Алаш» не было всеобъемлющего проекта. По этой причине региональный комитет представляет временный проект. В нем говорится: «В партию Алаш должен избираться человек честный, справедливый, которому нравится программа партии Алаш ...» [4]. Главная задача Комитета заключалась в привлечении избирателей в «Алаш».

Первым Всеказахским съездом было принято постановление, для избрания большого количества казахов в депутаты «Из каждого региона по одному из списка. Этот список должен быть на Всеказахском съезде»[5, с.51-52]. Кроме того, до выборов, соглашаясь с другими политическими партиями, альянсы будут отдаваться воле каждого региона. На выборах в Семее участвуют 4000 человек (достигших 20 лет) [6,л.2] В состав учредительного собрания в городе Алаш (бывшая Заречная слободка, расположенная на левом берегу Иртыша, ныне в городе Семей) входили: Атамбаев, Ж. Алдонгаров, Б. Кумарин и П. Шевченко (председатель), Ф. Лучшев (секретарь), проведенным специальной избирательной комиссией, которая включена в избирательный участок № 4.

Выборы в собрание Курылтай состоятся в конце 1917 года. Местные жители получили наибольшее количество голосов «Алаш». Так, по данным Семипалатинского уезда, его список набрал 85,5%, а в Семипалатинске - 33,3% голосов [7, с. 27]. В целом партия «Алаш» получает 90% голосов

сельского населения. Между тем, идеи независимости, самоуправления доминируют в общественных настроениях казахов [8, с.81].

21 ноября 1917 года газета «Казах» опубликовала проект программы партии «Алаш». Он состоял из разделов, которые включали основы программы, такие как Позиция Государства, Местная свобода, Право, Религия, Правительство и суды, Защита страны, Налоги, Работники, Наука, Образование, Земельные вопросы. Они были в целом демократическими.

К осени 1917 года в Казахстане будет создана еще одна национальная политическая организация - Казахская социалистическая партия «Три жуза». Эта партия направлена на реализацию идей «Братьев-мусульман», «Консолидация тюрко-татарских народов» в контексте социализма. Политическая, социальная ориентация партии Алаш и партии «Три жуза», были противоположными.

Партия «Три жуза» призывала казахский народ быть советским государством, а советская большевистская партия, названная «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» у которой лозунг, «чтобы избежать какой-либо идеи национального характера этой партии». Однако ни одна партия не думала о казахском народе, так как партия «Алаш».

Весной и летом 1917 года молодежные организации были открыты в ряде населенных пунктов Казахстана, особенно в городских районах, по инициативе казахских учеников и учителей. Например, «Молодежный студенческий совет демократических студентов» и «Бирлик» в Омске, «Жас казах» в Акмоле, «Казахский молодежный революционный союз», «Жанар» в Семипалатинске, «Талап» в Кызылжаре. Однако, несмотря на то, что эти организации не имели одинаковых идеологических позиций, они служили национальным интересам.

5-13 мая 1918 года в Омске по инициативе организации «Бирлик» пройдет Всеказахский молодежный конгресс. На этот съезд будет приглашен один представитель от каждой из казахстанских молодежных организаций. В конгрессе примут участие только 15 представителей [9]. Официально представителем организации «Жанар» был отправлен Мухтар Ауэзов. Однако, по некоторым данным, на съезде присутствовал и Жусупбек Аймаутов из организации «Жанар». На конгрессе обсуждались вопросы политического объединения, сотрудничества, организации благотворительности, распространения искусства, сельского хозяйства, медицины, образования, проблем женщин, работников [10]. Здесь избирается 5 руководителей комитета и создается организация «Молодой гражданин».

В середине 1917 года казахское население, особенно Сырдарьинской и Жетысуской областей, страдает от массового голода. Основной причиной этого является резкое снижение сельскохозяйственного производства из-за плохих погодных условий. Например, в 1917 году местное население получило 14,5 млн. пудов хлеба из зерна Жетысуского района, а это означает, что в 1918 году 50% населения остались без хлеба [11, с.46]. Кроме того, что на казахской земле широко распространен голод, была политическая нестабильность в стране и затраты на предыдущую войну. Между тем, в начале марта 1918 года в Семипалатинске казахская интеллигенция организовали комитеты в Жетысуской и Сырдарьинской областях, чтобы спасти население от голода. Под председательством регионального комитета Казахстана и молодежной организации «Жанар» были избраны в комитет 5 человек, М.Дулатов председателем и заместителем Ж.А. Аймаутов [12]. В частности, правило этого комитета публикуется в газете «Сары-Арка» [13]. Цель состояла в том, чтобы побудить население в участии в этом деле и рассказать всей стране. В соответствии с правилами Комитета были приняты: выдающийся членский взнос, взимаемый с 50 сом, обычный членский взнос в размере 10 сом и закят (налог в пользу бедных), пожертвования. В соответствии со статьей 10 Правил процедуры Комитета работа над открытием таких комитетов в других городах и округах была передана обученным гражданам Казахстана. И Комитет по оказанию помощи в Семипалатинске считается главным комитетом.

С одной стороны, в том же духе были вовлечены такие патриотические цели, как сохранение нации, с другой стороны, такие как Алихан Бокейханов, Миржакып Дулатов, Мухтар Ауэзов и Жусупбек Аймаутов, пришли из гуманистических интересов.

Партия «Алаш» предложила создать национальное государство Алаш, которое будет частью демократической России в своем проекте национальной автономии. Этот вопрос был одним из основных вопросов, обсуждавшихся на II Всероссийском конгрессе, состоявшемся 5 - 13 декабря 1917 года. Конгресс решил создать Временный национальный совет Алашорда, чтобы спасти население от анархии в условиях политической нестабильности в стране. Но большевики, принявшие принцип классификации, и белогвардейцы, которые были против них, не хотели принимать правительство Алашорды, которое правило идеей национального единства. Однако, когда советское

правительство завоевало господство во всех регионах Казахстана, алашевцы были вынуждены вести переговоры с большевистским правительством. Халел и Жаханша Досмухамедовы были отправлены в Москву в марте 1918 года по решению правительства Алашорда, чтобы передать решение II Всеказахского конгресса Комиссии по делам нации. Затем, 20 марта, глава Советского правительства в Москве, Ленин и Народный комиссар от Сталина направили телеграмму Габбасову и Букейханову. В нем говорится: «Закон нашего народа, который мы решили дать каждой нации, по-прежнему остается тем же ... Мы полностью удовлетворены резолюцией Всероссийского съезда, которую вы привезли к нам своими представителями: вы - единственное советское правительство ...». Текст этой телеграммы опубликован в 3-м номере журнала «Абай», под редакторством Ж. Аймаутовым. Однако переговоры с советским правительством не будут иметь никакого эффекта. Мотив советского центра пренебречь вопросом автономии и диктатурой пролетариата большевиков, позволили алашской интеллигенции присоединиться к антисоветскому движению.

Диктатура пролетариата была мощным средством привлечения рабочих Советского Союза, а не пролетариата. Сталин говорил: «Нет диктатуры без насилия». «Казахи, которые не понимают конечной цели революции, не готовы к перевороту, подсчитывают свои повседневные расходы ... Советские власти не были разочарованы. Большевистское слово буквально напоминало монстра. Ж.Аймаутов четко указал на состояние казахской нации, когда диктатура пролетариата стала доминирующей в Казахстане: «Была опасность того, что казахский голод исчезнет без бремени. Остаться не на что, и только казахский народ, который на службе, является единственным, кому можно верить»[14]. Алашевцы, которые были безнадежно разочарованы советским правительством, присоединились к Временному сибирскому правительству. Таким образом, попытка движения Алаш пойти на компромисс с большевиками переходит на сопротивление.

11 июня 1918 года советское правительство рухнуло в Семипалатинске. 19 июня вместе с белогвардейцами в город прибыла армия Алашорда, которая участвовала в революции (Семипалатинск - Т.К.). 24 февраля Алашорда Казахской автономии, отменила все указы, изданные Советским правительством, и учредила военный совет в составе трех членов для создания воинских частей в провинциях и уездах. Совету предлагается бросить вызов большевикам.

Большевистский режим был упразднен в Сибири, а власти переведены во Временное сибирское правительство, в состав которого вошли представители городского совета и Совместного казахского национального совета, избранного Сибирской областной думой. Новое правительство издало приказ арестовать большевистских лидеров, очистить свою территорию от Красной Армии и все оружие в деревнях передать в штаб. Вслед за этими приказами представители бывшего советского правительства, в том числе его активисты, стали наделять власть правительством и приказали Управлению Штаба и Корпусу передать остальную часть правительства следственным комиссиям [15, л.31].

Согласно постановлению II Всеказахского съезда 25 июня А.Букейханов подпишет указ о создании милиции. В Семипалатинском регионе образование Вооруженных Сил Алашорды началось чуть раньше. Декабрьский конгресс в Оренбурге признал необходимость создания новой милиции для защиты автономии Алаш и борьбы с большевиками. Конгресс принял ряд решений. Мужчины в возрасте от 30 до 35 лет, которые имеют право на военную службу в милиции, проходят подготовку на добровольной основе, и каждая сельская община обязана предоставить своим полицейским лошадь, одежду. А оружие и боеприпасы, необходимые для полиции, будут изъяты из национального фонда Алашорды.

Всеказахский Народный Совет Алашорда решил взять 30 человек из каждого региона в ряды национальной полиции. Согласно этому указу, организация сбора людей в милиции передается администрациям земств. Например, глава Алашорды А.Букейханов, председатель Семипалатинского районного управления А. Козыбагаров 25 июня отправили телеграмму, налагающей эту резолюцию [16, л.2]. После этого администрация округа требует, чтобы все необходимое оборудование для полиции и 30 человек были отправлены в Семипалатинск. Х. Габбасов, А. Турлыбаев и М. Тынышбаев непосредственно занимаются этим делом.

Лидер Алаш-Орды Алихан Букейханов вместе с Алимханом Ермаковым и заведующим военным отделом капитаном Хамитом Тохтамышевым в июле и августе 1918 г. вели переговоры в Самаре и Омске с представителями военных ведомств Комуча и Временного сибирского правительства по вопросам оказания помощи Алаш-Орде в формировании вооруженных сил. Лидеры западного отделения Алаш-Орды Халел и Жаханша Досмухамедовы получили из Самары через Комуч 600 винтовок и пулемет, обещая в ближайшее время организовать казахские отряды в

количестве 2000 человек, тургайской группе в сентябре 1918 г. было выделено 300 берданок, 20 тыс. патронов и большое количество обмундирования. С помощью Дутова приступили к формированию двух конных полков: одного в Кустанайском, другого - в Иргизском уездах. В августе 1918 г. в Семипалатинске был сформирован первый Алашский конный полк в составе 38 офицеров и 750 бойцов. Сформированные с помощью белогвардейцев и наспех обученные отряды алашских формирований вскоре начали принимать участие в вооруженной борьбе против Красной Армии[3].

Так находясь в эпицентре гражданской войны, отряды Алаш-Орды принимали участие в боевых операциях против большевиков.

История не дала партии Алаш, Алашской автономии и ее правительству Алаш-Орде возможности осуществить свою программу создания и укрепления казахской государственности на основе единства всех слоев народа. Отвергая насилие, отрицая классовую природу государства, алашевцы выступали против диктатуры одного класса в обществе. Лидеры алашского движения оставались принципиальными противниками большевистских форм и методов социалистического переустройства Казахстана.

Список использованных источников

1. Аманжолова Д. Партия Алаш: история и историография. Уч. пособие. - Семипалатинск: Семипалатинский пединститут им.Шакарима, 1993.-137 с.
2. Сарыарка.-1917.-№10.
3. Сарыарка.-1917.-№18.
4. Сарыарка.- 1917.- №19.
5. Алаш орда: Сборник документов (сост. Н. Мартыненко).- Алма-Ата: Малое издательство «Айқап», 1992.- 192 с.
6. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (далее-ЦДНИ ВКО).Ф.-133.-опись1.-д.2.- л.2.
7. Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш.- Москва: Россия молодая, 1994.- 217 с.
8. Аяган Б. Алаш-Орда и Алашординцы-исполненная мечта // Материалы семинаров «Круглого стола» и конференции.- Алматы.- 1998.- С.81.
9. Абай.- 1918.- №6.
10. Абай.- 1918.- №3.
11. Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане.- Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1961.-527 с.
12. Сарыарка.- 1918.- №53.
13. Дахшлейгер Г. Октябрьская революция и угнетенные народы царской России.- Москва: Знание, 1967.- 48 с.
14. Аймауытов Ж. Көркем әдебиет туралы // Еңбекші қазақ.- 1927.- 8-9.08.
15. ЦДНИ ВКО.Ф.37.-опись.-1.д.122.- л.31.
16. ЦДНИ ВКО.Ф.37.-опись.-1.-д.126.-л. 2.
17. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф.14.- Опись1. –д.104.- л.5.

М.В. Клёцкин

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПУТЬ К СВОБОДЕ. ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ ГЕГЕЛЯ И ХАЙДЕГГЕРА

Историческая наука воспроизводит условия исторического события, так как только таким образом возможно понять смысл, неосознанную цель исследуемого события. Исторично не прошлое, а само настоящее бытие в перспективе будущего. Физическое сущее также может стать историчным: во-первых, как материал деятельности индивида; во-вторых, как пространство и обстоятельства такой деятельности; в-третьих, потому, что сам индивид – физическое сущее, бытие которого обусловлено физическим существованием материи. Материал исторического исследования историчен по способу раскрытия бытия исследователя, и имеет исторический характер только в этом бытии. Ведь материал исторического исследования есть в теперь и является результатом ценностного отбора с проекцией на будущий результат. При этом исследуемый материал может менять наше понимание настоящего, если в нём обнаруживаются

неожиданные свойства. История Октябрьской революции воспринимается как личная история, история собственного бытия и через призму этого бытия. Любое познание, в конечном счёте, исторично, поскольку обладает временной определённой и есть познание движущегося сущего (движение мы понимаем не только как перемещение).

M.V. Kletskine

REVOLUTION AS A PATH TO LIBERTY. UNDERSTANDING OF HISTORICITY IN THE CONCEPTS OF HEGEL AND HEIDEGGER

Annotation: In addition to the past, history encompasses the present, it becomes, from the point of view of temporal discrimination, the science of an integral entity. The Russian Revolution of 1917 became the flesh and blood of Russian reality, the life of every citizen of the former USSR. The historical event becomes a part of the being of the individual and remains the substance of his existence. It exists only in individual being, within the framework of its initial time. The article analyzes «temporalization» as a key element in the structure of the historicity. «Temporalization» in the concept of the phenomenon of M. Heidegger plays an important role in determining the orientation of the historicity. The specific experience of temporalization linked to the phenomenon, as the experience resulting from the inner world of man. Historical existence is due to a relatively independent part of the whole entity – the psyche (the "soul") of man. This entity has both a natural and cultural nature, characteristic of it is precisely the conditionality and purposefulness of the needs of the psyche, its liberty. History is, therefore, the history of the development of the psyche and its attainment of its sacred purpose – the reality of liberty (truth). Entity is not, in and of itself, historically, historically the being of this entity – the psyche of the existing individual. The revolution of 1917 was the realization by the Russian people of their desire for the liberation of creative forces, the achievement of the truth of their being.

Задача онтологии истории состоит в том, чтобы выявить сущностные факторы, фундирующие социальную действительность индивида и структуру прошедшего. Прошедшие изменения сущего не исчезают, напротив, они присутствуют в настоящем состоянии сущего, наличны как следы прошлого в сущем и в мышлении. Прошедшее действительно как осуществившееся сущее, которое несёт останки своего прошедшего, поэтому изучать историю сущего возможно лишь по этим сущим останкам. В этом смысле история может рассматриваться как наука о слоях, архетипах прошедшего в сущем и мышлении. Но помимо прошлого история охватывает и настоящее, становится, с точки зрения временного различия, наукой о целостном сущем. Прошлое должно пониматься не как уже мёртвое, а как действующее настоящее, как творящее начало, находящееся в неразрывной связи с настоящим моментом. Какие бы споры не вызывала русская революция 1917 года, но все признают, что она стала плотью и кровью российской действительности, жизнью каждого гражданина бывшего СССР.

То, что сбылось есть и существует здесь и сейчас (da-gewesen, в терминах Хайдеггера), так как движущееся сущее осуществляет своё движение не прерывая преемственность и оставаясь единой цельностью. Историческое событие становится частью бытия индивида и остаётся субстанцией его существования. Любая сущность наличного бытия познаётся как историческая, временно-размерная в интервале между прошлым и будущим. В этом смысле исторично как отдельное событие, так и само сущее, временящее и движущееся. Совершая судьбоносный выбор в настоящем, индивидум предаёт себя движению цельного сущего, ходу истории. В свободной деятельности создавая и трансформируя бытие, осуществляя в сущем свои потребности, индивид творит новое сущее и историю.

Историческая наука воспроизводит условия исторического события, так как только таким образом возможно понять смысл, неосознанную цель исследуемого события. Исторично не прошлое, а само настоящее бытие в перспективе будущего. Физическое сущее также может стать историчным: во-первых, как материал деятельности индивида; во-вторых, как пространство и обстоятельства такой деятельности; в-третьих, потому, что сам индивид – физическое сущее, бытие которого обусловлено физическим существованием материи. Материал исторического исследования историчен по способу раскрытия бытия исследователя, и имеет исторический характер только в этом бытии. Ведь материал исторического исследования есть в *теперь* и является результатом ценностного отбора с проекцией на будущий результат. При этом исследуемый материал может менять наше понимание настоящего,

если в нём обнаруживаются неожиданные свойства. История Октябрьской революции воспринимается как личная история, история собственного бытия и через призму этого бытия. Любое познание, в конечном счёте, исторично, поскольку обладает временной определённой и есть познание движущегося сущего (движение мы понимаем не только как перемещение).

Становление действительности происходит как через осмысление, опространствование и обращение с сущностями, так и через *временение*, служащее одной из исходных форм различения. Мы привыкли воспринимать время как меру счёта движения и изменения наличных сущностей. Это верно по отношению к пониманию времени как технике измерения движения, но неверно по отношению к процессу «временения». Бытие развивается во времени, но само время не субстанционально, а «есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [1, с. 149]. Хайдеггер понял историчность как развитие фундаментального принципа временности, поэтому отводил проблеме оснований «временности» как таковой одно из центральных мест в своей философской теории. Строго говоря, сущее-само-по-себе неисторично и вневременно, *исторично только индивидуальное бытие-в-мире – душа*. Аристотель в своей «Физике» сформулировал философское понимание времени, остающееся актуальным и в наше время. «Если же ничему другому не присуща способность счёта, кроме души и разума души, то без души не может существовать время, а разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени» [1, с. 157]. «Как бы субстрат времени» – есть, по нашему мнению, сущее в целом. «Без души не может существовать время» – это важнейшее положение теории временения. Другими словами, временение зачинается душой. Временение – исходная форма становления и различения действительности и для Гегеля: «Время есть начало отрицания в чувственном» [2, с. 124].

Мы делаем вывод, что *историческое событие существует лишь в индивидуальном бытии, в рамках его исходного временения*. Кроме того, мы добавим к этому определению, что каждое явление в определённый момент времени обладает ценностью, так как *для чего-то* подходит или не подходит. Временение происходит вместе с оцениванием и, так или иначе, является реализацией ценностного отношения. Являясь исходной формой процесса различения, временение задаёт структуру истолкованности сущего.

Гегель выводит исторический процесс из «абсолютного духа» (absolute Geist) – сущей целостности души и сущего-самого-по-себе. Но Хайдеггер и Гегель, в конце концов, вынуждены логикой рассуждений возвращаться к классической аристотелевской установке. Например, Гегель в «Философии истории» пишет, что, хотя «в истории мышление подчинено данному и сущему, основано на нем и руководится им» [2, с. 63], но всё же в фундаменте исторического процесса является дух (Geist). Важнейшей характеристикой духа является его разумность. «Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно» [2, с. 64]. Под разумом имеется в виду не только сознательное мышление, но мышление в целом. Исторический процесс совершается через сознательную деятельность индивида, но не исключает неосознаваемое мышление, задающее направление этой деятельности. Казалось бы, это утверждение Гегеля противоречит первому, говорящему о фундаментальности сущего. Но «господство разума» здесь означает господство сознания, неосознаваемо подчинённого сущему в целом.

Исходит Гегель в этих рассуждениях из парменидовского принципа тождества бытия и мышления, где мышление не понимается как только сознательное (рассудочное), так как оно имеет и бессознательный компонент. Такое единство, судя по всему, Гегель и называет «разумом» в случаях, когда хочет подчеркнуть его сознательную составляющую, и «духом», когда подчёркивает его неосознаваемую сущность. Хотя часто он эти два понятия отождествляет. «Дух, его разумная и необходимая воля, руководил и руководит ходом мировых событий: изучить дух, поскольку ему принадлежит эта руководящая роль, является здесь нашей целью» [2, с. 63]. *Историческое событие совершается людьми, как любая другая практика, сознательно, но неосознанно фундируется сущим*. В разуме и через разумную деятельность бытие, в том числе и историческое, становится действительным и реализует свою неосознаваемую сущность как истинную действительность своего существования. В этом смысле разум (целостность мышления) является субстанцией всемирной истории, точнее говоря – одной из субстанций. Ведь если разум это единственная субстанция, то сущее-само-по-себе перестаёт быть фундирующим бытие началом движения. Разве Экономические отношения и природные условия не определяют существование человека?

В «Бытии и времени» Хайдеггер почти дословно повторяет следующие слова Гегеля из предисловия к «Философии истории»: «всемирная история есть вообще проявление духа во *времени*» [2, с. 119]. Он интерпретирует их следующим образом: «История означает далее целое сущего,

изменяющегося "во времени"» [3, с. 424]. Характерна замена гегелевского термина «дух» на выражение «целое сущего», так как природа гегелевского «духа» имеет двуединую основу – сущее-само-по-себе и бытие. Гегелевский «дух», таким образом, можно назвать «целокупным сущим». Поэтому слова Гегеля – «интересующий нас предмет – *всемирная история*, – совершается в духовной сфере» [2, с. 70], вовсе не говорят о нём как об «идеалисте», а, скорее, определяют границы историчности.

Из такого понимания «духа» Гегель далее выводит и важнейший в его философии истории *принцип свободы*: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [2, с. 72]. Свобода реализуется как осуществление потребностей: «Мы рассматриваем внутренний, в себе и для себя сущий, духовный процесс как необходимое, а, напротив, то, что в сознательной воле людей представляется их интересом, приписываем свободе» [2, с. 78]. Движение сущего-самого-по-себе есть необходимость – абсолютная сила потребностей бытия индивида. Осознанная необходимость представляется индивиду как свобода действия по реализации необходимости приспособления к движению и изменению сущего. Индивид достигает истины своего бытия изменяя сущее. Таким образом он реализует свою свободу и, в результате, окружающий его мир становится действительным воплощением свободы – самостоятельности индивида. Душа или, если угодно, «дух» является сущностной основой, истиной и всем бытийным содержанием исторического процесса. История есть история развития духа и достижения им своей сакральной цели – действительности свободы (истины). Сущее-само-по-себе не исторично, исторично бытие этого сущего – душа сущего индивида. Революция 1917 года и была реализацией русским народом своего стремления к освобождению творческих сил, достижению истины бытия народа России.

Впоследствии младогегельянец Маркс несколько упростил концепцию своего учителя. Если Гегель выделял в качестве движущей силы истории свободу духа и её осознание, то Маркс выделял в качестве основополагающих *только* экономические отношения (то, что мы называем «социальное сущее-само-по-себе»). Но опыт развития истории показал, что смена социально-экономических отношений не меняет природу человека. Всё, что мешает *свободной* реализации человеческих устремлений, рано или поздно уничтожается. Примером может служить судьба социалистического государства в России. «Принцип свободы», человеческий эгоизм оказался сильнее экономической детерминированности и рациональности. Так что концепция Гегеля оказалась ближе к истине, чем марксистская. Следует отметить, что и так называемый «либерализм» не имеет, кроме своего названия, ничего общего с гегелевским пониманием «свободы». Если он и проповедует свободу, то только для одной части общества – капиталистов, игнорируя свободы других классов, что не может не порождать социальные конфликты. Следует заметить, что всякие попытки сделать науку философию орудием идеологической или политической борьбы обречены на неудачу, так как философия стремится к отрицанию частных и сиюминутных потребностей, и смотрит на действительность «sub specie aeternitatis» (с точки зрения вечности).

Гегель также подчёркивает момент удовлетворения в процессе реализации свободы: «Бесконечное право субъекта заключается в том, что сам он находит удовлетворение в своей деятельности и в своем труде... ничего не происходит и ничто не производится без того, чтобы действующие индивидуумы не получали удовлетворение» [2, с. 75]. Если то, что Гегель называл «свободой» в себе лишь потенциально и бессознательно, то реализация такой «свободы» руководствуется принципом удовлетворения потребности. Свобода обнаруживается в действии, в нём же истина существования индивида становится действительной. «Сокровеннейшее, бессознательное стремление, и все дело всемирной истории заключается ... лишь в том, чтобы найти себя, прийти к себе и созерцать себя как действительность» [2, с. 77].

Необратимо меняя сущее, создавая *возможное* сущее для других, человек создаёт бытие с другими – социальное бытие в мире сущего, где другие тоже часть сущего. Возможности противоположна действительность. В нашем случае исторической действительности противостоит возможное социальное сущее и возможное социальное бытие как источники социального движения. Каково же содержание возможного социального бытия? Начнём с того, что возможное социальное бытие индивида можно понимать двояко: и как сущее ещё не ставшее действительным и как несущее, которое возможно осуществиться, а возможно и нет. То есть, не существуя в настоящем, несущее возможно станет сущим и действительным, но лишь в будущем. Помимо исторически сложившихся социальных и экономических отношений, составляющих необходимую данность бытия сущего в

качестве $\zeta\phi\omicron\nu\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$ индивида, существуют неопределённые, ещё неосознанные связи и возможность становления новых. Эти связи и составляют возможное социальное бытие индивида.

Так вот, когда возможное социальное бытие души, её неосознаваемые потребности, состояния, сталкиваются с противостоящей, не соответствующей им действительностью, происходит конфликт, приводящий к отрицанию, уничтожению не устраивающей действительности и созданию новой. Что и происходит во время социальных революций. Содержание возможного бытия необходимо, и воплощается в действительном сущем, придавая ему характер истинности и историчности. «Могучая необходимость» придаёт власть политическим деятелям, движет массами, зачинает социальные революции. Государство как действительная жизнь духа также подвержено изменениям и революциям, ведь для души индивида оно не больше чем материал и способ осуществления бурлящих в её глубинах сущностных потребностей. Конечно, «закон есть объективность духа и воли в своей истинности», как писал Гегель, но это не обозначает неизменность как объективности духа, так и его истинности. Распространённое среди учёных представление об «объективности» истины чаще всего является отголоском платонизма с его «объективным» существованием идей.

Идеологическая работа государства заключается в том, чтобы задачи государства стали задачами индивида. Наказывая за плохие, с точки зрения государства, поступки и поощряя за хорошие, государство и семья формируют особое состояние души, способ реализации ею своих сущностных потребностей. Идеология индивида есть осознанное им состояние души, фундированной, в свою очередь, мироокружным сущим, которое может быть дано как наличное социальное бытие, а может присутствовать и как нечто действующее на неосознанное мышление. Наличествующее в бытии в образе пригодного для деятельности сущее становится материалом реализации душой своих потребностей, достижения ею своей истины. Преобразуя в труде мироокружное сущее, душа стремится к материальному осуществлению истины своего бытия к освобождению. Возможное бытие таким образом осуществляется, становясь действительностью и необходимостью.

Итак, история есть наука о сущем, которое обусловлено относительно самостоятельной частью целокупного сущего – психикой («душой») человека. Это сущее имеет и природную и культурную природу, характерным для него является именно обусловленность и целеположенность потребностями души, её свободным самоначалием. Природные сущности и артефакты играют роль орудий реализации потребностей души и именно в этом качестве рассматриваются в истории. Чем бытие исторического артефакта отличается от бытия «современного» артефакта? Исторический артефакт уже не средство достижения актуальной цели. Даже когда мы исследуем, например, историю климата на Земле, мы всё равно рассматриваем сущность прошедшей эпохи как принадлежащую человеку, помещаем себя в обстоятельства той эпохи и соответственно этому оцениваем вещи исследуемые объекты. История всегда, так или иначе, имеет своим предметом культуру, если под культурой понимать сферу сущего, сотворённую человеком.

Обычно выделяют три вида идеологии: религия, философия, искусство. Религия – идеология, неосознанная ещё как идеология, поскольку объединяет моменты как собственно идеологии, так и психоанализа. Коллективная практика психоанализа в религии – путь достижения индивидуального счастья в условиях отчуждённого государства, путь примирения с угнетающей действительностью. В этом смысле религия тоже является «столпом и утверждением истины» души, но истины всё ещё не рациональной. Истина религии не в отчуждении бога, а в преодолении этого отчуждения, восстановлении единства «Я». Религиозное отчуждение преодолевается, когда человек становится и осознаёт себя богом – богочеловеком. В религии человек познаёт и почитает самого себя как бога, а в искусстве воплощается так сказать чувственная действительность души, её осуществлённость в материальных образах. Философия же становится эпистемологией души, её научным самосознанием. Во всех трёх способах самосознания индивид выражает истину своего бытия. Таким образом, идеология индивида, по сути, является самосознанием души, единой с сущим и фундированной им.

Историческое развитие не есть процесс бессмысленный. Воля к действию всегда имеет содержание и часто неосознаваемую конечную цель. Гегель назвал это содержание «сознанием свободы» [2, с. 105]. «Освобождение» индивида происходит в сознательной деятельности по воплощению своих сущностных потребностей в социальную действительность. В этом *суть* исторического процесса. Достичь этой цели возможно только через преобразование сущего, через создание «удобной» реальности. Субстанциональный (материальный) фактор исторического процесса составляет единство с «духовным», так как реализация потребностей во многом

обусловлена сущим в котором существует индивид. Да и сам индивид есть нечто сущее. Поэтому революция – это и социально-экономическое и эстетическое явление, меняющее всё существование человека, всю историю его бытия. Отрицание, опoшление значение Октябрьской революции для истории России свидетельствует, прежде всего, об инфантильности и внутреннем психологическом расколе индивида, неспособном принять самого себя и реальность как они есть в своей истине.

Список использованных источников

1. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Масаев М. В., Свешникова И. П.

НЕКОТОРЫЕ ГРАНИ БИОГРАФИИ ВЕЛИКОГО ПОДВИЖНИКА РОССИЙСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

(рецензия на монографию: Лисюнин В. Ф. Тамбовская Голгофа святителя Луки (по свидетельствам очевидцев): монография / священник Виктор Лисюнин. – Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – 540 с.)

Монография, которая рецензируется, представляет собой, в частности, раскрытие некоторых аспектов жизни и творчества великого подвижника православия Крыма и нашего большого Отечества святителя Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого).

Поиск истины о мироздании, духовное и научное представление о человеке как о целостности «дух, душа, тело» сопровождают всю деятельность Святителя Луки.

Показательным в данном случае является его высказывания о науке, религии и их взаимосвязи. «Наука – есть система достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности... то есть не случайный набор знаний, но стройное, упорядоченное сочетание» [3, с. 34]. «Наука без религии – «небо без солнца». А наука, облеченная светом религии, – это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира. «Я свет миру; кто последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни», – так говорит Христос (Ин. 8, 12). И теперь понятно, почему в жизни ученых религия играла такую выдающуюся роль. Профессор Деннерт пересмотрел взгляды 262 известных естествоиспытателей, включая великих ученых этой категории, и оказалось, что из них 2% было людей нерелигиозных, 6% равнодушных и 92% горячо верующих (среди них Майер, Бэр, Гаусс, Эйлер и другие)» [3, с. 67]. Более подробная информация изложена в работе протоиерея Михаила Чельцова «Христианское мирозерцание...» в разделе о религиозности учёных [4]

Автор монографии, священник В. Ф. Лисюнин, посвящает данное исследование процессу возрождения и развития духовной традиции Тамбовщины, в частности, истории служения Святителя в качестве врачевателя духовных и телесных недугов человека. Книга содержит эпистолярное наследие и свидетельства очевидцев, сборник проповедей «Крест Христов», собранный в рукопись самим Святителем, а также рукописи проповедей архиепископа Луки, записанные прихожанами Покровского собора. В книге собрано большое количество архивных, печатных, иллюстративных источников, значительная часть которых публикуется впервые.

В предисловии автор пишет следующее: «Образ святителя-исповедника Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого), как он предстаёт перед нами, наследниками его подвижнических трудов, невольно пробуждает в сознании понятия: Служение, Подвиг, Крестоношение – то есть всё то, что составляет духовный смысл Голгофы» [1, с. 11].

Святитель Лука, как и сонм многочисленных Новомучеников и исповедников российских, понесли крест перехода в новую эпоху, крест возрождения Святой Руси и России. Одной из составляющих миссии святителя Луки является представление о человеке как о единстве духа, души и тела, что может служить основанием холистической научной парадигмы нового тысячелетия [5; 6]. Будем надеяться, что она, родившись сегодня, будет воплощена в ближайшем будущем.

В части первой монографии – «Подвиг архипастырского служения на Тамбовской земле» говорится, в частности, о первой проповеди архиепископа Луки в Тамбове, о возрождении

тамбовской епархии и приходской жизни, о душепопечении и милосердном служении, о просветительской деятельности, отношениях с властью и обществом, о духовной связи с тамбовской паствой, о духовном и культурном наследии святителя Луки и истории его почитания.

Часть вторая – «Эпистолярное наследие, воспоминания и фотодокументы, свидетельства о традиции почитания архиепископа Луки в Тамбове» содержит большое количество уникальных документов, писем, статей, свидетельств.

Автор монографии цитирует стихотворение Татьяны Ивановны Казьминой, медицинской сестры городской больницы имени архиепископа Луки:

С верой в Бога врачевал в больнице,
Исцелял и души и тела,
Он оставил нам свою частицу,
Той любви, что у него была.

В третьей части – «Крест Христов, собрание проповедей 1944-1954 гг. в редакции архиепископа Луки», опубликованных впервые, автор книги высказывает следующее мнение: «Живое слово святителя, которое рукопись передаёт так ярко, что оно становится материально осязаемым, звучащим...» [1, с. 228].

Четвёртая часть продолжает публикацию проповедей Святителя, записанных и сохранённых в городе Тамбове.

Показателен фрагмент из проповеди в Неделю о Самарянке: «...Бог есть дух и человек есть дух ограниченный в теле своем, человек есть частица Божия. Поклонение Богу должно быть поклонением духу Божию со стороны духа человеческого... Жаждающие знания идите ко Господу, ибо Он есть единственный свет истинно просвещающий всякого человека» [1, с. 516].

Показательны в этом отношении рассуждения Святителя Луки о современном состоянии естествознания:

«Наши рассуждения о соотношениях между телом, душой и духом начнем издалека. До конца XIX века система точных наук поражала ясностью и точностью всего, о чем они трактуют. До недавнего времени царила безусловная вера в основные догматы науки, и только немногие избранные умы видели трещины в величественном здании классического естествознания. И вот великие научные открытия в самом конце прошлого и в начале нынешнего столетия неожиданно расшатали самые устои этого здания и заставили пересмотреть основные идеи физики и механики. Принципы, которые казались имеющими самую достоверную математическую базу, оспариваются теперь учеными. Книжки, подобные глубокому сочинению Анри Пуанкаре «Наука и гипотеза», дают доказательства этому на каждой странице. Этот знаменитый математик показал, что даже математика живет множеством гипотез и условностей...» [2, с. 4].

Таким образом, Святитель Лука показывает, что и учёные, и религиозные деятели, пытаются познавать и формулировать общие законы мироздания. Поиск истины – смысл жизни многих подвижников человечества как в прошлом, так и в настоящем – своеобразный крест, который несут представители самых разных областей познания. А настоящее время некоторые философы называют эпохой транзитивного периода, то есть переходной эпохой вступления в новую эру человеческого разума, познающего истину и свободного от многих предрассудков.

Будем надеяться, что это время будет эпохой сотрудничества науки и религии и построения холистической научной парадигмы.

Список использованных источников:

1. Лисюнин В. Ф. Тамбовская Голгофа святителя Луки (по свидетельствам очевидцев): монография / священник Виктор Лисюнин. – Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – 540 с.
2. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело. – Москва: издательство имени Святителя Льва, 2009. – 149 с.
3. Войно-Ясенецкий В. Ф. (Святитель Лука). Наука и религия. – Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2006. – 160 с.
4. Чельцов Михаил. Христианское мирозерцание, 1. Основные религиозные истины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://predanie.ru/chelcov-mihail-pavlovich-svyaschennomuchenik/book/72285-hristianskoe-mirosozercanie-1-osnovnye-religioznye-istiny/> (дата обращения – 28.02.2018).

5. Масаев М. В. Феномен холистической философии науки в ракурсе проблем метаантропологии / М. В. Масаев // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сб. статей: Ялта: РИО КГУ, 2014. – Вып. 45. – Ч. 1. – 416 с. – С. 206-212.

6. Свешникова И. П., Савченко В. М. Здоровье и духовность. Программа формирования духовного здоровья / И. П. Свешникова, В. М. Савченко // Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации: труды КРУ «НИИ им. И.М. Сеченова». – Ялта, 2014. – Т. XXV. – С. 101-104.

7.

Миронов А.В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БУНТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье представлена интерпретация исторических событий 1917 года в контексте нигилистического бунта, представляющего одну из основных проблем социальной философии. Приведены отличительные черты революционного бунта от нигилистического. Выделена тенденция обособления от общества в результате утраты значимых принципов жизнеутверждения.

Ключевые слова: *нигилизм, разрушение, отрицание социальных норм, обособление от общества, революционный бунт.*

Mironov A.V.

INTERPRETATION OF THE BUNT: COMPARATIVE ANALYSIS

The article presents the interpretation of the historical events of 1917 in the context of nihilistic revolt, which is one of the main problems of social philosophy. Given the distinctive features of revolutionary rebellion from nihilistic. The tendency of isolation from society as a result of loss of important principles of life assertion.

Интерпретации революционных событий в социальной философии связаны с определением перспективы исторических трансформаций, мотивации населения к изменению общественного строя, ценностной направленности действий индивида, самореализации личности в новых предлагаемых условиях. Одним из наиболее обсуждаемых положений в понимании разрыва устоявшихся принципов социума и революционных преобразований является восприятие нигилистического бунта, ассоциируемого с переоценкой личностью собственной значимости в контексте фундаментальных общественных перемен. Сравнительный анализ содержательной части нигилизма, как социального феномена и революционных событий предоставляет возможность выделить отличительные и совпадающие черты этих явлений и соотнести их с философской трактовкой исторического развития, что позволяет более четко анализировать общественные тенденции.

В нигилистических устремлениях прослеживаются два вектора, направленные на разрушение существующей системы социальных установок: 1) мировоззренческий, опирающийся на неприятие «старого» (сюда можно отнести политические, религиозные, экономические, духовные принципы, сформировавшие устойчивый образ жизни большинства населения), 2) бытовой, в котором деструкция становится самоцелью и не нуждается в рациональных обоснованиях. В первом случае отрицание подкрепляется, как правило, утопическими идеями, не прошедшими апробации в исторических реалиях, т.е. личностный конфликт развивается между действительностью и ожидаемым, проецируемым на все сферы окружающего общественного мира. « В прошлом – далеком и недавнем – они (интеллигенты – А.М.) видели только позор и не желали слышать ни о какой преемственности с минувшим. В их системе ценностей существительное «прошлое» всегда сопровождалось прилагательным «позорное», бывшее представлялось только постыдным» [4, С. 194]. Негативный запас эмоций, приобретенный в результате столкновений с проявлениями материальной и социальной несправедливости требует выхода в агрессивных действиях против всех и всего, наделяя окружающий мир потенциальной вины за случившееся.

В октябре 1917 года в России сложились условия, которые позволяли политическим силам на определенный период объединить эти векторы в качестве руководства к действию для тех, кто испытывал потребность в разрушении. Жестокость и моральная индифферентность, приобретенные миллионами солдат на полях мировой войны становятся причиной обесценивания человеческой

жизни и как следствие формируют личностную позицию, в которой агрессия являлось естественной формой существования. Духовный вакуум, сформировавшейся в преддверии революционных событий свидетельствовал о неспособности общества предложить те идеи, которые могли бы стать общезначимыми и фундаментом диалога различных социальных групп. Индивид с потерей прежних жизненных ориентиров утрачивал и представления о сдерживающих социальных факторах, ощущая опору исключительно в проявлениях силы, тем самым обособляясь от полученного воспитания, знаний, поведенческих правил, ассоциируемых с официальной системой, к которой не испытывал доверия. Массовый бунт приобретал черты оправданности в глазах участников, так как не имел значимых противовесов в виде общественных авторитетов (государство, религия, мораль), неспособных решить насущные проблемы. Отрицание, переходящее в разрушение, является закономерностью в условиях распадающегося социума.

Отличие революционного бунта от нигилистического (при том, что во многих чертах они пересекаются) раскрывается в границах проведения демаркационной линии между своими и чужими. В революционном процессе прослеживается тяготение к другим, готовым принять идею тотального разрушения всего того, что объявляется определенными политическими силами враждебным. Освобождение человека от гражданских обязанностей, моральных установок, религиозных заповедей обосновывается декларацией о наступлении новой эры в истории, в результате которой все прежние социальные и духовные запреты утрачивают свое значение, как не соответствующие провозглашенной свободе индивида. В массовом сознании это положение принимало характер вседозволенности, адекватной изменениям, происходящим в обществе. Сложившиеся стереотипы поведения в такой ситуации теряют смысловую основу, заменяясь хаотическими порывами, вызванными сиюминутными эмоциями. В призывах к свержению старой власти, неподчинению ее приказам, «экспроприации эксплуататоров», насилию по отношению ее сторонников прослеживается санкционирование проявлений низменных инстинктов человека, с целью использования их в политической борьбе. Отмена права частной собственности на средства производства и землю, обернулась латентной формой разрешения на насильственное завладение чужим имуществом, а право на агрессию на основании социального происхождения трансформировало нигилизм в откровенный криминал. Таким образом, он приобрел формы грабежа, разбоя, преступлений против личности с явно выраженной корыстной мотивацией.

В революционном бунте охлократическая составляющая превалирует над всеми остальными. Коллективная ответственность за злодейство выводит индивида за пределы самоосуждения. Участие в аморальных действиях увязывается со всеобщим хаосом, порожденным политическими элитами и знаковыми фигурами. Человек самоустраняется от принятия выбора, полагаясь во всем на мнение толпы, прикрываясь ее энергией и необузданностью от возникающего чувства вины. Растворение в других становится средством существования, в противном случае личностная позиция провоцирует коммуникационные конфликты и может обернуться изменением статуса со «своего» на «чужого».

Нигилистический бунт в большей мере соотносится с личным восприятием зла и предполагает самостоятельный набор возможностей борьбы с ним, даже те, кто разделяют сходные принципы, остаются по другую сторону противостояния с миром, так как неспособны проникнуться чувствами другого. Нежелание разделить с кем-то свое неприятие реальности опирается на убежденности в собственной уникальности, в которой сама идея отрицания монополизируется личностью. Ощущение исключительности является мотивационной компонентой к деструктивным действиям, в нем реализуется мнимое превосходство над остальными и как следствие, оно не вмещается в пределы социальных ограничений. Восприятие бытия через абсурд обесценивает значимое для большинства и на этом основании формирует ложное право распоряжаться жизнью другого. Несогласие личности с местом в социальной иерархии, желание выделиться из массы обывателей максимально реализовывалось в индивидуальном терроре, объединяющем идею физического уничтожения сторонников существующей власти с саморазрушением. В той ситуации, когда насилие приобретало массовый характер, проявления нигилизма становились повседневностью и утрачивали свою привлекательность для эмоционально настроенной личности. Если индивидуальный бунт совпадает с коллективным и становится его продолжением, то исчезает вектор личностной направленности к разрушению, а независимое волеизъявление аксиоматически подчиняется групповой требовательности.

Социальный организм несет историческую ответственность за проявленное насилие по отношению к человеку. Бессмысленность бунта выводит индивида за пределы рационального истолкования своего бытия, тем самым оставляя вне общественной конструкции, построенной с

использованием принципов разума. Обособление в рамках нигилистических предпосылок не имеет оправданности в глазах общества – вселенский хаос отношений в большей степени соответствует чувствам разочаровавшейся личности, чем среднестатистического гражданина. А. Камю, М.Фуко [2], Ж.Батай [1] подчеркивают непреодолимость границы между социальной средой и человеком, как изначальной данности его существования (выраженной в понятиях абсурда у А. Камю, трансгрессии у М.Фуко и Ж. Батая), поэтому бунт становится адекватным прорывом бессмысленности окружающего мира. Индивид, оставаясь один на один с собой, вне влияния привычного окружения, получает шанс утвердиться в новом измерении «бунтующего человека». Преемственность социальных стадий больше не имеет значения, т.к. появляется новый пласт ощущений, прежде закрытый для человека. Накопленный опыт отношений с другими, как социальными субъектами, оказывается несостоятельным и требует не корректировки, а принципиального изменения. Самоотрицание себя прежнего становится основой действий, направленных к новым горизонтам самоосуществления. Социальное обособление – это «абсолютное нет» всему миру, прежде окружавшему индивида, оно возможно только в условиях бунта, когда человек перестал чувствовать ограничения. Для нигилистического подхода особую важность составляет предоставленность самому себе: отвергая социальную действительность, личность руководствуется собственными представлениями о возможном и невозможном, исходит из эмоционального состояния на данный момент, соотносится со спонтанными порывами, тем не менее, результатом этой внутренней работы человека над собой является возникновение представлений о новой общности. А.Камю убежден, что за тотальным отрицанием социума человек приходит к качественно новой общности, возникающей в процессе бунта, но устроенной на других основаниях.

Сегментом данного подхода можно считать ряд идей, высказанных З. Фрейдом в своих поздних работах. Он обращает внимание на противопоставление двух кардинальных начал мироздания природы и культуры. В его представлении сфера культуры содержит источник враждебных для человека запретов, мешающих получению удовольствий. В понятие культура он включает контекст моральных, религиозных и социальных отношений. Ограничение желаний путем общественных санкций оформляет конфликт, который, по мнению Фрейда, сопровождает индивида на протяжении всей жизни. Необходимость в одобрении поступков со стороны большинства уменьшает диапазон проявлений, накапливая раздражение опекой со стороны социума. Столкновение двух взаимоисключающих тенденций: формирование целостного сообщества и претензии на исключительность в удовлетворении желаний трансформируется в протест против насилия большинства над единичностью. Импульс агрессивности концентрируется по мере возрастания принудительных действий, связывающих свободу фантазий, желаний, спонтанность поступков. Страх перед общественным осуждением мотивирует индивида к обману, укрывательству подлинной сущности, что формирует разлад с собой, понижает самооценку. «Так создается впечатление, что культура есть нечто навязанное противящемуся большинству меньшинством, которое ухитрилось завладеть средствами власти и насилия. Естественно, напрашивается предположение, что все проблемы коренятся не в самом существе культуры, а вызваны несовершенством ее форм, как они складывались до сего дня» [3, с.96]. Недовольство культурой – признак нежелания сотрудничать со структурой, частью которой человек является, следующей ступенью раздражения становится активное сопротивление общественным предписаниям. Социальное одиночество становится одной из форм бегства от культуры. Логика нигилизма исходит из конструирования прямо противоположных по смыслу положений, противоречащих идее социального объединения, а отрицание культуры создает ситуацию невозможности находиться в пространстве ее влияния. Фрейдистская традиция оказала влияние на авторов (Э.Фромм, О.Вейнингера, А.Адлера) трактовавших случаи патологии общественного сотрудничества в ключе конфликта социального и биологического. Нигилистический подход к проблеме социального обособления редуцирует индивида к телесному существу, нежелающему покоряться внешним требованиям, основанным на интересах целостности общества.

Постулирование асоциальности можно истолковывать как ультиматум о предоставлении власти человеку в единичном масштабе. Право на самораспоряжение – прерогатива личности, нарушение его вызывает агрессию и отторжение от социума, которая может быть использована политическими силами в целях разрушения эффективного взаимодействия между индивидом и обществом.

Список использованных источников:

1. Батай Ж. Процесс Жилия Де Рэ. / Ж. Батай. – Москва : KolonnaPublications, 2008. – 298 с.

2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. / М. Фуко. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 415 с.
3. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. / З. Фрейд. – Москва : Ренессанс, 1992. – 296 с.
4. Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века / С.А. Экштут. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.
5. Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр Ж. – Москва: Алгоритм, 2008. – 272 с.

УДК 1:3

Мирошников О.А.

ЭНТУЗИАЗМ И НИГИЛИЗМ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: В статье говорится о природе нигилизма. Первая стадия нигилизма приходится на Средневековье. Вторая стадия нигилизма была во время революции. Делается вывод, что сейчас третья стадия нигилизма.

Ключевые слова: Революция, свобода, власть, энтузиазм, нигилизм.

Keywords: Revolution, freedom, power, enthusiasm, nihilism.

Summary: The article deals with the features of nihilism. The first stage of nihilism was in Middleage. The second stage of nihilism was in revolution. It has been concluded that now is the third stage of nihilism.

Революция невозможна без энтузиазма. Успешный, удавшийся революционный переворот предполагает значительный заряд энтузиазма. Если переворот не удастся, то это зачастую следует рассматривать как результат того, что энтузиазм участников революции был недостаточен для совершения переворота.

Разумеется, подобное заявление носит чересчур общий характер. Однако постараемся разобраться, как и в чем проявляется энтузиазм, откуда он берется и с чем связан?

Уже в первой по времени революции – Нидерландской – проявления энтузиазма бросаются в глаза, и не столько даже самим участникам революции, сколько их врагам. Заливший Нидерланды кровью герцог Альба не мог не поразиться духу сопротивления нидерландских революционеров. Он писал Филиппу II: «Особенно сбивает меня с толку, когда я вижу, с каким трудом Вы, Ваше величество, достаете новые подкрепления и с какой легкостью люди отдают свою жизнь и свое имущество в распоряжение этих мятежников» [7, с. 269].

С тех пор этот присущий революционерам энтузиазм отмечали все, кто писал о подобных событиях, будь то в Англии или во Франции, в России или в Мексике. В основном именно наличие революционного энтузиазма позволяло вождям революции обладать, хотя и на краткий период, властью более неограниченной, чем самые абсолютные монархи. Вот приказ А. Сен-Жюста муниципалитету Страсбурга: «Десять тысяч солдат ходят босиком. Разуйте всех аристократов Страсбурга и завтра, в десять часов утра, десять тысяч сапог должны быть отправлены в главную квартиру» [6, с. 133].

Республика могла приказывать все – и находить восторженный отклик среди населения. Целые армии по приказу или призыву возникали словно из-под земли. Можно было организовать сбор значительных средств в дотла разоренной стране. Можно было приказать народу, ввиду приближения врага, уничтожать собственное имущество и предавать огню свои дома. «Ты записался добровольцем?» – вот «категорический императив» революции. Монархия такого не приказывала. Монархия могла, например, собрать налоги за год вперед, столкнуться при этом с восстаниями по всей стране – и сдаться, пойти на попятную. Республика брала столько, сколько считала необходимым, все восстания объявляла контрреволюционными и беспощадно их подавляла. Все это так, но ведь монархия может стоять веками, а республика... Здесь нелегко завершить фразу, столь неоднозначна судьба республик, возникших в процессе революции. Мы в своих работах доказываем неизбежность падения республик, возникших в процессе революции, однако с этим пока согласны немногие.

Революционная идея или, как предпочитает говорить Ж. де Местр, «революционная вера» – вот главное оружие революции. Правда, эта вера может вести за собой лишь заурядных людей, но ведь заурядных людей всегда будет большинство [1, с. 429].

Выдающиеся деятели революции, ее вожди, действительно, могут многое, но могут лишь тогда, когда они следуют в русле революционного движения. Стоит им пойти против движения, стоит им попытаться остановить движение – и они становятся политическими трупами (и не только политическими). Они рискуют собой, ведь «революционный поток не раз менял направление» [1, с. 429].

Однако есть пределы и революционному движению, ведь «энтузиазм и фанатизм – явления преходящие. Натура человеческая быстро утомляется таким болезненным возбуждением... Чрезмерная лихорадка утомит людей и на смену энтузиазма явится усталость, вялость и равнодушие» [1, с. 431 – 432].

Энтузиазм в целом держится на отрицании. Восстание, переворот отрицает существующую власть, существующую действительность. Отрицание объединяет в энтузиазме самые разные слои населения. Энтузиазм идет на убыль, когда цель достигнута, победа одержана. Это происходит, помимо прочего, за счет раскола среди участников революционного процесса. Сразу начинает сказываться различие в положительных идеалах разных слоев.

Это касается и войны, как гражданской, связанной с революцией, так и внешней. Вторжение врага вызывает энтузиазм, действием отрицающий факт вторжения и его последствия. Широко известны слова «Марсельезы»:

«Вы слышите: в полях и селлах
Солдаты грозные ревут.
Они и к нам, и к нам придут,
Чтоб задушить детей веселых».

Их продолжает энергичное отрицание:

«Вперед, вперед, чтоб вражья кровь
Была в земле сырой!»

Соответственно, в песне «Священная война» звучит энергичное отрицание:

«Не смеют крылья черные
Над Родиной летать!
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!»

Этот энтузиазм, нашедший отражение в песнях, имеющих столь славную историю, понятен. Отрицание в призыве, звучащем в песне, находит продолжение в отрицании действием.

Современные исследователи относят энтузиазм к тому спектру массовых настроений, которые «отражают готовность к политическим действиям» и сопровождаются «политическими последствиями». Однако не так обстоит дело «с националистическими, религиозными или просто вульгарно-экономическими настроениями». Последние «не обязательно влекут за собой собственно политические действия и собственно политические последствия. В определенных ситуациях названные настроения могут играть политическую роль, но могут и не играть ее» [5, с. 184].

Сейчас уже мало кто сомневается в том, что успех или неуспех революционного переворота определяется зарядом энтузиазма. Однако следует иметь в виду, что сам энтузиазм следует рассматривать как проявление чего-то, имеющего более общий характер. Имеется в виду нигилизм.

Ф. Ницше говорит о таких чертах нигилизма, как преобладание механицизма в естественных науках, ложь в политике, анархия в экономике, фатализм в истории, тенденции к «чистому искусству» в художественной культуре [3, с. 627 – 628].

И, по крайней мере, современный ему нигилизм философ видит как конфликт поколений – отцов и детей. Прежде этого конфликта не существовало, каждое новое поколение «хотело полагать в основу своей жизни старину и начинало себя чувствовать только тогда, когда оно не только принимало взгляды отцов, но принимало их возможно строже. Критика отцов считалась тогда пороком, теперешние молодые нигилисты начинают именно с нее» [4, с. 107].

Тему конфликта поколений развивает в своей концепции и М. Мид. Межпоколенные конфликты, отмечает она, присущи в основном классовым обществам, обладающим высокой вертикальной мобильностью. Автор для объяснения их приводит следующую схему. «Молодой человек, завоевывающий иное положение в обществе, отличное от его родителей», к какой бы социальной, этнической или расовой группе ни принадлежали, должен был «искать новые модели

для своего поведения». Он может это осуществить разными способами. В некоторых обществах это не приводит к разрыву молодого человека со своим прежним воспитанием и со своими родителями. В других, напротив, это ведет к резкому разрыву с прошлым. «Если число таких молодых людей велико, они становятся образцами поведения друг для друга и, отвергая в новых условиях поведенческие модели взрослых, рассматривают своих учителей и администраторов как противостоящую им силу, которую скорее следует перехитрить, чем следовать ее примеру. Но когда число новообращенных, учащихся, новичков, вовлеченных в изменения, мало, моделью для их поведения служит поведение большинства... Он... перестанет себя вести, как свойственно представителю его класса или культурной группы» [2, с. 348 – 349].

Мид не употребляет слова «нигилизм». Она пользуется иной терминологией. Но самый первый нигилизм следует связывать с отрицанием того, что исследователь называет постфигуративной культурой. То, что вырастает позже, хотя и на основе этой культуры, но имея качественное от нее отличие, вырастает благодаря новому этапу нигилизма. На данном этапе нигилизм выступает как вполне самостоятельная сила. Нигилизм, выступающий как самостоятельная сила – это и есть революция.

И эта сила представлена людьми, жизненный опыт которых, по словам Мид, «сокращается на поколение, а его связи прошлым ослабевают... Прошрое, когда-то представленное живыми людьми, становится туманным, его легче отбросить или же исказить в воспоминаниях» [2, с. 350].

Отечественная традиция ведет отсчет изображению нигилизма в русской литературе с повести И. С. Тургенева «Отцы и дети», где в качестве типичного нигилиста изображен Евгений Базаров. События повести разворачиваются далеко от столицы, в русской провинции. Но корни этого отрицания, несомненно, тянутся из чуткого к западным веяниям Петербурга, где учится Базаров.

Это проявляется в его споре с Кирсановыми, ставшем хрестоматийным.

« - Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, - промолвил Базаров. - В теперешнее время полезнее всего отрицание, - мы отрицаем.

- Все?

- Все.

- Как? Не только искусство, поэзию... но и страшно вымолвить...

- Все...

.....

- Однако, позвольте, - заговорил Николай Петрович. - Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить.

- Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить» [8, с. 152 - 153].

Из этого короткого диалога (мы его сократили еще более) можно сделать, по крайней мере, два вывода. Русский нигилизм отрицает Россию и Бога (вот слово, которое не решился произнести Николай Петрович – и автор также, последний – из цензурных соображений).

Кроме Ницше, другой немецкий мыслитель, деятельность которого приходится на XX век, М. Хайдеггер, столь же большое внимание уделяет нигилизму и связанным с ним проблемам. Нигилизм ему видится как исторически определенное движение, а «не какое-нибудь учение» и «не только духовное течение». Нигилизм – это также не локальное, а всемирно-историческое явление, хотя он и обязан своим возникновением Западу. И все же Хайдеггер должен признать, что истоки нигилизма установить не представляется возможным. Оттого нигилизм и видится явлением таинственным и даже зловещим. «Зловещ и неприятен гость, неприятнейший из всех, - еще и тем зловещ, что не может назвать свой исток» [10, с. 176].

Хайдеггер также предостерегает от того, чтобы ставить знак равенства между нигилизмом и атеизмом. Последний является «внешним», «жалким» проявлением нигилизма, притом нигилизма современного. Корни же нигилизма лежат достаточно глубоко. Их следует искать в далеком прошлом.

«Нигилизм есть история», он «определяет саму историчность этой истории», он есть «внутренняя логика... совершающегося», примерно определить его временные границы можно, рассматривая историческое развитие «от начинающегося обесценения до необходимой переоценки» [9, с. 79 – 80].

И действительно, корни нигилизма протянулись в Новое время из средних веков (если только не из еще более раннего периода человеческой истории). Тогда, по крайней мере в средневековье, «нигилизм» выполнял чисто служебную функцию по отношению к прогрессу. Новое тогда создавалось медленно, могло достаточно долго сосуществовать бок о бок со старым, ветшая,

разрушаясь. «Нигилизм» этого периода шел не впереди, а позади прогресса. Он убирал то, что было связано с далеким прошлым и в новых условиях так или иначе должно было быть устранено.

В средние века нигилистическая составляющая европейской культуры играла, повторяем, служебную, подчиненную роль. Результатом творческой деятельности было возникновение нового в культуре христианской Европы, результатом же нигилизма было разрушение того устаревшего, что должно было отмереть. По-видимому, два события – Реформация в средние века и Просвещение в Новое время – привели к серьезному нарушению привычной последовательности. Отныне нигилизм предшествует творчеству. Это очень масштабное движение; революционный процесс (не только в Европе, но и за ее пределами) является частным его проявлением.

Русский – и не только русский – нигилизм отрицает, не желая строить или, по крайней мере, связывая возведение нового здания с отдаленным будущим. Эта черта присуща не только русскому нигилизму, но нигилизму в целом, на всех его этапах.

Ныне приходится иметь дело с новым, третьим этапом, нигилизма, в определенной степени предсказанным Хайдеггером и исследованным как «кофигуративная культура» Мид. Если второй нигилизм, связанный в терминологии Мид с префигуративной культурой, отрицал постфигуративную культуру, то третий тип нигилизма отрицает уже префигуративную культуру. В этом не только главное его отличие, но и главная его опасность.

Список использованных источников

1. Местр Ж., де. Рассуждения о Франции / Свобода. Равенство. Братство. – Л.: Дет.лит., 1989. – С. 426 – 238.
 2. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
 3. Ницше Ф. К генеалогии морали. – Мн.: Харвест, 2007. – 1037 с.
 4. Ницше Ф. Утренняя заря. – СПб.: Азбука, 2015. – 384 с.
 5. Ольшанский Д. В. Психология масс.- СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
 6. Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. – Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1983. – 287 с.
 7. Степанова В. Е. История Средних веков (XV – XVII вв.). Хрестоматия. – Ч. II. – М.: Просвещение, 1974. – 320 с.
 8. Тургенев И. С. Отцы и дети. – М.: Детгиз, 1977. – 300 с.
 9. Хайдеггер М. Ницше. – Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 457 с.
- Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – 333 с.

С.О. Переход

ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РУССКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья описывает феномен русской революции 1917 года с точки зрения представителей русской философии «серебряного века». Рассматриваются причины, движущие силы этой смуты. Отмечается роль части «прогрессивной общественности» в подготовке революции. По словам русских философов, революция 1917 года в России была национальным банкротством и мировым позором. Русская революция есть проявление сверхличных духовных страстей и кризис народного духа. Русские философы считали, что любая революция есть война, это ниспровержение народом того или иного государственного строя. Представители русского философии видели возможность преодоления внутренних трагедий, вызванные революцией, и верили в возвращение Русского государства в лоно традиционной православной государственности.

Ключевые слова: русская революция, смута, интеллигенция, русская философия, православная государственность,

S.O. Perekhod

THE PHENOMENON OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN PHILOSOPHIC DISCOURSE

This article describes the phenomenon of the Russian revolution of 1917 from the point of view of representatives of Russian philosophy of the silver age. Discusses the causes, driving forces of the turmoil are discussed. The role of the "progressive society" in preparation of the revolution is shown. According to Russian philosophers, the revolution of 1917 in Russia was national bankruptcy and international disgrace.

The Russian revolution is the crisis of the national spirit. Russian philosophers considered, that any revolution is a civil war, it is the overthrow of state system by the people. Representatives of the Russian philosophy saw the opportunity to overcome the tragedies caused by the revolution and believed in the return of the Russian state in the bosom of traditional Orthodox state.

Key words: Russian revolution, turmoil, the intelligentsia, Russian philosophy, Orthodox statehood

Русская революция оставила глубокий след в русском философско-общественном дискурсе. Крушение тысячелетней русской государственности, распад ее традиционных базисных основ вызвало глубокую рефлексию в среде представителей русской философии.

В феврале 1917 года к власти пришла та общественность, что десятилетиями противостояла самодержавию. В прошлом это были народнические кружки, марксистские союзы борьбы и земско-либеральный «Союз освобождения». С февраля по октябрь у государственного кормила власть переходила от умеренных группировок к более радикальным - диктатуре пролетариата. Струве создает сборник статей «Вехи», где обсуждались вопросы современного устройства и порядка в России. Авторами этого сборника стали Н.А. Бердяев, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, С.А. Аскольдов, П.И. Новгородцев, В.Н. Муравьев, Вяч. Иванов, они должны были откровенно выразить свое отношение к большевизму. Струве смог объединить и мобилизовать те интеллигентные силы, которые на протяжении 15 лет предупреждали об опасностях противостояния в социально-политических кругах российского общества. В статьях сборника «Вехи» были показаны генезис и сущность наступающей смуты. Были выявлены основополагающие причины и движущие силы этой смуты. По мнению С. Булгакова главным движущим инструментом русской смуты была часть русского образованного класса, так называемая «прогрессивная общественность», которая по своей сути была оторвана от основ русского государства и стремилась сломать его онтологические основы. «Прогрессивная общественность» по словам С. Булгакова страдала нигилизмом, подвижничеством и отщепенством. «Вехи» стали предостережением, попыткой предупредить наступающую смуту.

Сборник «Из Глубины» стал продолжением «Вех», в нем была дана оценка революции 1917 года и проведен анализ последних политических событий. Авторы высказывали свои мнения относительно мировоззренческих и идейных принципов революции, которые привели к утрате культурных и религиозных основ государства. Авторы сборника «Из Глубины» считали религию основой культуры и общества и отмечали, что главная черта революции носит антиправовой характер, так как в материалистических и идеологических процессах игнорировалась идея «среднего элемента» общества, примиряющего противоречия между властью и обществом. Авторы сборника согласны в том, что революция была порождением разрушительных сторон старого режима, но обращали внимание на инициаторов революционных действий. Струве писал, что «революция никогда не происходит, она всегда делается».

Поставленная «Вехами» проблема интеллигенции, ее место и роль в революции имела основополагающее значение. Был подведен итог той тенденции, которая воплотилась в Революции 1917 года.

Как отмечали русские философы конца 19-начала 20 вв. русская революция есть тяжелая расплата за грехи и болезни прошлого, за накопившуюся ложь.

По мнению русского философа С. Франка, Революция является нашествием внутреннего варвара, ведущего к разрушению чуждой ему культуры, создающий хаос в социальной жизни. Одним словом Революция есть процесс архаизации социума, отмена морали и закона, и отказ от модерного государства и бегство в средневековье.

Русская революция есть проявление сверхличных духовных страстей и кризис народного духа. Русские философы считали, что любая революция есть война, это ниспровержение народом того или иного государственного строя. Революция есть порождение срединного беспочвенного слоя образованного класса России. Идеологическая природа революционного процесса - это жажда образованного класса «спасти» народ. По мнению русских философов, революция в России является антинациональной по своему характеру, она является вершиной работы «прогрессивной общественности». Борьба интеллигенции против Государства на протяжении 19 века создала онтологическую почву для смуты 20 века.

Великие русские писатели 19 века Гоголь, Достоевский в своих работах описали генезис Смуты. Гоголь – самый загадочный русский писатель. Формы старого режима и строя сдерживали проявление негативных черт характера русского человека, а падение этого режима в результате

революционного переворота лишило сдерживающих факторов, и человек со своими страстями и грехами вырвался на свободу. Гоголь глубже славянофилов видел мрачный и безнадежный финал русской революции. Тема «зла» характерна для творчества Гоголя, и он ее талантливо раскрывает в своих произведениях.

Достоевский – пророк русской революции. В своем творчестве он раскрыл диалектику русской революционной мысли и сделал соответствующие последующие выводы. Он не остался на поверхности социально-политических идей, он прочувствовал саму суть феномена революционности. Для Достоевского феномен революции не является социальным или политическим, это скорее проблема метафизической и религиозной природы. Феномен русского марксизма для Достоевского это вопрос экзистенциальный. Достоевский в своем творчестве раскрыл стихию русского нигилизма и атеизма. Для него проблема русской революции, русского нигилизма и социализма представляет проблему Бога и бессмертия. Метод Достоевского иной, чем у Гоголя. Гоголь – великий художник, Достоевский – великий психолог и метафизик. Он раскрывает онтологию человеческих страстей и человеческой природы. Герои Достоевского пошли за соблазнами антихриста, что превратило жизнь России в ад. Русский нигилизм не принимает исторического процесса, который заложен в божественном миропорядке. Достоевский обладал положительной религиозной силой и даром пророчества. Он понимал, что в революционном социализме действует дух Великого Инквизитора. Достоевский показал одержимость в русской революции, его книга «Бесы» – пророческая.

Лев Толстой – не пророк, но важны его моральные оценки, он описывал особенности морального склада русской интеллигенции. Толстой – индивидуалист, максималист, он показал историческую приемлемость.

В своих работах русские религиозные философы считали, что русский коммунизм есть вывернутый наизнанку христианская аскетика. По их мнению, русский марксизм – есть попытка построить Царство Божье на Земле. Результатом одного есть построение государства без основ. Как считали представители русской философской мысли конца 19 – начала 20 вв., идеальное состояние Государства и Общества должно базироваться на аксиологических основах Православия.

Русские философы отмечали, что только на основе традиционных ценностей можно создать Русское Государство и Общество. Диалектическое соединение идеалистического желания части образованной элиты изменить государственность, и бунта среди определенной части народа были составными элементами, которые привели к русской смуте 1917 года. Русская революция является национальным банкротством и мировым позором, таково мнение представителей религиозного течения русской философии.

Рассматривая генезис катастрофы 1917 года, один из русских философов «серебряного века» Петр Струве пришел к выводу, что причина этой трагедии – есть совпадение извращенного идейного воспитания русской интеллигенции, которое она получила в 19 веке, и воздействие идеи мировой революции на социум. Именно отторжения части образованного класса от основ русского государства, способствовало разложению социума. Торжество социализма или коммунизма привело в России к разрушению государственности, экономически, культуры, и закончилось разгулом погромных страстей.

На основании выше сказанного, можно сделать следующий вывод. В Русском философском дискурсе феномен Революции рассматривался, прежде всего, как религиозный аспект. Причинами Революции в России были оторванность образованного класса от аксиологических основ русского общества. Именно в среде части прогрессивной общественности сложились основные идеологемы будущей русской смуты. Русские философы «серебряного века» такие как Ильин И. А., Сергей Булгаков, Бердяев Н. А. и многие другие в своих работах вскрыли основные механизмы и инструменты, направленные на разрушения исторической основы русского государства. Считая, что Русская революция является неотъемлемой частью исторического дискурса, русские религиозные философы того времени называли революцию катастрофой и предсказывали катастрофические последствия ее результатов, такие как гражданская война.

Вместе с тем представители русского философии видели возможность преодоления внутренних трагедий, вызванные Революцией, собственными силами и верили в возвращение Русского государства в лоно традиционной православной государственности.

Список использованной источников и литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России.- М.: МГУ, 1990. - 256 с.

2. Бердяев Н. А. Смысл Истории. - М.: Мысль, 1990. - 174 с.
3. Из Глубины Сборник статей о Русской Революции. - М.: МГУ, 1990. - 297 с
4. Ильин И. А. Наши Задачи Книга 1. - М.: Русская книга, 1993. - 467 с
5. Ильин И. А. Наши задачи Книга 2. - М.: Русская книга, 1993. - 449 с.
6. Ильин Религиозный смысл философии Т. 2 //Религиозная философия. - М.: «Медиум», 1994. - 572. С
7. Иоанн митрополит Самодержавия Духа: Очерки русского самосознания. - СПб.: Царское дело. - 349 с.

Разбеглова Т.П.

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ УЧЕНИЕ О МИМЕЗИСЕ В РОМАНТИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается одна из линий творческого развития содержательных аспектов аристотелевского учения о мимесисе в романтической философии музыки. Приводятся основные тезисы онтологического понимания музыки романтиками и связь их с некоторыми суждениями Аристотеля о сущности мимесиса, имеющими онтологический смысл.

Ключевые слова: мимесис, романтическая философия музыки, процессуальность, тождество, онто-космология музыки.

Annotation. The article considers one of the lines of creative development of the content aspects of the Aristotelian doctrine of mimesis in the romantic philosophy of music. The main theses of ontological understanding of music by romanticists and their connection with some judgments of Aristotle about essence of mimesis, having ontological sense are resulted.

Key words: mimesis, romantic music philosophy, processuality, identity, ontology and cosmology of music.

Аристотелевское учение о мимесисе является базой философско-эстетической интерпретации искусства. Аристотелевская "Поэтика" служит базой любой классицистской эстетики, мыслитель провозглашается отцом всех органических теорий искусства. Великим древнегреческим мыслителем был задан импульс на много столетий вперед, причем феноменальность этого широчайшего претворения заключается в том, что не только близкие, т.е. собственно рациональные философские системы и учения находили созвучие своих идей с аристотелевскими, но и те, которые по своим философско-мировоззренческим установкам противоположны принципам философского мышления Стагирита. К таким «противоположным» системам мышления относится философия романтизма, имевшая в качестве весомого компонента учение об искусстве, в частности, музыке.

Стремление принципиально противоположных теоретических направлений найти у великого философа древности свои идейные истоки не лишено основания и смысла.

Задавшись целью выявить звено, связывающее столь различные подходы к осмыслению бытия, в том числе его художественной сферы, а в художественной сфере – музыки как особой, наиболее значительной части (именно в таком сопряжении трактуется искусство романтиками), мы неизбежно должны обратиться к основным смыслам понятий и главного из них – понятия «мимесиса».

Как известно, учение о мимесисе было развито Аристотелем в «Поэтике», но также проблемы искусства и мимесиса в различных содержательных аспектах он затрагивает и в других трудах – «Политике», «Метафизике», «Риторике» и др.

Толкования мимесиса Аристотелем множественны. Подробный анализ их содержится в работах А.Ф.Лосева [3, 4].

Сужение смысла данного понятия и сведение его к «подражанию» стало традицией философско-эстетического мышления в послеантичную эпоху. Но сам мыслитель смысловой концепт подражания считал вторичным. Как писал немецкий исследователь Герман Коллер, толкование слова *mimesis*, обычно переводимого как «подражание», «вводит в заблуждение», так как «охватывает лишь малую часть изначального круга значений» [2]. Древний смысл греческого слова *mimesis* никоим образом не был порожден ни теорией какого-либо искусства, и менее всего — изобразительного, считавшегося в те времена «подражательным», ни теорией поэтического искусства, но появился в религиозной, точнее, — культовой сфере, еще точнее, — в культовом танце

в том его виде, который принадлежал к дионисийским оргиям и исполнялся *mimos'*ом или несколькими *mimoi* [там же].

В своем исследовании «История античной эстетики» Лосев указывает на то, как глубоко в античности понимался принцип подражания [3]. Ведем среди многообразия подходов мимесис как онтологическую категорию, и в ней – аспект процессуальности.

Процессуальность, онтологическая значимость термина «мимесис» прослеживается Аристотелем в «Поэтике». Все вещи движутся, и вообще все на свете погружено в становление. Все вечно возникает и все вечно погибает. Но при таком отношении к действительности мы обращаем главное свое внимание на те предметы, вещи, тела, существа, которые находятся в постоянном и вечном процессе возникновения и уничтожения, которые важны для нас сами по себе, а не на ту процессуальность, на то становление, в которое погружены все эти предметы, мы часто даже не обращаем никакого внимания [3]. Основной принцип аристотелевского подхода, позволяющий трактовать видимое как проявление более глубоких фундаментальных законов, проявил себя и в трактовке мимесиса. "Искусство возникает всякий раз, как получается из многих осмысленных данностей опыта единое общее допущение относительно подобных вещей", – говорит Аристотель в «Метафизике» (Met. I 1, 981 a 5-12) [1]

Выделяя (вслед за Гераклитом) категории «чистой» процессуальности, как основы процессов бытия, Аристотель сопрягает ее с понятием мимесиса. Соответственно, высшим выражением таким образом понимаемого принципа мимесиса Аристотель считал музыку. Музыка, согласно Аристотеля, является изображением чистого становления, ничем не нарушаемой процессуальности, движения как такового.

Проследим, как аристотелевский подход к пониманию миметической сущности музыки развит в европейской философии музыки.

В традиции европейской философской мысли можно выделить, по меньшей мере, три основных ракурса, в которых прослеживается онтологическая сущность музыки.

Первый ракурс – онто-космология музыки. Ее сущностью становится понимание музыки в целом, всего ее строя и системной организации, как некоего аналога Вселенной. Этот онтологический аспект в интерпретации музыки, уходящий корнями в древние философско-мифологические (Древний Китай) и философские (Древняя Греция) системы, не утратил своего значения и в новоевропейской философии, в частности, в романтической. Их объект – музыкальный звук как составная часть природы, космоса, мироустройства, музыка, как звучащее тождество вечной гармонии. "Музыкальные соотношения являются собственно основными соотношениями в природе". Эта точка зрения Новалиса полностью совпала с лекциями Шеллинга по философии и искусству (1802-1803 гг.), где он утверждал: "В солнечной системе также отражается вся система музыки" [7, с. 120, 315].

Второй ракурс – это онто-антропология музыки, онтологизированное человеческое бытие, его репрезентация и конституирование в музыке. Мир человека – это специфическая реальность, имеющая множество модусов своего измерения, и, соответственно, ракурсов исследования. Одна из фундаментальных характеристик человеческой реальности состоит в том, что, в отличие от природного бытия, она не обладает имманентными смыслами и принципами самоорганизации (в собственно человеческом значении). Поэтому перед человеком и обществом всегда стоит необходимость постоянной организации собственного бытия, его систематизации, структурирования, надления смыслами. Такой структурированной и упорядоченной средой, опосредующей бытие человека в мире, является культура. И музыка как часть культуры, характеризуется упорядоченностью и системной организацией – временной и звуко-высотной, порождая тем самым в человеке перманентное чувство комфорта, порядка, устойчивости бытия и нас в бытии.

Третий ракурс – онто-музыкалогия, опирающаяся на постижение логоса музыки. Эта самодовлеющая сущность музыки, которая, собственно, и есть ее онтологическая сущность, прекрасно раскрыта в наимузыкальнейшем произведении во всей мировой литературе – романе Томаса Манна «Доктор Фаустус». Вот мысль, вложенная писателем в слова Адриана Леверкюна: «...эта музыка – действенная сила в себе, действенная сила как таковая, и не как идея, а как реальность. Подумай, ведь это чуть ли не определение бога. *Imitatio Dei* – странно, что этого не запрещают. Ведь это, пожалуй, подзапретно или по крайней мере сомнительно, - я хочу сказать: саму музыку следовало бы взять под сомнение. Вдумайся: энергичнейшая, разнообразнейшая, захватывающая смена свершений, движение событий – только во времени, путем членения времени, его заполнения, организации...» [5, с. 105].

Постижение онтологической сущности музыки в философии немецкого романтизма является одной из вершин философии музыки. Субъективный идеализм развиваемых Ф.Шлегелем идей И. Г. Фихте, философия тождества Ф. Шеллинга, мистический пантеизм Новалиса и Фр. Шлейермахера – представляли собой попытку охватить мир в его целостности и единстве, в его неразделимой сущности, совпадавшей с сущностью музыки.

Процесс познания у романтиков носит характер «вчувствования», интуитивного постижения целого. Иначе говоря, материальная предметность, разнообразие явлений мира не является для романтического мышления «конечной целью» познавательного процесса. Ею становится духовное единство мира, выступающее не как совокупность множественного, но как качество, как принцип бытия. Постигание его, согласно романтикам, есть прерогатива чувствования, более склонного к обобщению, чем разум, который оперирует конкретными понятиями и воспринимает мир в дискретности составляющих его явлений.

Из всех искусств, кроме собственно поэзии, музыка является для романтиков важнейшим объектом внимания, источником вдохновения, аналогий и ассоциаций. Музыка, в их понимании, представляет собой явление, пронизывающее Универсум, отождествлявшееся в своих элементах с элементами природного мира. По мнению А.А.Михайлова, мысль романтиков «...не проводила границ между музыкой природы, бытия и музыкой как художественным творчеством, как произведением искусства, а подчеркивала связи между ними, генетическую зависимость музыки как искусства от звуковых явлений природы» [6, с. 37].

Значение музыки прослеживается романтиками на всех уровнях: личностного мира, мира природы, бытия в целом. В этом плане романтизм обнаруживает прямо противоположный классическому рационализму методологический подход, в силу свойственного ему стремления к универсализму размыкает границы музыки как вида искусства, распространяет сферу ее влияния на различные области бытия.

Наиболее полно и систематически эта концепция изложена у Шеллинга в "Философии искусства". Исходя из своей философской конструкции Универсума, в которой, согласно основополагающему "принципу тождества", все явления "приближаются к Единому", сливаются в нем, Шеллинг считает музыку, как и лежащий в ее основе звук, выражением, символом тождества. Звук, говорит Шеллинг, есть "бесконечная идеальная субстанция <...> само бесконечное идеальное <...> отображение исхождения всех вещей из бога" [7, с. 106]. Подобная трактовка звука как явления распространяется Шеллингом и на музыку, которая, однако, обладает большей степенью вещественности как форма искусства, как конкретное произведение, неуловимая духовность которого может быть "схвачена" и зафиксирована в материальности знакового изображения. Поэтому музыка как форма искусства, есть "облачение бесконечного в конечное, единства в множество" [Там же, с. 118].

Таким образом, смысловая переключка основных положений романтической философии музыки с теми суждениями Аристотеля, которые являются для него метафизическими интуициями, позволяющими трактовать базовые принципы искусства в онтологическом смысле, является свидетельством богатого эвристического потенциала учения великого мыслителя.

Список использованных источников

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.
2. Вейдле В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. - М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 331-350.
3. Лосев А. Ф. Аристотель и поздняя классика. - М., 1975
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики, том IV М.: "Искусство", 1975
5. Манн Т. Доктор Фаустус / Т. Манн // Собр. соч. в 10 томах. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1960. – 696 с.
6. Михайлов А.В. Этапы развития музыкально-эстетической мысли в Германии XIX века /А.В. Михайлов // Музыкальная эстетика Германии XIX в.: В 2-х томах. Т. 1: Антология / Сост. А. Михайлов, В. Шестаков. - М.: Музыка, 1981. – 415 с.
7. Музыкальная эстетика Германии XIX в.: В 2-х томах. Т. 1: Антология / Сост. А. Михайлов, В. Шестаков. - М.: Музыка, 1981. – 415 с.

ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается одна из современных проблем, которая находит выражение в экстремальном поведении человека, характеризующимся повышенной активностью в выражении жизненных позиций. Такая активность получает свое отражение в разных формах и видах социального поведения, в зависимости от внешних условий и внутренних интенций индивида. Особого внимания заслуживает такая активность, которая приводит индивида к демонстрации своей позиции в форме революционной деятельности. Из чего следует, что такая деятельность составляющая субъекта раскрывает его склонность к проявлению своих жизненных позиций с использованием радикальных форм и методов достижения поставленных перед собой целей. В исследовании приводятся примеры, когда радикально настроенная личность, прибегая к крайним и радикальным формам выражения своей позиции, переходит границу между нормой и отклонением от нее. Что в свою очередь имеет формы радикальной и негативной деятельности и сегодня получает не только максимальное территориальное распространение, но и глубокое идеологическое основание.

Ключевые слова: экстремальность, экстремальное поведение, общество.

The article deals with one of the modern problems, which finds expression in the extreme behavior of a person characterized by increased activity in the expression of life positions. Such activity is reflected in various forms and types of social behavior, depending on the external conditions and internal intentions of the individual. Special attention deserves such activity, which leads the individual to demonstrate his position in the form of revolutionary activity. From which it follows that such an activity component of the subject reveals his inclination to manifest his life positions using radical forms and methods of achieving his goals. The study provides examples where a radical personality, resorting to extreme and radical forms of expressing one's position, crosses the line between the norm and deviation from it. Which in its turn has forms of radical and negative activity and today receives not only the maximum territorial distribution, but also a deep ideological basis.

Key words: extreme, extreme behavior, society.

Жизнь современного человека представляет собой череду всевозможных ситуаций, многие из которых в силу их повторяемости и схожести становятся привычными, а реакция на них человека доводится до автоматизма[3,4]. Но наряду с известными и доведенными до автоматизма существуют и ситуации, возникновение которых приводит индивида в шоковое состояние своей неоднозначностью и критичностью. Входя в такую ситуацию он уже не может находиться на уровне привычного решения возникающих проблем, что приводит к его выходу на уровень критичного и граничного принятия решения, а, следовательно, к экстремальному поведению[5, 6].

К таковым современные исследователи относят разного рода ситуации, связанные с авариями техногенного мира, попаданием в зоны стихийного бедствия и военных конфликтов, захват заложников, восстания, митинги и т.д.

Однако, это только внешние условия, влияние которых способствует переходу человека к экстремальному решению встающих перед ним проблем. Но более интересными в исследовательской практике выступают внутренние факторы, приводящие к экстремальному поведению. Здесь следует отметить, что любая возникающая перед человеком ситуация является для него внешним условием не затрагивая при этом его внутренний мир человека.

В то время как экстремальной можно назвать ситуацию, которая воспринимается человеком как особая, внутренняя, личная. Ее возникновение возможно в особых условиях, в которых может оказаться человек, и как правило, вызывающая у него психологическую и эмоциональную напряженность. Как следствие, у одних это сопровождается мобилизацией внутренних жизненных ресурсов, а у других – снижением или даже срывом работоспособности, ухудшением здоровья, физиологическими и психологическими стрессовыми явлениями. Тогда индивид, входящий в экстремальную ситуацию получает информацию о ее элементах, сопоставляя внешние условия с внутренними факторами, что приводит к определенному стилю поведения в экстремальной ситуации.

Таким образом, следует отметить, что, как правило, экстремальная ситуация порождается объективными причинами, но ее экстремальность в значительной степени определяется субъективными составляющими. Человек реагирует на экстремальную ситуацию в зависимости от того, как он ее воспринимает и оценивает.

И от того, к какой оценке он приходит от этого будет зависеть какой стиль и форму поведения он выбирает.

Если же рассматривать мир современности, то следует отметить, что сейчас особо остро встает вопрос изменения и трансформаций идеологической основы, которая выступает базовым элементом не только в формировании видения мира, но и в специфике поведения человека в нем[1,2].

Таким образом, получается, что современному человеку приходится ежеминутно вести борьбу и борьба эта идет сразу на нескольких фронтах[7,8].

Если же отметить, что уже конец XIX века демонстрирует переход от традиционных форм идеологий, основной чертой которых выступает размеренность и сдержанность, приверженность к порядку и стабильность к радикальным взглядам, в основе которых лежит крайняя и бескомпромиссная приверженность к каким-либо взглядам, выражениям своей позиции и, соответственно, к поступкам.

Исследование причин и условий распространения и формирования новых более радикальных форм крайнего и бескомпромиссного видения мира становится необходимым для дальнейшего развития общества и самое главное, что исследование надо проводить не только с позиций внешнего проявления в основе которого лежит общественная система, но и с позиции действующего субъекта. Поскольку приобретая ныне глобальные масштабы и общепланетарное распространение, эти формы человеческого действия выступают теми точками отсчета, которые свидетельствуют о начале нового трансформационного процесса. В виду чего, особо важным становится вопрос необходимости их исследования [6]. Такие исследования приобретают свою актуальность, так как XX век заявляет о себе как век крайностей, границ и трансформаций, что с неизбежностью за собой влечет максимализм и трагичность.

Это, в свою очередь, свидетельствует о крайней важности нового анализа событий прошлого с учетом настоящего. Только тогда появится возможность извлечь пользу из предыдущего опыта и обеспечит возможность его адаптации к настоящему, что заявляет претензию на решение существующих проблем в будущем.

Список использованных источников:

1. Буткевич С.А. Сущность инноваций и их влияние на развитие общественных процессов: социально-правовая и криминологическая оценки // Юрист - Правоведь. 2017. № 2 (81). С. 82-88.
2. Буткевич С.А. Инновации в системе предупреждения терроризма и экстремизма глазами крымских правоохранителей (по результатам социологического опроса)// Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 87-92.
3. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма//Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 248-253.
4. Иванов С.И., Никитина Л.Н. Морально-нравственные и психологические аспекты работы с конфидентами // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7 (110). С. 232-234.
5. Коноплева А.А. Радикальные проявления в культуре// В сборнике: Теоретические и практические вопросы науки XXI века. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 109-111.
6. Коноплева А. А., Никитина Л. Н., Чудина-Шмидт Н. В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в крымском федеральном округе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2016. –Т. 5. – № 3. – С. 53–60.
7. Савочкина Д.О. Деятельность ОВД по противодействию экстремизму в республике Крым (административно-правовые аспекты)//В сборнике: Актуальные проблемы административной деятельности полиции материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 166-172.
8. Чудина-Шмидт Н.В. Специфика работы сотрудников органов внутренних дел с субъектом экстрима//Краснодар, 2017.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ИСТИННОЙ СВОБОДЕ

В статье обсуждаются мотивы всех революционных преобразований, которые непосредственно связаны с желанием человека обрести истинную свободу. Сравнительный анализ понятий «свобода», «тирания», «вседозволенность», границы между их определениями. Мировая история показывает, что многие люди поработили других, и революционная трансформация часто приводила к негативным последствиям, потому что в их стремлении к свободе люди не учитывали принцип ненасилия. Среди основных аргументов, приведенных для оправдания этой концепции, были либо обращение к высшему разуму, либо законам природы с его естественным отбором. Во все времена свобода состояла из нескольких уровней, составляющих основные сферы человеческой деятельности. Свобода или духовная свобода были первым слоем в иерархии. Это обеспечило положительную реализацию эмоций и способностей, неограниченной воли. Духовная свобода, каждый выбирает, это прерогатива личности. Внешняя свобода давала право быть свободными от социальных конвенций, делать все с полной ответственностью за их последствия. Гражданские свободы в традиционном смысле защищают права каждого человека и защищают политическую свободу от угнетения политических режимов. Нет никаких сомнений в том, что основой любого революционного преобразования является неукротимое стремление к свободе, выращенное веками в сознании человечества, похоже на глубоко укоренившийся архетип. Но, наступая на шаткую почву революционной трансформации, важно помнить об уровне личной ответственности и угрозе эскалации свободы воли в результате тирании.

Ключевые слова: свобода, тирания, революция, движение, трансцендентальность, стихийность, трансформация.

This article discusses the motives of all revolutionary transformations that are directly associated with the human desire to gain true freedom. A comparative analysis of the concepts of "freedom", "tyranny", "permissiveness", the boundaries between their definitions. World history shows that long some people have enslaved others, and the revolutionary transformation often led to negative consequences because, in their desire for freedom, people were not taken into account the principle of non-violence. Among the main arguments cited to justify this concept, were either recourse to the higher mind, or the laws of nature, with its natural selection. At all times freedom was made up of several levels that make up the main spheres of human activity. Freedom or spiritual freedom was the first layer in the hierarchy. It provided a positive realization of the emotions and abilities, unlimited will. Spiritual freedom, each chooses, this is the prerogative of the individual. External freedom gave the right to be free from social conventions, to do things with full responsibility for their consequences. Civil liberties in the traditional sense is protecting the rights of every individual, and protects political freedom from the oppression of political regimes. There is no doubt that the basis of any revolutionary transformation lies the indomitable desire for freedom, grown for centuries in the consciousness of humanity is akin to a deep-rooted archetype. But, stepping on the shaky ground of revolutionary transformation, it is important to remember the extent of personal liability and the threat of escalation of the freedom of the will in an act of tyranny.

Key words: freedom, tyranny, revolution, movement, transcendence, spontaneity, transformation.

Жизнь невозможна без революций, как преобразований бытия. Революция движет вперед в какой бы форме и с какими бы последствиями она не проявлялась. Но, мало кто задумывается что лежит в основе, в корне любого стремления к новому. Это не просто желание выразить свою индивидуальность, что-то поменять в своей жизни, это извечное стремление индивида к свободе воли, к нахождению путем революции свободы истинной.

В современном обществе проблема свободы приобрела совершенно иной статус. В условиях техногенной революции и глобализации данный аспект имеет особую значимость, поскольку только с его помощью можно переосмыслить место нынешнего человека в онтологической картине мира, его роль и позицию. Ученые-психологи также активно обсуждают эту проблему, разрабатывают ее на теоретическом и эмпирическом уровнях. Тот научный интерес, который преследуется исследователями личности в отношении свободы, емко выражен в определении Л. Хьюелла и Д. Зиглера: «Один из главных вопросов, имеющих отношение к человеческой природе,

касается той степени внутренней свободы, которой люди обладают в выборе направления своих мыслей и поступков, а также в осуществлении контроля над своим поведением» [6, с. 41].

Среди современных исследователей которые осмысливают проблему свободы в рамках новаторских философских теорий в связи с революционными событиями современности, можно назвать М. И. Бобневу, Б. Х. Бчажокова, И.А.Ватель, М. Д. Гвишиани, А.М.Гендина, А.С.Готта, В.Е.Давидович, Ф.И.Ерешко, Э.В.Ильenkova, Б.М.Кедрова, И. С. Кона, В.И.Кремянского, Л.А.Леонтьева, С.Я.Лурье, А.Н. Макову, А.А. Мерзлякова, А.Д. Сахарова, П.И.Симуш, В.А.Тишкова, А.Б.Толстого, В.С.Тюхтина, Э.М.Чудинова, М.П. Яценко. Все они анализируют феномен свободы с позиции социального явления определяющего личностный выбор, позволяющего самоутверждаться в мире кризисов и виртуализированного общения. Однако этого недостаточно для того, чтобы объективно сформулировать основные факторы реализации свободы воли в сложном и многомерном пространстве современного социального вакуума.

Всемирная история показала, что всегда одни народы поработали другими, одни люди делали других своими рабами, и всегда рано или поздно поработанные освобождались от этого гнета, негодуя против произвола и несправедливости. Однако, само понятие справедливости, у которого также как и у свободы нет единой формулировки, принимало противоречивые интерпретации. Многие ученые и даже философы, находили, что порабощение не просто приемлемо, но и оправдывается устоем общественных отношений, иерархическим строем жизни. Среди существенных доводов, приводимых в оправдание данной концепции, были либо обращения к высшему разуму, либо к закономерностям природы с её естественным отбором. Так или иначе, страдая от воли Божества или природной неизбежности человек несвободный, отягощенный обязательствами с самого рождения не имел права выбирать жизненную позицию и заявлять о своих правах.

В настоящем формально только закон ограничивает свободу индивида, но так ли это на самом деле фактически? В своей статье "Феномен отчуждения в эпоху глобализации" Е.В. Куняшова пишет: "Современная эпоха показывает, что человек отчужден от природы, от общества и самого себя. Однако, он обладает большей свободой, чем в прежние времена" [5, с.85].. Но, можно ли считать свободой состояние духовной деградации в которой пребывает современное общество, исповедующее свободу без границ? Безусловно, не стоит отрицать моральный долг и этические нормы, они "как бы" присутствуют, но о них помнит далеко не каждый.

Во все времена свобода слагалась из нескольких уровней, составляющих сферы основной жизнедеятельности человека. Свобода духовная или свобода внутренняя - была первым слоем в этой иерархии. Она обеспечивала позитивную реализацию эмоций и способностей, неограниченное волеизъявление. Духовную свободу каждый выбирает сам, в этом заключена прерогатива личности. Внешняя свобода давала право освободиться от общественных условностей, совершать поступки со всей ответственностью за их последствия. Гражданская свобода в традиционном понимании защищает права каждого индивида, а политическая свобода охраняет от гнета политических режимов.

Как уже отмечалось ранее, в современном социуме человек несвободен по определению. Парадокс предоставляемой обществом свободы действий заключается в одновременном её ограничении с помощью глобальной универсализации. Виртуальное пространство, заполняющее собой пространство физическое, порождает новую иллюзорную свободу, дает неверное толкование жизни, искаженное представление о реальности. О феномене свободы написано немало философских трудов, так или иначе его проблема освящена практически в каждой философской теории. Свободу изучали как идеальное теоретическое понятие отвлеченное от объективной действительности. Рассматривали свободу и как необходимое условие жизни индивида, свойство его существования. Но, несмотря на повышенный интерес к проблеме свободы достаточно мало говорилось о взаимообусловленности стремления к воле и непреложности силы созидания. Но, как справедливо замечает В.Ж. Келле: " Культуротворческая деятельность неотделима от свободы. Признанием общественной значимости принципа свободы творчества является его включение в правовые системы всех демократических государств. Чтобы творить, человек должен обладать свободой [3, с.45]. Связать воедино свободу и творческий порыв в некоторой степени смогли только представители экзистенциализма. В русле экзистенциальной теории свобода представлялась как единственно-возможное условие выхода из порочного круга социальных запретов и заранее предуготованного бытия. Она являлась воплощением метафизического бунта перешедшего из внутреннего мира автора в произведение творчества. Чтобы понять насколько тесно свобода

соприкасается актом созидания недостаточно останавливаться только на процессе творчества, необходимо охватить более широкое поле исследований.

Новое - как результат цепочки непрерывного развития и прогресса, всегда было и будет главным двигателем жизни. Жизнь воистину немислима без новообразований, само начало жизненного пути уже есть новым витком бытия, новой неповторимой линией судьбы. Это значит, что новое коренится не только в творчестве, оно выходит за пределы самореализации, охватывает вселенские просторы. Природа подвержена постоянному обновлению, все земные структуры и системы перевоплощаются, меняются и переходят на новый уровень организации. Этот же закон действует и за пределами планеты, ничто не стоит на месте, не может быть неизменным. Движение - синоним всего нового, охватывает каждую частицу макрокосма, незримо присутствует во всем. Свобода не существует отдельно от личности, но её потенция заложена во всех окружающих нас предметах. Изначально, человек подвержен сремлению освободиться от любого гнета, сбрасывать оковы запретов и табу. Создание нового есть особым проявлением свободы, имманентным человеческой натуре. Всемирная история народов красноречиво демонстрирует, что сама идея свободы являлась путеводной звездой для многих из них в сложных временных коллизиях. Без свободы немислимым было бы само течение жизни, поскольку непрерывный застой невозможен. "В жизни обществ наступают времена, когда революция становится необходимостью. Повсюду зарождаются новые идеи: они стремятся пробить себе дорогу, осуществиться на практике, но постоянно они сталкиваются с сопротивлением тех, кому выгодно сохранение порядка" [4, с.387]. Но чем больше преград преодолевают революционные веяния на своем пути, тем неизбежнее становятся перемены.

Свобода не ограничивается только революционными порывами, новыми политическими и идеологическими веяниями. Свобода, как уже отмечалось выше, имманентна самой природе и, вследствие этого, трансцендентальна, априорно заложена в сознании каждого индивида. Она необходима человеку как воздух, но не стремиться к ней он, практически не может, вследствие её предопределенности, влияния на людскую сущность. В мире не существует единого образца свободы или хотя бы способов стремления к ней. Каждый из нас сам находит эти способы и по-своему решает проблемы условностей стоящих на пути к свободе. Найти свободу - это тот призыв который объединяет миллионы людей в единое целое, и в то же время разоппаает их, выступая в разных идивидуально-личностных ипостасях. Человек чувствует себя ущемленным когда ограичивают его право на свободу, даже в том случае, если такая ситуация дает ему определенные выгоды. Трансцендентальность свободы обуславливает стремление человека к инновационным изменениям. То, что априорно заложено в структуре сознания, незримо воздействует на волеизъявление, побуждает к новому. Свобода одновременно и знакома каждому из нас и далека как манящее видение. Сакральность самого понятия свободы неопровержима, доказана многовековой историей человечества. Но если человек прошлого не забывал о своих корнях, свято чтит предков, то человек настоящего устремлен только в будущее, которое его и страшит, и вместе с тем манит. Человек настоящего оторвался от уз связывающих его с родом, но, сам при этом оставить что-либо потомкам, он не в силах. Ивин А.А. пишет: "Темп происходящих в современном обществе перемен все убыстряется, и кажется, что теперь под угрозу может быть поставлена сама глубинная природа человека" [1, с.5]. Свобода купленная такой ценой представляет сомнительную ценность.

Рассматривая проблему свободы как основной мотив всех революционных преобразований в целом нельзя обойти вопрос влияния на ее формирование так называемых этнических и культурных факторов. Человека считали то свободным от рождения, то рабом причинной необходимости, то заложником происхождения и уровня образованности. В Древнем Риме даже бытовало мнение, что свободу можно купить за деньги, из раба превратившись в вольноотпущеника. Но, абстрагировавшись от разных веяний и представлений прошлого, следует заметить об одном общем свойстве характеризующем свободу: она всегда - преодоление чего-либо, смена форм жизни. Преодолевая трудности, человек попадает из одной несвободы в другую, которую снова пытается преодолеть. Создается впечатление, что в круге этой дурной бесконечности, свобода есть всего лишь временное душевное состояние, далекое от звания абсолюта. Только ребенок с его детской непосредственностью и наивностью, кажется способен постоянно ощущать свободу, поскольку ещё не может сознательно бороться с трудностями, делать личностный выбор. Так, что же свободу стоит считать не более, чем иллюзией?

Все научные и в частности, философские теории, сходятся в том, что свобода выбора все же есть у каждого из нас. Она заложена самой природой, которая творит реальность на всех своих

уровнях, именно осуществляя выбор. Обращаясь к Н.А. Ильиновой, цитируем: "Свобода сознания есть та стихия, в которой рождается сама Мысль о Сущем как такой опыт человека, которому имманентны все его основания, и который делает очевидным духовное ядро антропо-онтологии" [2, с.36]. Свобода есть внутреннее побуждение, а не внешние обстоятельства. Она всегда направлена на что-то, должна избавить нас от чего-то, что мешает душевной гармонии. В современном социуме каждый индивид проходит школу выживания, где побеждают только беспринципность и прагматизм. Свобода стала орудием для стяжательства и власти. За обычными формулами доброжелательности и вежливости кроются хищнические инстинкты и повадки. Эгоизм давно уже перешагнул черту здорового принятия себя как индивидуальности, он разрушает не личность, а человеческие институты. Мнимый лозунг о полной свободе в XXI веке не оправдывает себя на практике. Революция во взглядах на политику, экономику, культуру, духовность поработает внутреннюю свободу, потому как человек сам становится пленником своих страстей, заложником лени, пагубных привычек, бесполезного существования.

Бесспорно, что истинной свободой можно назвать только такую форму свободы, которая не причиняет вреда ближним и самому себе, несмотря на то что проявляется она в революционных трансформациях.. Каждый из нас рождается для того, чтобы самому избрать верный жизненный путь, порвать всевозможные оковы на пути к свободе, заявив о себе как о личности. Человек, как птица без крыльев, немислим без стремления к независимости, без желания разобраться в сложном сплетении жизненных коллизий, найти истину и победить несправедливость. Однако свобода легко может перейти в произвол и вседозволенность, руша веками сложившиеся устои, законы и мораль общества. По сути свобода – это способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на воздействие объективной необходимости, а произвол – есть своеволие, самовластие, необоснованность, анархия, все не подлежащее наказанию и пресечению. Мера свободы людей в каждую историческую эпоху определялась уровнем развития экономики и техники, научными открытиями и изобретениями, политическим строем, социальным балансом, тогда как произвол не имел и не имеет меры, он не ограничен в своем разрушительном влиянии. Вседозволенность помещается между свободой и произволом, она нечто среднее, промежуточный этап между двумя полярными полюсами.

Производя сравнительную характеристику понятий «свобода», «вседозволенность», «произвол», важно отметить, что они различны не только по теоретическому значению, но и в своих проявлениях на практике. Свобода, как ее понимает отдельный индивид, легко может перерасти во вседозволенность, а затем и в произвол. Свобода, произвол, вседозволенность – выстраиваются в своеобразную лестницу, восхождение по которой приводит к негативным последствиям. С другой стороны, так называемая лестница, имеет целый ряд ступеней, замыкающих ее с другого конца. Это – неволя, несправедливость, притеснение, ограничение. Иными словами, свобода как центральное, искомое понятие, оказывается в центре.

Итак, бесспорно, что в основе любых революционных преобразований лежит неукротимое стремление к свободе, веками произрастающее в сознании человечества сродни укоренившемуся архетипу. Но, ступая на зыбкую почву революционных трансформаций, важно помнить о мере личностной ответственности и угрозе перерастания свободы воли в стихийный произвол.

Список использованных источников

1. Ивин А. А. Основы социальной философии: Учеб. пособие для вузов/ А. А. Ивин.–М.: Высш. шк., 2005.– 440 с.
2. Ильинова Н.А. Воображение и проблема свободы сознания: экзистенциально-онтологический аспект / Н.А. Ильинова // Вестник Волгоградского государственного университета - 2016 - № 1(31) - С. 36-42.
3. Келле В.Ж. Культура и свобода / В.Ж. Келле // Философский журнал - 2008. - № 1. - С.44-53.
4. Кропоткин П.А. Этика /П.А. Кропоткин., М.: Издательство политической литературы, 1991. - 404 с.
5. Куняшова Е.В. Феномен отчуждения в эпоху глобализации / Е.В. Куняшова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история; - Новосибирск, СибАК, 2016. - № 6-7 (57). - Ч.1. - С. 81. - 85.
6. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер; - СПб, ПИТЕР, 2002. – 608 с. – (Мастера психологии).

ЯЛТИНСКИЙ ДИСКУРС ВЛАСТИ

Аннотация. Проведен предварительный анализ возможностей применения археологического поиска власти М. Фуко для выявления особенностей истории власти XX века. Выявлено, что ключевым событием, которое следует подвергнуть анализу в качестве эталона властного дискурса XX века является Ялтинская конференция 1945 года.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, философия власти, ялтинский дискурс, м. Фуко.

O. K. Shevchenko

YALTA DISCOURSE of POWER (TO the 70TH ANNIVERSARY of the CRIMEAN CONFERENCE in 1945

Summary. A preliminary analysis of the possibilities of application of archaeological search of power Michel Foucault to reveal the peculiarities of the history of power in the twentieth century. It was revealed that a key event that needs to be analysed as a reference of authoritative discourse of the twentieth century is the Yalta conference of 1945.

Keywords: the Yalta conference, philosophy of power, Yalta discourse, Michel Foucault.

По многим своим характеристикам и результатам Ялта-45 (как частенько называют конференцию англоязычные специалисты) может служить эталонным событием для истории властных отношений XX века. Конференция проходила 4-11 февраля 1945 года в Алушке, Кореизе и Ливадии (ныне они входят в административный регион Большая Ялта). По результатам Ялтинских переговоров, СССР окончательно завоевал право считаться Великой державой. При активном участии советской делегации были решены важнейшие вопросы создания ООН и принципов функционирования Совета Безопасности, окончательно решена послевоенная судьба Германии. Были определены границы собственно Германии, Италии, Югославии, Польши, СССР, Китая, Японии, подтвержден статус Монголии как суверенной державы. Разрешены противоречия связанные с Ираном и Турцией. Достигнуто полное взаимопонимание по поводу совместных военных планов завершения войны с Германией, получено заверение о вступлении СССР в войну с Японией. Данная конференция по перечню вопросов, по энергичности переговоров и остроте политических проблем не знает себе равных. Принципы дипломатического этикета Нового мира, логике обсуждения, обилие меморандумов и весьма действенных деклараций – являют собой квинтэссенцию дискурсов власти Европы 19-20 веков и пролагают мостики, по которым влияние Ялтинских дискурсов оказала на игры Великих держав в 50-90-ые годы XX века. Поэтому говорить о Власти и ее истории в веке XX, размышлять о философии власти как форме человеческого бытия минуя ключевое Со-бытие XX века совершенно не возможно. Но что есть такое «Ялтинское конференция? Факт? Вне сомнения. Реальность? Да но какая? Дело в том, что историческое событие имеет свое особое пространство бытия. Это событие прошлого, которого является для нас актуальным лишь в силу дискурсов из которых оно состоит. Дважды это верно в отношении Ялтинской конференции как события из истории Власти. Ведь Власть, по сути своей, не имеет верительных грамот, физического пространства и может существовать исключительно в рамках отношений между двумя акторами власти. Об этом писали многие классики кратологической литературы: Фридрих Ницше, Элиас Канетти, Николас Луман, Александр Кожев. Многие классические истории власти грешат тем, что история властной реальности не имеет физической оболочки, не спроецирована на государство или какой либо политический институт. Классическим в этом смысле представляется текст Бертрана де Жувенеля: «Власть: естественная история ее возрастания». Где на более чем 500 страницах автор сумел рассказать о процессуальности власти не подменив предмет исследования процессуальностью государственного насилия, или отцовского авторитета в семье. Но особенно четко и алмазно чисто данную мысль вывел в своих трудах Мишель Фуко. Выступая как признанный метр истории и философии власти, французский философ (а еще политолог, историк, психолог и филолог) подчеркивал важность анализа не столько феноменов власти, сколько процесса субъективации человека в культуре, историю режимов этой субъективации ибо входя в любые отношения с реальностью, человек неизбежно входит в отношения и с властью, а без последней изучить

субъективацию человека в полной мере – не представляется возможным [4, с. 161]. Но ведь не секрет, что в разные эпохи и в разных наций власть разная! Фуко обошел эту проблему сосредоточившись на Европейской культуре и приняв во внимание предметные остатки власти исключительно в рамках Франции. Остатки власти, которые он подвергнул систематическому анализу как это делает археолог, поднимая из вековой пыли обломок кирпича, по которому выстраивает облик целой цивилизации. Но что делать, если возникает необходимость археологического открытия не отдельного кирпича, а целого континента? Как быть когда есть настоятельная необходимость проследить конструирование дискурсов власти не в отдельно взятой психиатрической лечебнице, а в обще планетарных рамках, то есть необходимость создать концепцию всеобщего дискурса власти? По всей видимости, необходимо выявить эталонное для Власти событие и провести его структурный анализ. В поле нашего зрения лежит век XX как наиболее близкая нам историческая реальность. Что может являться эталоном для облика Власти XX века? Политические системы в разных концах света разные, микроотношения власти в Китае и Австрии принципиально иные. Но не будем забывать что XX век это время рождения Геополитики и глобализации, уравнивающей и нивелирующей национальные особенности. В этом смысле ялтинская конференция первая в длинной цепочке обломков ласты XX века, на которой ВПЕРВЫЕ Западные страны признали Восток в качестве равноправного партнера. Это событие когда судьбы планеты решались не только с учетом мнения Лондона или Вашингтона, но и при понимании тщательно взвешенной позиции Москвы и Пекина. То есть по своей сути, генеральный дискурс власти (глобальный и универсальный для всех регионов планеты) зародился именно на Южном Берегу Крыма. После Ялты риторика Версальского мирного договора, дискурс Мюнхена стали попросту невозможным. До сих пор лингвистические конструкторы, семантические маркеры имеют характернейший отпечаток Ялтинского диалога.

Более того Ялтинские дискурсы в отличие от остальных имеют очень хороший материал для изучения. Сохранились очень подробные стенограммы и рабочие документы Ялтинской конференции [2]. Причем имеются прекрасно отсканированные копии из личного архива Сталина [8, с. 41-211], а также великолепные материалы из архива МИД [5, с. 57-58]. Дополняют и расширяют дискурсивные возможности опубликованные стенограммы, а также черновики и подготовительные материалы (включая рукописные карты, записки, отметки на полях) собранные в американском сборнике. Перекрестный анализ стенограмм может дать весьма много для реконструкции дискурса февраля 1945 года.

По мимо всего выше сказанного Ялтинская конференция это большая площадка не только для анализа собственно исторического или политического, но еще и для классического (вне постмодернистского) философского разговора [6]. К сожалению, философские аспекты Крымской конференции крайне мало разработаны в отечественной литературе и интерес к ним среди исследователей весьма низок [7, с. 195].

Каковы же существуют форматы Ялтинского дискурса власти? Следуя логике М. Фуко возможно выделить перечень дискурсивных закономерностей Ялтинской властной конструкции [3, с. 61-158].

1. Единство дискурса. В этом смысле уместно определить как единство ментальности трех авторов: И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта. Единство не столько личностей или детей определенной культуры (тут они полные противоположности с границами собственных сфер концептов). Имеется единство профессиональных политиков, людей которые несколько десятилетий находились на вершинах властных пирамид, в этой должности вступили в Великую Войну и вынесли бремя ее тяжелых лет ЕДИНОЛИЧНО проводя свою волю и свое видение будущего в подчиненных им политических анклавах.

2. Дискурсивные формации. Практически каждый поднятый на конференции вопрос рассматривался, или в терминологии Фуко артикулировался [3, с. 88-89] весьма самобытно и очень лично. Безразличия, использование шаблонных сухих фраз – не было. Более того, три группировки, три формации дискурсов очень причудливо переплетались в речах В.М. Молотова, Э. Стэттиниуса, А. Кадогана. Присущи их шефам понимание понятий, весьма своеобразно преломлялись во властном дискурсе вторых лиц делегаций. И в этом смысле, Ялтинская конференция дает очень четкие и скульптурно видимые примеры диффузий дискурсивных формаций советского и британского типа, века 19-го и века 20-го.

3. Формирование объектов. Ялта предлагает возможность увидеть процесс наполнения таких объектов как «свобода», «этнос», «честь», «союзника» новыми смыслами и семантическими конструкциями. Новыми в том смысле, что три Великих Гроссмейстера Власти в феврале 1945 года в

Ялте не сумели найти точки компромисса работая со старыми смыслами указанных объектов им срочно, в течении нескольких дней, зачастую экспромтом приходилось «в черновую» наполнять ключевые объекты диалога содержанием, содержанием предметным и вполне верифицируемым. В многочасовых схватках за столом переговоров, в рамках личных бесед на банкетах, во время прогулок или поздравлений по случаю дня рождения (сохранились стенограммы тостов, мемуары невольных свидетелей диалогов). Изумительно то, что многие смыслы и многое видение властных объектов созданных в Ялте стали образцом для десятилетий последующих конструкций на геополитическом уровне.

За пределами нашей статьи мы оставляем такие закономерности как «Формирование модальностей высказывания», «Формирование понятий», «Формирование стратегий», «Замечания и следствия». Но и уже выше сказанного, на наш взгляд достаточно для демонстрации ПЕРСПЕКТИВ изучения Ялтинского дискурса власти методами философского анализа, к коему со всей ответственностью, автор относит теоретические изыскания М. Фуко.

Список цитируемой литературы

1. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. - Washington: United States Government Printing Office. 1955. - 1032 p.
 2. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). - М.: Политиздат, 1984. – 302 с.
 3. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. - 416
 4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч.3. — М.:Праксис, 2006. – 320 с.
 5. Шевченко О.К. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г.: к вопросу о создании единого реестра источников // Вестник архивиста. 2015. № 2 (130). С. 43-58.
 6. Шевченко О.К. Этические вопросы Крымской конференции 1945 г. с точки зрения философии истории // Культура народов Причерноморья. 2014. № 274. С. 95–97.
 7. Шевченко О.К. Ялтинская конференция 1945 г.: в гносеологическом поле философии // Культура народов Причерноморья . 2013. № 259. С. 195–199.
- Ялта-45. Начертание нового мира /отв. ред. Н.А. Нарочницкая. — М.:Вече, 2010. — 288 с.

СЕКЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Бабий В.О.

ПРИНЦИПЫ, УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЗАПРЕЩЕННЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

Аннотация: в статье рассматриваются основные условия и факторы, которые влияют на человека, заставляя его становиться одним из элементов террористической организации. Тем более, что сегодня данная тема становится как никогда актуальной как для всего мира, так и для нашего государства. В статье предпринимается попытка провести исследование проблемы внутренних факторов и внешних условий, которые влияют на вовлечение человека в террористические организации, и самое главное, почему человек, выбирает радикальные взгляды и течения, оставаясь равнодушным к нормам и правилам существующим в его государстве, почему человек способен предать собственное государство, свою семью, свою веру и перейти на сторону радикальных форм выражения своей позиции подчас совершая ужасные поступки, направленные против его же государства, семьи и своей же веры.

Особое внимание уделяется вопросу, каким образом представители запрещенной в Российской Федерации террористической организации «Исламское государство» проникают в сознание человека, ломают его волю и традиционные взгляды на мир, уничтожая его изнутри, удаляя все ценности и моральные принципы которые закладывались в него на протяжении всего пути его развития и становления как личности.

Ключевые слова: Исламское государство, человек, личность, общество.

Abstract: *The article examines the main conditions and factors that affect a person, forcing him to become one of the elements of a terrorist organization. Moreover, today this topic is becoming more urgent than ever for the whole world, and for our state. The article attempts to investigate the problem of internal factors and external conditions that affect the involvement of a person in terrorist organizations, and most importantly, why a person chooses radical views and trends, remaining indifferent to the norms and rules existing in his state, why a person is able to betray his own state, his family, his faith and go over to the side of the radical forms of expressing his position, sometimes committing horrible acts directed against his own state, seven and their own faith.*

Particular attention is paid to the question of how representatives of the terrorist organization "Islamic State" banned in the Russian Federation penetrate the human mind, break its will and traditional views of the world, destroying it from within, removing all the values and moral principles that were laid in it throughout the journey its development and becoming as a person.

Keywords: *Islamic state, person, person, society.*

Сегодня крайне актуальным выступает вопрос не только становления человека как личности, но и тех механизмов, которые на это становление влияют. Не секрет, что чем более развитым становится общество, тем сильнее оно влияет на индивида стараясь подчинить его собственным устоям, традициям и идеям. Именно поэтому на данном этапе развития общественной системы человек как личность и как индивид подвергается влиянию внешнего мира, которое затрагивает его мировоззрение, идеологию и политические взгляды[1].

Актуальность заявленного в исследовании как никогда чувствуется в наше время, так как всеобщее иглобальноеразвитие получают различные радикальные и националистические образования, которые чаще всего являются нелегальными на территории нашего государства[2,5,12].

Основная цель заявленного исследования- выявить внешние условия и установить внутренние факторы, влияющие на привлечение человека в террористические организации. Основное исследование проводится на основе деятельности запрещенной в Российской Федерации организации «Исламское государство», поскольку на сегодня она выступает наиболее распространенной террористической организацией, представляющей наибольшую опасность не только для всего мира в целом, но и для нашего государства в частности.

В качестве задач необходимых для достижения поставленной в данном исследовании цели будут выступать:

- поиск способов противодействия идеологии терроризма и экстремизма;
- определение специфики и природы феноменов экстремизма и терроризма;
- определение причин и мотивов деятельности людей, состоящих в террористических организациях;
- исследование психологии: что ими руководит.

На сегодня проблема экстремистской и террористической идеологии не только одна из самых актуальных и исследуемых проблем, но и самая, пожалуй, неоднозначная. Возникая достаточно давно и имея разнообразные источники, тем не менее, именно в XX веке она получает новый виток развития как во времени, так и в пространстве и как следствие новые аспекты своего исследования.

К примеру, в работах С. А. Буткевича [3], А. А. Коноплевой [6,7], Д. О. Савочкиной [8] идеология терроризма и экстремизма рассматривается с позиций общества, особый акцент ставится на противодействие ей.

В то время как Н.В. Чудина-Шмидт видит основание этой идеологии с позиций ее действующего субъекта, называя его субъектом экстрима[9,10,11].

Таким образом, исходя из идей крымской школы противодействия идеологии терроризму и экстремизму, можно сделать вывод, что сегодня существует много подходов и направлений в исследовании оснований террористической и экстремистской идеологии. Особо следует отметить, что в ходе проведения исследования была отмечена наиболее существенная особенность, связанная с проблемным полем рассматриваемой проблемы. Она связана с тем, что чаще всего в террористические и экстремистские организации попадают люди, не имеющие четко определенного социального статуса, в то время как противостоят им совсем не глупые люди, которые тщательно прорабатывают каждую свою жертву: сначала получают информацию о семьях, на которых лежит долг. Затем, с помощью достаточно простых манипуляций воздействуют на заинтересовавших их людей, показывая другую, альтернативную, беззаботную зажиточную жизнь.

Еще одним, не менее распространенным способом вербовки и пропаганды является стремление «ИГИЛ», связать человека с помощью уз брака при этом вступающие в брак выбираются по представлению членов организации. Так же следует отметить, что увлеченных в террористические организации уже сложилась своя культура. Не стоит забывать, что молодые люди больше чем другие склонны воспринимать новые идеологии и это ни для кого не секрет, именно поэтому именно молодежь больше склонна к привлечению в различные группировки. В первую очередь это связано с тем, что в молодом возрасте существуют только крайности - границы черного и белого, а это уже проявление радикальности во взглядах. С другой стороны, еще нет сформировавшихся принципов и жизненных позиций, что дает возможность стороннего влияния[4]. Известный зарубежный исследователь, занимающийся данным вопросом Лиса Каати в своем исследовании пишет и том, что существует информация многих талантливых людей, которые работали в пиар-агентствах, но уехали в халифат, где теперь занимаются обучением этой профессии других. В результате сегодня можно встретить пиарщика или репера, которые могут стать орудием талантливого пиара и несущие в себе огромный потенциал.

Как уже отмечалось, вербовщики тщательно отбирают и обрабатывают каждую свою жертву. К примеру, если это девушка, то вербующий использует естественную потребность в любви, используя чувства, вызывая зависимость от вербующего с последующим переходом под абсолютное влияние и контроль. Таким образом, девушка становится запрограммированной на абсолютное подчинение доминирующей личности, с переходом не только на абсолютное подражание стилю мышления и жизни, но и беспрекословному выполнению всех ставящихся перед ней задач.

Таким образом, можно сделать вывод, что существует целый ряд условий и факторов, которые способствуют привлечению человека в запрещенные террористические организации. И к ним можно отнести и внутренние факторы, к примеру, веру, страх, любовь и т.д. И внешние условия, представленные в виде направленного влияния «вербующего» на свою жертву, используя при этом индивидуальный подход к каждому. И как бы это ни было печально, но стоит заметить, что современное мировое сообщество все еще не осознало всего того масштаба существующей проблемы, которая на сегодня уже приобретает статус глобальной.

Список использованных источников:

1. Буткевич С.А. Сущность инноваций и их влияние на развитие общественных процессов: социально-правовая и криминологическая оценки // Юрист - Правоведь. 2017. № 2 (81). С. 82-88. 5
2. Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 88-93. 5
3. Буткевич С.А. Концепция борьбы с терроризмом в Украине // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (33). С. 62-67. 2
4. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 248-253. 5
5. Коноплева А.А. Радикальные проявления в культуре // В сборнике: Теоретические и практические вопросы науки XXI века. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 109-111. 2
6. Коноплева А.А. Роль гражданского общества в предупреждении экстремизма в республике Крым // В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе 2015. С. 502-506. 1
7. Коноплева А.А. Субкультура, контркультура, антикультура: грани девиантного и делинквентного // В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения VIII Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция. 2014. С. 134-136. 5
8. Савочкина Д.О. Деятельность ОВД по противодействию экстремизму в республике Крым (административно-правовые аспекты) // В сборнике: Актуальные проблемы административной деятельности полиции материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 166-172. 1
9. Чудина-Шмидт Н.В. Роль и место субъекта экстрима в трансформации российского общества // В сборнике: Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества сборник научных трудов по итогам региональной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД РФ. 2017. С. 158-162. 4

10. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59). С. 197-200. 1

11. Чудина-Шмидт Н.В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207. 5

12. Чудина-Шмидт Н.В. Условия и факторы формирования экстремального поведения субъектов экстрима//В книге: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики Крым, 2015. С. 32-41. 2

Багаутдинов Н.В.

РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ «МАССЫ». СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXВЕКА

***Аннотация** В статье выдвигается гипотеза о том, что отечественная редакция концепта «массовая культура» берет свои истоки в революционных событиях 1917 года. Также в статье поднимается вопрос о последствиях использования партийными элитами народных масс в качестве инструмента политического влияния.*

***Ключевые слова:** революция, масса, политическая борьба, массовая культура.*

BagautdinovN.V.

REVOLUTION FOR THE "MASSES". SOCIAL TOOLS OF POLITICAL STRUGGLE IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

***Abstract** The article puts forward a hypothesis that the domestic variant of the concept "mass culture" could take its origins in the revolutionary events of 1917. The article also raises the question about consequences of using public masses by party elites as an instrument of political influence.*

***Keywords:** revolution, mass, political struggle, mass culture.*

Обращение к теме революционных событий России 1917-го года интересно не только по случаю столетней годовщины, но в принципе, поскольку попытка совершения анализа отдельных фрагментов прошлого нашей истории может задать некоторые векторы в понимании проблем актуального для нас настоящего. Осмысливая исторические события Революции 1917-го года в рамках представляемого мной текста, хотелось бы затронуть феномен «массы», активно исследующийся с начала XX века, в контексте исторических процессов, непосредственным участником которых была наша страна в первой четверти прошлого столетия. В своей статье я, во-первых, попытаюсь определить содержание многозначного термина «масса»; во-вторых - рассмотрю события политической борьбы в период с февраля по октябрь 1917-го года; и в-третьих – выскажу предположение о связи итогов социалистической революции и истоков массовой культуры в России. Я выдвигаю предположение о том, что деятельность политических элиты того периода, использовавших массу (в ее исключительно количественном смысле) в качестве инструмента борьбы за власть, а так же последующая политическая победа большевистской партии поспособствовали тому, что был запущен механизм массовизации (в уже качественном виде) всех сфер социальной жизни.

В 1930-м году испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» впервые выделил понятие «масса» как особый социально-психологический конструкт. Он считает, что причиной ее возникновения является возрастающая динамика интеграции людей в развивающихся городах с середины XIX века и последующая за этим скученность городских агломераций. Ортега-и-Гассет, описывая «массу» как социально-психологический тип, утверждал следующее: «Массы внезапно стали видны, они расположились в местах, излюбленных «обществом». Они существовали

и раньше, но оставались незаметными, занимая задний план социальной сцены; теперь они вышли на авансцену, к самой рампе, на места главных действующих лиц. Герои исчезли – остался хор». . И принимая во внимание его «теорию масс», обозначенной в 1930 году, можно сказать, что в нашей стране этот «выход на авансцену» напрямую связан с событиями Октябрьской Революции 1917-го года. Рассуждая о критериях подобного типа мышления, для Ортеги-и-Гассета кажется очевидным, что «...естественное возникновение массы предполагает общность вкусов, интересов, стиля жизни у составляющих ее индивидов», а ее главным отличием от так называемых элитарных групп является отсутствие предполагаемой обособленности от большинства и умышленное признание факта одинаковости взглядов. Это приводит нас к пониманию того, что подобный феномен существовал задолго до обозначения самого термина. Говоря о культуре современной, мы часто маркируем ее как «массовая», связывая это явление с деятельностью рыночной экономики, процессами глобализации и либерализации. Но каждая отдельно взятая страна имеет свои истоки, которые запустили этот огромный механизм. И, на мой взгляд, социалистическая революция стала тем самым катализатором, который запустил машину доминанты масс.

Перед тем, как перейти к рассмотрению массы и политических элит непосредственно в горизонте революционных действий, обозначим некоторый исторический контекст, в котором оговариваемые нами события разворачивались. На мой взгляд, стоит учитывать системообразующий идеологический и мировоззренческий параметр Российской Империи начала XX века. Надо понимать, что в основе существования любой крупной империи лежит идея служения императивам, способных объединить огромное количество людей для достижения определенных целей (например, идеологическое обоснование необходимости участия в военных действиях). Государство, носящее имперский статус, обладает реальной возможностью определить для масс некую идею (или комплекс идей) как действительно истинную и, таким образом, выстроить идеологический фундамент для общественного сознания на любом историческом этапе. Не секрет, что подобные акты совершаются с целью укоренения в массовом сознании смысловых и ценностно-ориентированных элементов идеологии. Нормой оправданного существования империи, таким образом, будет наличие такой идеи, которая будет в силах объединить и вести за собой эти самые массы. И мы можем сказать, что политическая борьба – это почти всегда будет борьба за доверие массового сознания (как в значении усредненного и имеющего общие интересы психологического типа, так и в значении конкретно количественного). И говоря о возникшей в тот период кризисной ситуации, именно масса представлялась как «наиболее реальная форма практического существования» общественного сознания. Обратив свой взгляд на социальный контекст Российской Империи начала XX века, мы обнаруживаем, что отечественная редакция «массы» (как социологически не выражаемой группы людей) берет свои ментальные истоки из самого многочисленного слоя населения на того периода – крестьянства.

Не уделяя большого внимания экономическим, политическим, социальным и др. предпосылкам того, почему революция все-таки произошла, попытаемся выстроить последовательность событий борьбы за власть уже после событий Февральской революции. Что мы наблюдаем к весне 1917 года? В большой империи не осталось императора, а самодержавие, которое на протяжении не одного столетия выполняло системообразующую функцию, было вынуждено предаться безоговорочной капитуляции. За кризисом самодержавия последовал кризис православной культуры, представляющей собой выражение национальной традиции. Три столпа государственной идеологии «Самодержавие, Православие, Народность», сформулированных еще С. Уваровым, больше не могли выполнять роль скреп общей национальной идеи. На протяжении восьми месяцев (от февраля до октября) велась борьба за право наследования погибшего в стране царизма. Говоря о событиях возникшей «постфевральской» смуты, можно сказать, перефразировав тезис Н. Ротшильда, что тот, кто был в силах завладеть массовым сознанием, был в силах завладеть политической властью. И здесь мы можем обозначить причины неудач тех партий, которые не смогли (или не стали) позитивно интерпретировать социальные запросы, или же попросту совершили серьезные ошибки, приведшие их к политической смерти.

Конституционно-демократическая партия (или «партия народной свободы») в своей борьбе за массы не имела шансов, так как их позиция свободы не имела ничего общего с представлениями по этому вопросу у народа. На широкие слои населения их идеи не распространились и сам П.Н. Милюков был вынужден признать, что «без опоры на массы мы не сила, на нас поэтому рассчитывать нельзя...» .

Кадеты, требующие от народа «жертвы и подвига» проиграли в игре за доверие, не согласившись пойти на уступки, а именно решить острые на тот момент вопросы о земле и о мире. Либеральные «рецепты» никак не укладывались на реалии российского общества того времени и идея освобождения многострадального российского народа начала трансформироваться в критику общественности, не обладающей способностью принять передовые идеи свободы. Как отмечается, кадеты проигрывали по всем фронтам, начиная внешним видом (ибо в представление народа буржуй – каждый, кто одет немногим лучше) и заканчивая одиозным обращением «Господа!». По воспоминаниям современников, любая попытка заговорить о конституционном переустройстве общества вызывала раздражение. Кадеты не только не смогли перейти от слов к действиям, но и слов нужных (отвечающих потребностям массы) найти не смогли. Демократические процедуры не нашли своей реализации, а кадеты в сознании народа остались как узурпаторы и «повинные в смуте оборотни».

Меньшевики проигнорировали стихийную силу российского крестьянства, сознательно отказавшись искать опоры в классе, составляющем три четверти населения страны. Н.А. Рожков писал, что «социал-демократия исходит из одного – из соображения интересов пролетариата» и если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ними». Очевидно, подобным ходом завладеть массовым сознанием было невозможно. Позиционируя свои идеалы как «идеалы европейские» и говоря о неготовности страны соответствовать им – меньшевики провозгласили этим свое политическое самоубийство.

Самая влиятельная на тот момент и пользующаяся народным доверием партия эсеров тоже не смогла долго удерживать власть. Путь от громкой агитации, взывающей к «Земле и воле», к решению вопросов конституционным путем уничтожил доверие к этой партии как к той, которая смогла бы действительно поставить страну на «рельсы» социализма. В этой связи большевистская позиция немедленного решения острых проблем стала выигрышной в ситуации потери населением доверия как к либералам, так и к социал-революционерам.

Укрыв у эсеров, если можно сказать, крестьянский электорат (используя лозунги о земле), большевики подкупили массу лозунгом о долгожданном мире. Используя в качестве своей политической силы эти два важных вопроса, большевики, став безальтернативным вариантом, смогли использовать подвластное им с этих пор массовое сознание для достижения своих политических целей. Современники подчеркивают, что именно большевики умели лучше всех работать с массой по принципу «не просто, а очень просто». Простые, но эффективные большевистские приемы помогли выстроить по отношению к их оппонентам такую стену, пробить которую больше не было во власти ни у одной из партий. Каждая недовольная группа населения получила «свое обещание», а использование массовой веры в возможность мгновенного переустройства общества и решения всех насущных проблем – сделало большевиков централизованной силой в том хаосе, которым была охвачена страна более восьми месяцев. Стихия масс, которая не смогла подчиниться революционной демократии, стала добровольно покорена диктаторской властью.

Возвращаясь к Ортеге-и-Гассету, стоит сказать, что любое общество, по словам испанского мыслителя, это динамическое единство меньшинств и массы, где первое представляет собой группу личностей особого, специального достоинства, а второе (масса) – множество средних, заурядных людей. Установившаяся в стране диктатура пролетариата и подписанный «Декрет о земле» ознаменовали формальную победу над социальным расслоением. Власть перешла к народным массам, а это значит, что и политическая элита начала формироваться из тех ресурсов, которые стали идеологически оправданными. Формально разрушенная грань между привилегированным слоем населения и классом рабочих и крестьян задала тон к сращиванию ментальных установок в нечто единое (если не по духу, но на государственном уровне). И придерживаясь высказываемой гипотезы, мы предполагаем, что с этого момента в стране начинает формироваться массовая культура, но, конечно, еще не в том бодрийеровском смысле, с которым мы по большей части работаем сегодня. Встает вопрос, с какими проблемами сталкивается человек, будучи включенным в культуру массового сознания? Возвращаясь к событиям Октябрьской революции, отметим, что на первый взгляд может показаться, что победа народных масс есть символ победы общечеловеческих стремлений, носящий благородный характер (борьба за свободу, равноправие, землю и др.), ведь нельзя исключать позитивную повестку прошедших событий и их культурное влияние на события XX века. Но печально известный афоризм Жоржа Дантона гласит: «Революция пожирает своих детей».

Масса как результат перехода количества в качество вытесняет элитарное меньшинство и всячески посягает на такие области культуры, которые раньше ей были недоступны (политика, искусство, образование и т.п.), старается навязать всему обществу «свою волю и свои вкусы». «Масса давит все непохожее, особое, личностное, избранное». Она становится заметной в тот самый момент, когда у нее появляется возможность влиять на ход общественного развития. Но если говорить о негативных последствиях «власти массы» в общих чертах, можно сказать, что в массовом обществе происходит потеря человеком индивидуальности и он превращается в «безличный» образец «общего типа». Так возникает образ человека-массы, индивида, не ощущающего в себе никакого дара или отличия. Он находится в состоянии «счастья» от одного лишь осознания, что он ничем не выделяется, он «точь-в-точь, как все остальные». Конструирование психологического портрета субъекта массовой культуры, помогает нам сделать выводы относительно возможных последствий его влияния в социальном пространстве. Запущенный механизм омассовления может стать причиной серьезных процессов деградации общества. И в случае, когда масса проникает в среду политических и интеллектуальных элит, эти деструктивные процессы имеют более скоростные темпы и более серьезные последствия (потому что возникает риск, что экономикой, политикой, искусством будут заниматься люди, ориентация которых не будет предполагать стремление иметь высокую компетенцию).

Констатация факта существования такого феномена как «массы» (со всеми присущими ей психологическими атрибутами), не выдвигая однозначной оценки о том, плоха она в своей сути или хороша (так не имеем на это морального права), не мешает нам высказывать опасения, относительно последствий внедрения людей подобного типа мышления в структуры работающих социальных институтов. В первой четверти XX века в России политические партии боролись за доверие масс (в частности, за крестьянство, составлявшего львиную долю от общего числа населения), зная, что правильно ангажированный нужный слой населения может стать мощным инструментом в борьбе за власть и политическое влияние. Победа большевиков и сопутствующего им марксистского учения стала отправной точкой вектора, однозначную оценку которому дать нельзя. Позитивная в своей основе идеология бесклассового общества, на наш взгляд, стала одной из причин последующего распространения логики массового мышления на все ступени условной социальной иерархии. Революция 1917 года, как одно из самых значительных социально-политических событий не только отечественной, но мировой истории XX века, и производные от нее процессы представляется как безусловно заслуживающий внимания объекты философских измышлений. Анализ феноменов подобного масштаба дают нам возможность хотя бы фрагментарно выстроить причинно-следственные связи между событиями в прошлом и актуальными проблемами настоящего.

Список использованных источников

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. – М.: Весь Мир, 2000. – 704 с.
2. Меньшевики в 1917 г. Т.1 / Под общ.ред. З.Галили, А.Ненарокова, Л.Хеймсона. - М.: Российская политическая энциклопедия, 1994. С.246-247.
3. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь / Д.В. Ольшанский. - М.: Политиздат, 2002. - С. 261.
4. Савич Н.В. Воспоминания / Н.В. Савич. - СПб.: Голубой всадник, 1993. -496 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/index.html, свободный. – Проверено 20.11.2017.

В.А. Гайкин

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ КОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ЯПОНИИ

Аннотация: Обучавшиеся в Японии корейские студенты, воодушевлённые революционными событиями в России, в 20-х гг. XX века создали несколько антияпонских революционных организаций. По замыслу организаторов эти структуры должны были по образцу российских социал-демократов 19 века соединить социалистическую теорию в лице студентов и революционную практику в лице рабочего класса для свержения капиталистического строя и установления общества социальной справедливости.

Ключевые слова: *Корейские студенты в Японии, Корейские гастарбайтеры, Октябрьская революция в России*

Abstract: *The Rapid growth of the Korean migrant workers in Japan after world war I, their transformation into social economically significant group contributed to the intensification of labor conflicts against discrimination and capitalist exploitation. Korean leftist students in Japan were inspired by the revolutionary events in Russia, created in the early 20-ies a number of Marxist organizations of the sectarian type. Its were modeled on the Russian Social-Democrats of the 19th century to unite socialist theory and the revolutionary practices of the working class to overthrow the capitalist system and to establish social justice.*

Keywords: *Korean students in Japan, Korean guest workers, the October revolution in Russia.*

Стремительный рост численности корейских гастарбайтеров в Японии в 20-е гг. XX в., превращение их в экономически и социально значимую группу способствовали активизации трудовых конфликтов, выступлений за равную с японцами оплату труда, против дискриминации, капиталистической эксплуатации.

В ноябре 1920 г. токийские студенты с левыми взглядами Пак Йоль и Пэк По, воодушевленные примером революционных событий в России, создали Общество работающих студентов (Тёсэн когаку доюкай). По замыслу организаторов эта структура должна была по образцу российских социал-демократов 19 века соединить социалистическую теорию в лице студентов и революционную практику в лице рабочего класса для свержения капиталистического строя и установления общества социальной справедливости. Однако как это часто бывает на начальной стадии развития революционного движения «Тёсэн когаку доюкай» включало в себя членов разных идеологических воззрений, что привело к вызреванию и формированию фракций и как следствие расколу организации. Результатом этого процесса стало появление анархистского общества Кокуюкай (Чёрные друзья) под руководством Пак Йоль и др., и коммунистической организации Общество полярной звезды.

Кокуюкай имело свой печатный орган «Футой сэндзин». Название было явно «с двойным дном» - японское слово футой (толстый) похоже на слово футэй (мятежный). Тайной организацией, действовавшей под руководством Кокуюкай было Общество бунтовщиков (футэйся). Руководители ставили целью достижения независимости Кореи посредством проведения серии террористических акций. Такие планы привлекли к себе внимание японской полиции. Последовали репрессии – 2 сентября 1923 г. Пак Йоль был арестован, а Кокуюкай разгромлен. Его члены – корейские анархисты вступили в японский Кокуиро сэнсэн сэйнэн рэммэй. (Чёрный фронт молодёжи) Особых успехов и влияния внутри этой организации корейская фракция не достигла. Вышедший на свободу Пак Йоль пытался продолжать борьбу, подвергая критике идеологов японской экспансии. В статье, опубликованной в газете Футой сэндзин (от 30 декабря 1926 г.) он писал: «Японские чиновники предлагают азиатам объединяться против империализма белой расы. Эти заявления смехотворны. Мы корейцы не должны позволять им обмануть себя» (1, с. 99).

Другая фракция вышедшая из Тёсэн когаку доюкай создала марксистскую организацию Общество полярной звезды (руководители Ким Як су, Ким Чон пом, Ан Кван чхон, Ли Йо сон и др), которая делала ставку на классовую борьбу корейского и японского пролетариата в качестве инструмента для достижения независимости Кореи. Как пишет Пак Кён сик: «идеологи Общества во первых, настаивали на том что японский пролетариат не является врагом корейского народа “Наш общий враг – японские правящие круги” – утверждали они. Общество пыталось наладить отношения и укрепить классовую солидарность между корейскими и японскими рабочими, планировало создать в Японии единый корейский рабочий профсоюз».(1, с. 99). Общество полярной звезды (Хокусэйкай) взяло на себя функцию идеологической и организационной структуры, подготавливающей создание единой рабочей организации трудовых мигрантов, которая действовала бы в контакте или совместно с аналогичным японским рабочим центром марксистской ориентации.

Эта группа корейских студентов и молодых интеллигентов в Японии преследуя патриотические цели освобождения родины приняла на вооружение коммунистическую идеологию для мобилизации рабочего класса. Выбор был логичен, поскольку в то время корейская буржуазия находилась в зародышевом состоянии и в силу объективных причин не могла стать гегемоном борьбы против колониального режима. Учитывалось и то, что при такой (марксистской) ориентации союзником корейских патриотов автоматически становился могучий северный сосед – Советская

Россия. Часть лидеров общества в августе 1923 г. посетили Корею и установили связь с тамошними антияпонскими организациями, объехали несколько провинций Кореи, выступая с лекциями об идеологии и практике коммунизма. Несколько человек (Ким Як су и др.) остались в Корее и в ноябре 1924 г. организовали там аналогичное по политическим характеристикам с Хокусэйкай общество Пукпхунхве (Общество северного ветра).

В Японии на ежемесячных собраниях Хокусэйкай японские коммунисты читали лекции для подготовки корейских лидеров рабочего движения в Японии. Руководитель японской компартии Сэн Катаяма охарактеризовал Хокусэйкай как «центральный орган корейского рабочего движения в Японии который ведёт очень серьёзную работу». (1, с. 100) (Катаяма, возможно, дал своего рода аванс, сознательно преувеличивая роль Общества).

Несмотря на декларируемые цели (руководство рабочим классом) Хокусэйкай была хотя и не «страшно» но всё же «далека от народа». Проводя параллели с российскими реалиями 19 века это общество можно охарактеризовать как социал-демократический кружок, который хотя и занимался пропагандой марксизма, но непосредственного (руководящего) участия в конкретных трудовых конфликтах не принимал. Забастовки «гастарбайтеров» и деятельность Общества полярной звезды (Хокусэйкай) представляли собой два не связанных процесса. Чтобы изменить ситуацию лидеры Хокусэйкай приняли решение реформировать организацию для укрепления связей с корейскими рабочими массами. В январе 1925 г. Хокусэйкай был распущен, а на его основе создано «Ильвольхве» (Общество января). По полицейским данным его численность составляла 37 чел. руководители – Ан Кван чхон, Син Тхэ ак, Ли Йо сон. (1, с. 105). Программа «Ильвольхве» предполагала: 1.Создание в перспективе организации, где во главе угла будут народные массы. 2. Борьбу вместе с народом против всех форм дискриминации (эксплуатации) – классовой, национальной. 3. Пропаганду социалистической теории, финансовая поддержка стачек забастовок и других форм массовой борьбы трудящихся.

По сравнению с программой Хокусэйкай эти положения были более радикальны, идеологически и политически ориентированы на создание массовой пролетарской организации, социальную революцию, которая судя по программе была более приоритетна чем освобождение Кореи от колониальной зависимости. Как отметил Mitchell: «Ильвольхве имел в своём составе членов-японцев и поддерживал тесные связи с японскими левыми организациями» (2, р. 35). Общество декларировало необходимость «руководить рабочим движением, укреплять солидарность пролетарских стран Востока, международные связи восточного пролетариата, вести пропаганду социалистических идей в пролетарских массах через лекции, брошюры, газеты». (Малотиражным) рупором организации, был журнал Сисо ундо (Идейное движение). Приведём оглавление номера журнала за сентябрь 1925 г. (1, с. 102):

1. Горький сентябрь (Статья видимо о массовых убийствах корейцев в Японии в сентябре 1923 г. – В. Г.)

2. Наводнения, пожары, голод в Корее и создание в Японии японо-китайско-корейского общества помощи жертвам стихийных бедствий

3. Международный день молодёжи.

4. Идеология мелкой буржуазии и идеология пролетариата (переводная статья).

5. Пролетарская революция в России и крестьяне.

6. Детское царство.

7. История социализма в Западной Европе.

8. Коммунизм и религия (компиляция из произведений Бухарина, Преображенского).

9. Деятельность общества помощи пострадавшим от голода и наводнений в Корее.

10. Интернациональные чувства японских девушек.

11. Ситуация в пролетарском движении

12. Анализ капиталистического общества.

Лидеры Ильвольхве Ан Кван чхон, Ли Йэ сон. и др. начали претворять отдельные положения программы в жизнь. Связавшись с Пак Чан киль из Тёсэн родо кюгокай (Общество помощи корейским рабочим), с Ким Сан чхол из Тёсэн родо кёсэйкай (Корейское общество взаимопомощи), а также с Ли Хон лидером Токио тёсэн родо домэйкай (Лига корейских рабочих в Токио) молодые пассионарии начали подготовку к созданию единого корейского рабочего профсоюза.

Они установили связь с Осака тёсэн родо домэйкай (Лига корейских рабочих в Осака)..22 февраля 1925 г. в пригороде Токио в доме дружбы японской, китайской, корейской молодёжи собралось около 80 представителей различных корейских организаций из Токио, Киото, Осака,

префектуры Хёго на учредительный съезд «Дзай нихон тёсэн родо содомэй» (Всеяпонская федерация корейских рабочих) сокращённо Росо. В учредительной декларации провозглашалось: «Ещё три года назад мы осознали необходимость объединения разбросанных по всей Японии корейских рабочих обществ, однако воплотить эту идею не удавалось из-за организационной слабости корейских обществ, помех, которые создавали эксплуататоры, которые пьют кровь корейских рабочих. Рабочий класс, объединившись, уничтожит класс эксплуататоров, для этого необходимо создать классовый фронт»

Была принята программа деятельности профсоюза:

«1. Объединившись, мы сможем эффективно бороться, добиваться экономического равенства

2. Мы будем бороться против гнёта капиталистических классов

3. Рабочий класс и капитал не могут мирно сосуществовать, поэтому мы планируем создать новое общество, в основе которого будет власть рабочих союзов, освободить рабочий класс, претворить в жизнь идеи свободы и равенства.

Актуальные требования: 1. Установить 8-часовой рабочий день и 48-и часовую рабочую неделю; 2. Установить минимум заработной платы; 3. Отменить репрессивные законы; 4. Сделать 1 мая нерабочим днём».

28 ноября 1926 г. Ильвольхве (Общество января) на пленуме принял следующее постановление: «Неизбежен переход от экономической борьбы к борьбе политической. Целью создания Ильвольхве было идейное просвещение. Корейская интеллигенция уже прошла этот этап. На очереди 2-й этап – реальная борьба. Поскольку цели создания Общества января достигнуты, мы решили распустить это общество и создать новую организацию» (1, с. 120). В конце 1926 г. Ильвольхве прекратил свою деятельность. Возможно, что самороспуск был следствием: 1. Создания в 1925 г. Компартии Кореи, в подготовке чего принимали участие члены Общества; 2. достижения цели Общества января – создания Всеяпонской федерации корейских рабочих (знаменитого Росо).

Список использованных источников

1. Пак Кён сик. Дзайнити тёсэндзин ундоси: 8.15 кайхо маэ. (История социально-политического движения корейцев в Японии). Токио: Санитисёбо, 1979. 357 с.

2. Mitchell Richard H. The Korean minority in Japan. Berkley and Los angeles: university of California press, 1967. 286 p.

Я.С. Голубир

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА Р. ГЕНОНА КАК ПРИЗЫВ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕФОРМАЦИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается труд французского философа XX века Рене Генона, его понимание кризиса, а также особенности «Тёмного века» наступившего для Западной цивилизации в XX веке. Выделена особенность отношения Западной и Восточной цивилизаций. Сформулированы основные черты упадка современности, его причины, обоснована закономерность и неизбежность наступления кризиса.

Ключевые слова: кризис, традиционализм, материализм, прогресс, наука, Запад, Восток, цивилизация.

Annotation: This article examines the work of the French philosopher of the twentieth century, René Guénon, his understanding of the crisis, as well as the features of the "Dark Age" that came for Western civilization in the 20th century. A feature of the relationship between Western and Eastern civilizations is singled out. The main features of the decline of modernity, its causes are formulated, the regularity and inevitability of the onset of the crisis is substantiated.

Keywords: crisis, traditionalism, materialism, progress, science, the West, the East, civilization

Актуальность: Кризис – суд, вектор развития будущей эпохи. Он является завершающей стадией современного мира и в то же время началом нового периода развития человечества.

Упадок является одним из равноценных этапов одного цикла. Он неотвратим, неизбежен и является закономерным явлением. И так как мы сейчас живём непосредственно в период кризиса, изучение его особенностей и характерных черт является актуальной проблемой на сегодняшний день.

Основная часть: Рене Генон, автор философских трудов по метафизике, традиционализму, символизму и инициации, характеризуя состояние современного мира пишет, что согласно индуизму, человеческий цикл «Манвантара», включает в себя четыре периода или века, следуя которым примордиальная духовность все более и более затемняется [1, с. 159].

В настоящее время мир находится в четвертой стадии цикла под названием Кали-юга. По окончании цикла мир будет подвержен тотальной трансформации, он либо будет подвергнут полному изменению либо перестанет существовать. Тогда и будет положено начало новой эпохе.

Четвертая юга (эпоха) является самой тёмной эпохой, и мы можем назвать ее кризисной. Под кризисом следует понимать «суд», «решение», «установление различий», что собственно является завершающей стадией цикла и в дальнейшем определяет следующий виток развития. Рене Генон в работе «Кризис современно мира» пишет: «Некоторые из использованных нами только что выражений без сомнения наводят на мысль о том, что называют «страшным судом» и это не напрасно: понимают ли его буквально или символически, или сразу обоими способами, потому что на самом деле они вовсе не исключают друг друга» [1, с. 154]

Так как человеческая мудрость не может быть утрачена, то очевидно все, кто желает соприкоснуться с подлинным знанием найдут его под видом разных символов. Рене Генон по этому поводу пишет: «С тех пор истины, которые некогда были доступны всем людям, становились все более и более скрытыми и трудно достижимыми, владеющие ими – все менее и менее многочисленными, а поскольку сокровище «не-человеческой» мудрости не может быть утрачено никогда, то оно облекается все более и более непроницаемыми покровами, которые скрывают его от взглядов и под которыми его крайне трудно открыть» [1, с. 159]. Считается, что утраченное возобновится в конце следующего цикла, который одновременно будет началом следующего. Характерной его чертой является, то что он протекает по нисходящей от момента своего начала, то есть «в сторону удаления от порождающего Принципа» [1, с. 160].

Рене Генон называет всё более ускоряющееся отдаление от Принципа «прогрессирующей материализацией», с течением времени мы уходим всё дальше от духовного и священного к материальному, детализируя и изучая его всё больше и больше [1, с. 160].

Рене Генон утверждает, что развитие греческой цивилизации и все изменения происходившие в ней должны были привести её к сегодняшнему состоянию гораздо быстрее, чем это произошло в действительности. Однако возникновение и развитие Христианства поспособствовало некой адаптации и замедлению процесса упадка.

С окончанием средневековья стал проявляться упадок, кризис начал набирать темпы. Началось Возрождение. Эпоха Возрождения, и следующий за ней период Реформации не смогли полностью реставрировать прежний порядок вещей. Рене Генон пишет: «Отнюдь не будучи никаким восстановлением, они знаменуют собою еще более глубокое падение, поскольку они завершают собою окончательный разрыв с традиционным духом, один в сфере наук и искусств, другая – в сфере самой религии» [1, с. 170].

Говоря об упадке современного мира Рене Генон повествует о цивилизации Запада. Цивилизацию же Востока он видит иначе.

Разумеется, существовало множество цивилизаций, которые отличались друг от друга определёнными аспектами. Однако особенность которая присуща современным Западной и Восточной цивилизации уникальна. Этой особенностью является их противостояние.

Обусловлено такое различие отсутствием у «антитрадиционной» цивилизации, то есть западной, высшего принципа и даже скорее наличие отрицания вообще каких бы то ни было принципов, что и препятствует взаимопониманию с теми цивилизациями, которыми эти принципы признаются.

Можно выделить ряд характерных черт кризиса современного мира.

Эпоха Возрождения, якобы стремящаяся возродить времена греко-римской цивилизации взяла лишь поверхностные аспекты ушедшей культуры, не возрождая духовной стороны. Поэтому первой особенностью кризиса назовём замену наук традиционных науками профаническими.

Традиционные науки подразумевают наличие связи с догматическими принципами и с сакральным. Профанические науки следствие слишком детального анализа. Такие науки стараясь быть самостоятельными отrekliлись от сакральных принципов, и перестали иметь основание.

Одна наука разделилась по средствам детализации на ряд наук профанических, а произошло это из-за постепенного искажения её смысла. Рене Генон объясняет происходящее так: «То есть в

определённый период времени материальный аспект науки стал постепенно выделяться в отдельную область. А часть сакральная начала забываться» [1, 171].

Ярким тому примером стала трансформация философии. Если ранее философия представлялась ступенями ведущими к мудрости, что даже отражено в её названии философия – любовь к мудрости, то ныне философию стали считать самой мудростью.

Второй особенностью является распространение гуманизма. Он получает большую популярность и имеет огромную силу в современном мире. Суть данной черты заключается в сведении всего до человеческих пропорций и отказ от принципов более высокого уровня. Можно сказать, словами Рене Генона: «Речь шла о том, чтобы все свести к чисто человеческим меркам, абстрагироваться от всякого принципа высшего порядка и, говоря символически, отвратиться от неба под предлогом завоевания земли» [1, с. 172].

Современность своим упадком обязана разрыву с Традицией. Происходит отказ от всего превышающего границы индивидуальности, а также отказ от любого знания, превосходящего уровень индивидуального рассудка.

Третья черта. Наиболее тревожной чертой можно назвать невозможность возвращения к истокам и возрождения традиции. Как бы сильно человечество не хотело бы вернуться к традиции это неосуществимо, так как подлинное знание утеряно. Значение тех или иных моментов традиций и культуры ушедших цивилизаций либо неизвестно либо просто не применимо в современном мире.

Четвертая чертой является взаимоотношение умозрения с действием. Что-то одно должно преобладать над другим, то есть может быть лишь два варианта такого подчинения, один из которых будет верным, а другой нет. По мнению Рене Генона, верным будет признать преобладание умозрения над действием. Для кризиса же характерно обратное положение.

Описывая состояние западного человека Рене Генон пишет: «Западные люди, развивая сверх всякой меры свои способности к действию, дошли до того, что утратили свою интеллектуальность и чтобы утешиться изобрели теории, которые ставят действие над всем и дошли даже, как в «прагматизме», до отрицания, что что-либо существует значительное вне действия?» [1, с. 195]

Знания ныне используются лишь для достижения определенной практической цели. А целью постоянного процесса развития и прогресса является сам прогресс.

Многое делается лишь ради самого действия: исследования проводятся лишь ради исследований, проблему ищут лишь для нахождения новой проблемы. Однако согласно Рене Генону даже идея не может быть «новой», так как истина не является продуктом человеческого разума. [1].

Искажение, а затем и полное уничтожение религии является пятой характерной чертой упадка. Религия отождествляется с человеком, всё сводится к морализации, теряется сакральность. В наши дни мы постоянно видим множество людей, которые считают себя религиозными, но на самом деле таковыми они не являются. Главная проблема заключается в «десакрализации» религии, отношении к ней как к тому, что должно затрагивать лишь одну определенную сторону человеческого существования [1].

Шестая черта – принцип равенства. Принцип равенства в образовании можно описать как способность понять в одинаковой степени определенные вещи, и использование одинаковых стандартных методов для объяснения этих вещей, что применимо для всех без исключения.

Проявлением принципа равенства также является отсутствие иерархии. Исчезло разделение основанное на внутренней природе и склонностях человека. Наоборот в современном мире люди выполняют ту работу, которую они смогли заполучить. Причём при распределении деятельности между людьми учитываются все факторы кроме самого важного – предрасположенности человека.

Седьмая черта. Материализм и демократия. Оба эти понятия означают отдаление не только от Традиции, но и от единства, и всё большее приближение к множественности. Под материализмом понимается мировоззрение состоящее в более или менее сознательной постановке преобладания материальных вещей и связанных с ними проблем на первый план, независимо от того, осуществляется ли это на умозрительном или на чисто практическом уровне. Поэтому, современная наука является по мнению Рене Генона «профанной», так как он противопоставляет себя «сакральной» и относится с подозрением и явным безразличием к существованию всего нематериального. Именно такой подход является крайне опасным, так как, для того, чтобы что-то отрицать, прежде необходимо хотя бы в малой и самой незначительной степени об этом задуматься, тогда как позиция полного и тотального безразличия в полной мере избавляет людей от этой необходимости [1].

В настоящее время прогрессирующими направлениями стали промышленность и механизация. Сама наука уже не представляет самостоятельной области, она просто используется как средство производства.

И сегодня мы становимся свидетелями того, как люди пытаются всеми мыслимыми и не мыслимыми способами подчинить себе материю и использовать ее в полном объеме, в конечном итоге лишь стали ее рабами. Ограничивая таким образом свои интеллектуальные потребности, современный человек не только ограничивает свои интеллектуальные претензии в изобретении и конструировании не сложных механизмов, постепенно и поэтапно сам превращается в подобие механизма.

Список использованных источников

1. Генон Рене. Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира / Генон Рене; [перевод с фр.Т.Б.Любимова]. – М.: НПЦТ «Беловодье», 2004. – 304с.
2. Захарова, Е. В., Шелекета В. О. Кризис культуры как цивилизационная катастрофа // Философия социальных коммуникаций. –2011. – №1-14, с. 105-115.
3. Филиппович, А. В. Историософия интегрального традиционализма // АНТРО. – 2014. – № 2(15), – с. 51-62.
4. Кризис современного мира // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terme.ru/termin/krizis-sovremennogo-mira.html>
5. Критика универсализма Рене Генона // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vidya613.wordpress.com/2016/05/17/>.

Гончарова К. О.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФНОМЕН ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ. НА ГРАНИЦЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИЙ

***Аннотация.** Автор данной статьи пытается найти предпосылки такого глобального феномена как Революция. Опорной точкой являет предположение, что, возможно, у этого феномена есть не только социально, но и сугубо личные, экзистенциальные причины. Мы можем попытаться найти их посредством проблематизации появления такой фигуры как революционер в рамках традиционного общества. Подобное рассмотрение феномена Революции на стыке социальной и экзистенциальной онтологий ведет к гипотезе, что одной из причин Революции является фундаментальное экзистенциальное переживание скуки.*

***Ключевые слова:** революция, революционер, традиционное общество, экзистенциальная онтология, социальная онтология, скука, философия истории, социальный конструктивизм.*

***Abstract.** The author of this article tries to find some premises of such a global phenomenon as Revolution. The reference point is an assumption that there are probably some strictly personal, not just social, but also existential reasons. We can try to find them through problematization of appearance of such a figure as revolutionist within the framework of traditional society. This consideration of Revolution phenomenon at the junction of social and existential ontologies leads to a hypothesis that one of Revolution's reasons is fundamental existential sense of boredom.*

***Keywords:** revolution, revolutionist, traditional society, existential ontology, social ontology, boredom, philosophy of history, social constructivism.*

Задаваясь вопросом «Кто такой революционер?», мы – как и полагается начинающим исследователям – первым делом заглядываем в толковый словарь и сталкиваемся там со следующим определением: революционер – это приверженец революции, участник революционного движения, способствующий полному перевороту и открытию новых путей развития [3]. Определение всегда представляет собой максимально содержательно нагруженную конструкцию, которую при желании можно разобрать на несколько смысловых составляющих. Что же мы можем вычленивать из данного определения? Во-первых, революционер определенно решает вопрос свободы воли в пользу последней, будучи уверенным, что история осуществляется посредством его активного вмешательства. А во-вторых, в революционном движении революционер видит осуществление некоего проекта как цели, совершенно отличной от существующего вокруг традиционного уклада.

Революция для революционера – это «свобода от» во имя «свободы для», которая и определяет поле дальнейшего разворачивания истории.

Итак, выдвигаемые нами проблемные вопросы звучат следующим образом: как возможно само появление революционера в рамках традиционного общества? Почему традиции как общественного регулятора становятся недостаточны? Каким образом она может способствовать появлению революционных настроений?

Для начала обратимся к феномену традиции. Конечно, термин «традиция» – еще до того, как был концептуально осмыслен философами – определенно интересовал древних мыслителей в качестве некоей неинституционализированной социальной нормы, хотя греческий полис явно видел главный общественный регулятор не в традиции, а в основанном на разуме законе. В данном рассуждении для нас главное понять, что греки (например, Платон) не противопоставляли традицию и закон: традиция скорее выступала некоей «онтологической базой законодательства», которое получало свою легитимность именно через обычай [5, с. 36]. Подобная трактовка естественной природы человека в терминах политического просто не могла привести греческую мысль к противопоставлению общественного природному, а значит, и к представлениям о кардинально новом (антитрадиционном) общественном тоже, но история философии показывает нам, что уже Руссо ставит под сомнение эту их природно-общественную преемственность, а, следовательно, революционер – это изначально традиционалист, задавшийся специфичного рода вопросом, революционным вопросом, приведшим его к переосмыслению естественного ему традиционного уклада.

Для того, чтобы понять, что это за вопрос и чем он был вызван, мы предлагаем кратко рассмотреть историю парадоксального по своей сути термина «революция». С латинского слово «revolution» означает «оборот» и применялось оно изначально Н. Коперником для указания цикличности астрономических процессов. К XVII веку этот термин уже был применяем в политической сфере, но только в качестве простой аналогии между небесными светилами и циклически сменяющими друг друга формами правления. Как историческое явление революция не существовала вплоть до Нового времени [1, с. 6], хотя Античность, конечно, была знакома с политическими изменениями, но она была далека от мысли, что они могут привести к возникновению чего-либо нового [1, с. 19]. Более того, даже первые революции руководствовались не амбициями новизны, а оценивали себя как движение за возвращение «естественных прав» или утраченных свобод.

Появление современного понимания революции, уверена Ханна Арендт, можно датировать XVIII веком, когда акцент в основных целях революционных движений сместился с освобождения на свободу, которая должна быть не только завоевана, но и сохранена от угроз оппозиции посредством нового правительства и нового режима. Это соединение в понятии «революция» «идеи свободы с опытом начала чего-то нового» [1, с. 30-31] говорит нам о том, что традиционное, изначально находящееся на одной стороне с природным и общественным, стало восприниматься оппозицией этому новому пониманию общественного как революционного и прогрессистского, что способствовало появлению нового социально проблемного вопроса, но уже с экзистенциальным уклоном: могу ли я быть свободен, когда общество вокруг меня не свободно? Ведь свобода возможна лишь среди равных, а равенство не существует вне «особенной политической области, где люди контактируют как граждане, а не как частные лица» [1, с. 33].

За вопросами подобного экзистенциального характера обычно стоят не только внешние обстоятельства, которые мы так или иначе обсудили, но и определенная внутренняя проблема, которая – в силу того, что преобразование традиционалиста в революционера определенно происходит на глубоко экзистенциальном уровне – нас и интересует.

Функция традиции как социального феномена состоит в воспроизведении «элементов социального и культурного наследия», фиксируя при этом «степень зависимости современного поколения от прошлого или приверженности к нему» [6, с. 87-88]. Да, посредничество традиции между прошлым и настоящим способствует и экономии человеческих усилий, и устойчивости в настоящем, и уверенности в будущем, но в силу того, что осуществляется все это посредством механизма постоянного повторения, продуктом традиции для творческого и мыслящего индивида становится скука.

Скука представляет собой своего рода «экзистенциальный фундаментальный опыт» [7, с. 15], который – как напишет Бродский – будучи «окном на бесконечность времени», обнажает нашу «крайнюю незначительность» [2, с. 10]. Трактовать и исследовать скуку можно по-разному: можно

искать ее истоки еще у Екклесиста с его «нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9), можно вслед за Кьеркегором считать ее «источником всякого зла» или же подобно Чорану можно видеть в ней некое «состояние превосходства», но нас интересует совсем другое.

Во-первых, важно помнить, что как феномен и предмет рефлексии скука появляется только в Новое время, что делает ее привилегией современного человека [7, с. 28-29]. А во-вторых, надо понимать, что в вопросах о причинах экзистенциальной скуки недостаточно ответить что-то о незанятости скучающего субъекта, так как трагизм скучающего не в недостаточности имманентных миру вещей и событий, а в отсутствии трансцендентного оправдания собственных усилий. Отсюда и ощущение бессмысленности, популярность которого в обществе явно является признаком мировоззренческой брешы в данном социальном укладе. С подобными недостатками в ответах на персональные вопросы мировоззренческого плана и сталкивается алгоритмизированное традиционное общество с его нивелированием роли отдельного человека, что и приводит к возникновению фигуры революционера.

Получается, что революционер – это традиционалист, которого экзистенциальное состояние скуки привело к постановке революционных вопросов. Каким же образом наш главный герой справился со своей скукой?

В борьбе с экзистенциальной скукой есть два пути: можно признать виноватым мир, и тогда единственным вашим избавлением будет бодлеровское «Нам скучен этот край! О Смерть, скорее в путь!»; также можно признать себя «ответственным за скуку» [7, с. 208], что и делает наш революционер (о чем говорит хотя бы то, что он нами сейчас обсуждаем).

Признав себя ответственным за собственную скуку, человек открывает для себя несколько альтернативных способов работы с этим своим фундаментальным экзистенциальным опытом: он может пойти по горизонтальному пути трангрессии, постоянно пересекая дозволенные границы и создавая все больше заглушающих скуку различий; он также может выбрать вертикальный путь трансцендентности, сделав некий качественный скачек и признав за собой наличие какого-либо абсолюта [7, с. 101-102].

Для скучающего традиционалиста XVIII века – как это часто бывает в жизни – пути решения его экзистенциальной проблемы не столь четко очерчены и однозначны, как в нашей теории. Вернуться к пассивному дальнейшему выполнению своей роли в традиционном укладе он уже не может; постоянная трангрессия также может ему быстро наскучить; а абсолюта в классическом его понимании – в силу настроений эпохи, хоть Паскаль и настаивает на вере – также уже невозможен. Единственный закономерный и весьма эффективный путь нашего главного героя – это своего рода прогрессивная абсолютизация трангрессии, то есть возведение в абсолюта само пересечение границы в перспективе дальнейшего развития. Это и отражается в нововременном культе работы, ведь «человек, – как напишет Кант, – это единственное животное, которое должно работать», так как он «ощущает свою жизнь через поступки» [4, с. 364], и в культе прогрессистского настоящего, заставляющего человека «выноситься в мир, вовне», проявляя себя в качестве телеологического и свободного существа [4, с. 48].

Таким образом, революционный потенциал скуки – в случае признания и ее наличия, и своей ответственности за это – заключается в осознании того, что оборотной стороной бесконечности является бесконечное количество вариантов выбора [7, с. 205] и «страсть как привилегия незначительного» [2, с. 13], что должно способствовать развитию у скучающего субъекта деятельностного интереса к реальности. А подобное установление «субстанционального отношения с современностью» [7, с. 197] и осмысление слитности и совместимости разных сторон бытия (жизни и скуки) и является по сути своей признаком зрелости или – если угодно – кантовского «совершеннолетия».

Список использованных источников:

1. Арндт Х. О революции / Х. Арндт. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 464 с.
2. Бродский И. Похвала скуке / И. Бродский // Знамя. – 1996. – № 4. – С. 9-13.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – В 2 т. – 1209 с.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант; пер. с нем. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
5. Некрасов С. И. Проблема традиции в истории философской мысли / С. И. Некрасов, Н. А. Чавкин // Научный вестник МГТУ. – 2012. – №182. – С. 35-39.

6. Новая философская энциклопедия: В 4 томах / Ин-т философии РАН, Нац. общ-научн. фонд. – М.: «Мысль», 2010. – Т. 4. – 736 с.
7. Свендсен Л. Философия скуки / Л.Свендсен; пер. с норв. К. Мурадян. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 256 с.

УДК 316.77

Грачев В.И.

**ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬСКИЙ
ПЕРЕВОРОТ)?!_
(ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОМ ХРОНОТОПЕ)**

В статье рассматривается соотношение ключевых понятий и словообразований, связанных с революционными и постреволюционными событиями произошедшими в России 1917 года, радикально и в корне изменивших социальное и культурное состояние российского общества, его аксиогенное пространство, структуру и систему социокультурных коммуникаций, как сферы сохранения, передачи, функционирования и реализации культурных ценностей и традиций, сложившихся в национальных этносах и культурах, определяющих их сходство, взаимозависимость, амбивалентность и оппозиции в общей системе культуры и художественной культуры современного российского общества.

Ключевые слова: культура, революция, эволюция, ценность, традиция, коммуникация, общество, социокультурное пространство, система, синергетика, парадигма, хронотоп.

Grachev V. I.

**THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OR GREAT OKTJABRSKJ COUP
("THE FATE" OF RUSSIAN ARTISTIC CULTURE IN POST-REVOLUTION
CHRONOTOPE)**

The article describes the ratio of a number of key concepts and slovoobrazovanij associated with revoljucionnyi and postrevoljucionnymi events took place in Russia 1917 year, radically and fundamentally changed the social and cultural condition of Russian society his aksiogennoe space structure and a system of socio-cultural communications, as the scope of preservation, transmission, funkcianirovanija, and realizacii kulturnyh values and traditions prevailing in the national ethnic groups and cultures that define their resemblance, interdependence, ambivalence and opposition in the common system culture and artistic culture of contemporary Russian society.

Keywords: culture, revolution, evolution, value, tradition, communication, society, socio-cultural space, system, synergy, paradigm, chronotope.

Прежде чем говорить о социальных катаклизмах, разрушающих, изменяющих и обновляющих Мир, в котором живут люди, а революции какими бы великими или локальными они не были, это всегда разрушение прежних ценностей, устоев, традиций, (здесь и далее курсив мой -

В.Г.) форм и содержания социального устройства и замена их новыми или обновленными, не всегда лучшими прежних, но другими, нужно разобраться в тех основаниях и почве, на которой они возникают. Априорным утверждением может быть то, что таким основанием, почвой, несомненно, является Культура и отношения людей в социальном пространстве и времени или культурном хронотопе.

Не вдаваясь в дефинитивные тонкости, можно утверждать, что Культура это не просто всё созданное человечеством, а отобранные временем и людьми, духовные, художественные и материальные ценности и традиции, которые в историческом процессе коммуницирования людей и развития общества, нужно умело хранить и приумножать.

Культура держится на иерархии ценностей, традиций, норм и запретов. Она всегда была и остаётся сложной иерархической системой норм, ценностей, традиций и установлений отобранных, принятых, сохраняемых и неукоснительно соблюдаемых всем обществом на всех уровнях этой мировой иерархии.

Хотелось бы подчеркнуть, что ценность и традиция – это близкие понятия, но разного семантического уровня иерархии и степени коммуницирования [15]. В системе социокультурных коммуникаций уровень взаимодействия культурных ценностей и культурных традиций, на мой взгляд, наиболее высок и дифференцирован. В современном коммуникативно - аксиогенном культурном пространстве дело состоит уже не только в открытии новых культурфеноменов, а в скорости или даже темпоритме передачи и предназначения импульсов, сигналов, фактов, знаков, символов и смыслов, образов, в виде различных компонентов общей и особенно художественной культуры.

Мир, в котором мы все живем, с позиции концепции «аксиологической коммуникологии», разрабатываемой мной с 2005 года [5], - это коммуникативно – аксиогенное пространство и время, в которое мы вольно или невольно создаём или порожаем ценности и традиции или безжалостно разрушаем их, подчас не понимая, что на этих двух главных «столпах» и зиждется Мир, который люди крушат в своих бесчисленных кровавых и бескровных революциях. Причем, надо понимать, что традиции должны меняться быстрее и чаще чем ценности. Так реально и происходит. Важно только отметить, что смена традиций — это сложный и глубокий процесс, протяжённый в социальном пространстве и во времени в рамках культурного хронотопа. И всё же это не революционный, а поступательный и управляемый, но не будем называть его эволюционным, процесс установления и сохранения традиций.

Иное дело, смена ценностей – социальный катаклизм, т.е. по сути культурная революция или социально - исторический слом. Это разрушительный, или созидательный процесс в обществе, но тоже не спонтанная смена социальной и культурной парадигм [6,8,9,10,13,15]. Этой смене ценностей предшествует огромная идеологическая, политическая, культурная сатурация общества идеями, смыслами, символами и образами на основе тотального информационного обмена и функционирования коммуникационных систем самых разных классов, уровней и назначения между различными социальными группами, стратами и структурами постоянно меняющегося «прекрасного и яростного мира». Слом ценностей в обществе — это очень болезненный для всех процесс, несущий с собой крушение идеалов и идолов, наработанных годами культурных стереотипов, моделей поведения и конечно редукции традиций на всех уровнях реформируемого общества. Именно это состояние постреволюционного общества, в начале XX века, точно и образно, назвали российские философы - «сменой вех».

Важнейшими «вехами» стал целый «вал» революций и революционных событий, потрясших Европу, Россию, да и, пожалуй, весь мир. Во многом это произошло благодаря распространению идей марксизма в мире. «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», писали «отцы – основатели» самого «верного и всепобеждающего» революционного учения немецкие философы и экономисты Карл Маркс и Фридрих Энгельс, неразлучные друзья – идеологи и «конструкторы» будущих революций и новых социальных миров. В момент опубликования главной хартии этого времени: «Манифеста Коммунистической партии», перевернувшей «старый мир», было всего тридцать и тридцать два года, соответственно. М. Бакунину одному из соавторов знаменитого «Манифеста», чуть за сорок. Переводчику же «Капитала» К. Маркса на русский язык Герману Лопатину было и вовсе двадцать семь лет. Отсюда и тем, и другим был свойствен молодой задор, агрессия и безапелляционная, беспощадная нетерпимость ко всем другим взглядам кроме марксистских, часто весьма привлекательных для овладения «сознанием масс», но не всегда

достаточно продуманных, реалистичных, а посему иногда просто утопических, приводящих к социальным катастрофам, трагедиям и революции.

Марксистские идеи стали проникать в Россию из «старушки» Европы, желающей встряхнуться и вспомнить свою революционную молодость. Эти идеи в России вначале были непонятны и чужды всем, как заграничная «идеологическая отравка», но постепенно как «сладкий яд» стали овладевать сознанием передовых людей того времени Европы и России, а затем и всего мира. Примером может служить, как их германская Vaterland с неудавшейся мировой пролетарской революцией в 1918 года, так и ряд других европейских революций.

Для свершения социальной революции, по гениальному, а скорее прагматичному и циничному, предложению К. Маркса требовалась никому не нужная, неизвестная страна и такой стала царская Россия - Russland. В ней и произошли не ожидаемые в это время, практически никакими социальными классами и партиями, считающими, что Россия ещё не созрела для революции, социального катаклизма такого масштаба, но благодаря идеологическому экспорту революции, две подряд революции, чего не предполагал и К. Маркс: Февральская буржуазная и Октябрьская Социалистическая революции или как назвал её видный большевистский идеолог, теоретик и энергичный участник, один из руководителей военно – революционного комитета (ВРК) Октябрьской Революции – Анатолий Васильевич Луначарский, «Великий Переворот».

Распространение революционных идей марксизма в царской России было не простым, тайным, запретным, но достаточно энергичным делом, благодаря целому легиону протагонистов, пропагандистов и переводчиков этого модного социального учения, таких как Герман Лопатин – первый переводчик «Капитала» К. Маркса, революционера с удивительной судьбой и Михаил Бакунин – теоретик русского анархизма и марксизма. Мечта о перманентной мировой пролетарской революции, позже овладела умами европейских марксистов, а в России о ней начал «бредить» наяву очень яркий и энергичный молодой революционный деятель, ставший из провинциального никому неизвестного одесского упорного самоучки Лейбы Бронштейна, всесильным и безжалостным Львом Троцким, военным диктатором, по римскому образцу, Октябрьской Социалистической Революции. Разумеется, эту Революцию социалистической тогда никто не называл и тем более семантически и лексически не писал с большой буквы, в лучшем случае, считали и называли военным революционным восстанием, штабом которого фактически и руководил Л. Троцкий с немногочисленным, но и соратниками, среди которых был и мало кому тогда известный, И. Джугашвили, впоследствии его безжалостный враг, впрочем, как и все революционеры, уничтоживший его даже в далекой Мексике.

Когда в Смольный чудом пробрался, через многочисленные но невнимательные юнкерские патрули В. Ленин, он просто «вырвал» по праву, у младшего товарища по большевистской партии, Л. Троцкого реальную власть, которая по меткому выражению «валялась на земле и её нужно было только не полениться подобрать», что и не преминули сделать большевики. Они в основном были романтиками Революции, но больше в неё «играли», чем верили в возможность её реального свершения и тем более успех, даже революционный триумф, хотя и плотски жаждали его. Трагическая фигура Л. Троцкого, «демона Революции» как его нарек «буревестник Революции» М. Горький, до сих пор недооценена и непряяснена отечественной историографией, но это предмет другого отдельного исследования.

Для лучшего понимания этих революционных и постреволюционных событий и деятельности революционеров в культурном хронотопе, обратимся к деятельности другой очень яркой, непростой, и противоречивой эгоцентрической фигуре, но сыгравшую важную роль в идеологизации и культуризации свершившейся революции, первого наркома просвещения нового государства. Речь идет об Анатолии Васильевиче Луначарском - профессиональном революционере, идеологе, теоретике и практика, культуртрегера новой социалистической культуры, одного из первых глубоко осмыслившего силу и последствия происшедшего, как бы само собой, мощного социального катаклизма или как он его точно и ярко определил: «Великий переворот» [12]. Он-то знал, о чем говорил. Именно так, назвал он свою довольно нелицеприятную книжку: Луначарский А. В.: Великий переворот (Октябрьская революция). Ч. 1. Изд. изд-ва З. И. Гржебина. Пг., 1919. 99 с. 13 000 экз., которую, не без интереса к откровениям комиссара Наркомпроса, ещё в советское время мне довелось читать. В ней В.И. Ульянов (Ленин), а не как иначе, за исключением многочисленных псевдонимов, звался тогда будущий великий, всемогущий вождь Советской России, всеми любимый или ненавидимый, поди, сегодня разбери, но есть и такие суждения на основе новых исторических изысканий, конечно, как всегда конъюнктурных, по свидетельству А.В. Луначарского, был гораздо

менее известным и авторитетным русским революционером, чем меньшевики Л. Мартов (Юлий Осипович Цедербаум) или уже давно всеми позабытые Фёдор Ильич Дан (Гурвич) и Павел Борисович Аксельрод.

С марксизмом будущий нарком просвещения познакомился ещё во время обучения в Первой мужской гимназии в Киеве, где в 1892 году вступил в нелегальную ученическую марксистскую организацию. Вёл пропаганду среди рабочих. Одним из гимназических товарищей Луначарского был Н. А. Бердяев, с которым он впоследствии, как видным религиозным философом, бывшим до этого истовым марксистом, резко полемизировал.

В 1895 году, по окончании гимназии, Луначарский отправился в Швейцарию, где поступил в Цюрихский университет. В университете слушал курс философии и естествознания под руководством самого Рихарда Авенариуса; изучал труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса, а также работы французских философов-материалистов. К швейцарскому периоду жизни Луначарского относится и сближение с плехановской социалистической группой «Освобождение труда».

Известие о Февральской революции 1917 года ошеломило Луначарского и 9 мая, оставив семью в Швейцарии, он прибыл в Петроград и вошёл в организацию «межрайонцев». Но вскоре после июльских дней был обвинён Временным правительством в государственной измене и арестован. С 23 июля по 8 августа 1917 года находился в тюрьме «Кресты» и в это время заочно был избран одним из почётных председателей VI съезда РСДРП (б), на котором межрайонцы объединились с большевиками и 20 августа 1917 становится руководителем фракции большевиков в Петроградской городской думе. Во время корниловского выступления настаивал на передаче власти Советам. В начале осени 1917 года был избран председателем культурно-просветительской секции и заместителем петроградского городского головы, в это же время становится членом Временного Совета Российской Республики. 25 октября 1917 г., т.е. в день свершения Великой Октябрьской Социалистической Революции, на экстренном заседании Петроградского Совета РСД поддержал линию большевиков. После Октябрьской революции назначен наркомом просвещения Совнаркома. По свидетельству Л. Д. Троцкого, Луначарский в качестве наркома просвещения сыграл важную роль в привлечении старой интеллигенции на сторону большевиков. Луначарский был незаменим в отношениях со старыми университетскими кругами, которые убеждённо ждали от невежественных узурпаторов полной ликвидации наук и искусств. Луначарский же с увлечением и без труда показал этому замкнутому миру, что большевики не только уважают культуру, но и не чужды знакомства с ней. В 1929 году он был смещён с поста наркома просвещения и назначен председателем Учёного комитета при ЦИК СССР. В 1930 году А.В. Луначарский избирается академиком АН СССР.

Анатолий Луначарский был лично знаком с такими известными зарубежными деятелями культуры и писателями, как Ромен Роллан, Анри Барбюс, Бернард Шоу, Бертольт Брехт. В 1933 году А.В.Луначарский был отправлен полпредом СССР в Испанию, где по пути, при невыясненных до конца, обстоятельствах умер в декабре 1933 года на французском курорте Ментона. Тело было кремировано, а урна с прахом установлена в Кремлёвской стене, как знак выдающихся заслуг в деле культурного строительства нового государства, на Красной площади в Москве.

Несомненно, А.В.Луначарский внёс весомый вклад в становление и развитие социалистической культуры — в частности, советской системы образования, издательского дела, театрального искусства и кино, но его влияние на русскую культуру было противоречивым и амбивалентным в силу той классовой идеологии, которую несла новая власть, одним из видных теоретиков, идеологов и протагонистов был первый народный комиссар, видевший этот народ довольно долго то из Швейцарии, то из Франции, да и умер на французском курорте Ментона. Последнее, разумеется, не в упрек, мало ли кто и где заканчивает свою жизнь. Правда, весьма важно, где он её проживает, и это многое объясняет и в жизненных принципах, и занимаемых политических позициях. Словом, видел он и знал больше вовсе не русский измученный и задуренный самодержавием, православием, а потом и большевиками, бедный народ, а сытых, благополучных горожан и сельских жителей Европы, а это, как иронично говорится, «две большие разницы».

Поэтому А.В.Луначарскому была гораздо ближе европейская культура, а не исконно русская и насаждался им в Советской России странный конгломерат и гибрид европо-русской или не существующей всемирной пролетарской культуры. Но это культура тоже была не всего народа, а лишь одного его класса - пролетариата, по стечению, до сих пор неясных социально — экономических, а значит и социокультурных условий и обстоятельств, вдруг из маргинального класса люмпенов, т.е. из обездоленных полуграмотных рабочих и крестьян, а большей частью просто бродяг

и других деклассированных элементов, которых кто и куда угодно может сманить куском хлеба или кровавым зрелищем, стал господствующим классом. Правда, этому классу по прихотливей и изворотливой марксистской идеологии «нечего терять кроме своих цепей», а это значит, что других артефактов и подлинных культурных ценностей у ставшего социообразующим классом попросту не было. По мнению А.В. Луначарского, культурное наследие прошлого принадлежит пролетариату и только ему. Теперь мы понимаем, что это было очередное заблуждение или политическая aberrация. Важно подчеркнуть, что А.В. Луначарский внёс огромный вклад в становление и развитие социалистической культуры молодого советского государства.

Сегодня многие историки, не без должных оснований, считают Великую Французскую Революцию предтечей Великой Русской Революции, так стало принято называть сразу три российских революции, взявшие у французской Революции многие её лозунги, девизы, формы власти и символы, начиная с Революции 1905 года, которая революцией все – таки в полной мере не была. Она по оценке специалистов представляла локальные разрозненные, непонятно кем и как руководимые плохо вооруженные восстания в обеих столицах, поэтому быстро была подавлена и затухла.

Две другие революции, Февральская Буржуазная Революция, которую серьёзные историки, политологи и социологи называют подлинной революцией, т.е. со сменой царской самодержавной, надоевшей уже всем власти, от которой устали практически все слои российского общества, сильно страдающего от одной за другой никому не нужных последовавших войн и уже всем осточертевшей неразберихи и чехарды в царском правительстве.

Наконец, третья, которую сами её руководители также не считали революцией, а называли по определению одного из активных её участников, первого народного комиссара просвещения А.В. Луначарского, «Великим Переворотом». Остальные же деятели и организаторы непосредственной подготовки революционного выступления, называли её военным восстанием, очевидно, по привычке не предполагая, что творят социальную революцию, не понимая толком на какие социальные группы или народные массы им опираться. Словом революцию делать было делать некому, но она настолько созрела, что не произойти не могла. Власть просто «подняли с земли» большевики, беззастенчиво воспользовавшись лозунгом эсеров («трудовиков») «Земля – крестьянам», а Россия была преимущественно крестьянской страной, но крестьяне были поголовно мобилизованы на защиту Отечества и стали реальной военной силой, на которую смогли удачно и вовремя опереться большевики.

С «легкой руки» современных российских «вождей» и верных им «историков» сегодня все три революции объединены в одну, но Великую Русскую Революцию то ли для удобства произношения, а может осмысления, понимания, оправдания и презентации случившегося в нашей многострадальной России социального и культурного катаклизма или как считают другие, более социально ответственные и честные исследователи, «национальной катастрофы».

Итак, мы имеем дело с перманентными незатухающими революционными событиями, превратившимися в неугасимый костер Революции, в котором сгорела почти дотла прежняя патриархальная Россия и зародился новый тип государственного устройства – советское государство, просуществовавшее в этом постреволюционном хронотопе до 1991 года, а по сути, в перверсивном состоянии, остаётся и до сих пор.

В лоне современной культуры возникает непонимание опасности разрушения национальной культурной традиции, но тем самым возрастает ценность традиции, или традиция ценностей как таковых.

Главным содержанием Мира, как пронизательно заметил выдающийся испанский философ Ортега – и – Гассет [26], являются не только предметы и явления, а отношения между ними, т.е. разнообразные коммуникации всех типов и видов. Проблема социальной и культурной памяти как основы и общей базы культуры и художественной культуры, особенно, во многом зависит от возможностей сохранения и трансляции во времени и пространстве, в локусе культурного хронотопа художественных ценностей и в целом ценностей культуры.

Трудности исследования культуры, очевидно, кроются, во многом, в том, что культура – это гиперсложный антропный системный объект научного познания. Вместе с тем, весьма сложно очертить культурологическую парадигму как единую логически непротиворечивую систему утверждений. Это подтверждается и взглядами разных отечественных и зарубежных философов и культурологов [2; 3; 5; 9; 10; 13; 14; 15; 16; 17]. Культурологическое осмысление культурфеноменов социальной реальности с необходимостью выводит нас на проблему социокультурных ценностей.

Традиционные критерии интерпретации смыслов и значения явлений культуры, успешно используемые до XX в., сегодня размываются и меняются.

В наиболее концентрированном виде смена критериев отражена в проблеме так называемых универсальных общечеловеческих ценностей. Ответственно, как автор концепции «аксиологической коммунологии» [5] утверждаю следующее. На мой взгляд, нет и не может быть никаких «общечеловеческих ценностей», поскольку, то, что ценно для одного этноса, для одного народа, для одной культуры, может быть неважно или даже антиценностью для другого этноса и другой культуры. Даже понятия добра и зла различны в разных национальных культурах и народах. Следовательно, не может быть и единой мировой культуры, мировой пролетарской культуры и тем более мировой художественной культуры. Реально эти понятия несостоятельны «по определению» в силу принципиальных и кардинальных различий национальных культур и субкультур по базовым культурогенным и аксиогенным основаниям, таким как этнические, религиозные, этические, эстетические и этатические. Эти различия сегодня оборачиваются серьёзными социокультурными конфликтами вплоть до кровавых столкновений и «безграничной» эмиграции в Европу.

Замечательно и созвучно современному научному парадигмально-аксиологическому подходу к культуре написал о ней старейший российский эстетик и культуролог Ю.Б. Боров «Культура каждой эпохи выдвигает свою концепцию мира и личности, даёт формулу бытия человечества, парадигму, утверждающую идеалы, цели и смыслы бытия, обозначающую путь – дао» [2, с 459].

Отвечая на сложный и вновь актуальный вопрос, поставленный в заглавии статьи не хотелось бы предстать в виде некоего самонадеянного носителя истины и для меня этот вопрос остаётся открытым, так как требует дальнейших исследований и осмысления тех революционных событий перевернувших мир дореволюционной, во многом патриархальной, России в контексте постреволюционного социокультурного хронотопа.

Список использованных источников.

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. / Аристотель -М.: Мысль, 1975— 1983.
2. Боров Ю.Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд/ Ю. Б. Боров. - М.: АС: Олимп, 2008. - 478 с.
3. Вайль П.Л. Гений места./П.. Вайль - М.: Независимая газета, 1999.-488 с.
4. Гадамер Г. Актуальность прекрасного./Г. Гадамер. - М.: Искусство. -347 с
5. Грачев В.И. Коммуникации – Ценности – Культура. (Опыт информационно – аксиологического анализа): Монография./В.И.Грачев - СПб.: Астерион, 2006. - 248 с.
6. Грачев В.И. Современная художественная культура: парадигма или дискурс?! (компаративно – аксиологический анализ). Монография./В.И. Грачев - СПб.: Астерион. 2016. - 274 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа./ Н.Я. Данилевский.– М.:Книга, 1991. – 576 с.
8. Запесоцкий А.С. Культура: взгляд из России. /А.С. Запесоцкий - СПб.: СПбГУП; М.: Наука, 2014. – 848 с.
9. Каган М.С. Философия культуры – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
10. Кун Т. Структура научных революций./ - М.: Прогресс, 1977 - 300 с.
11. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПбГУП 2006.
12. Луначарский А. В.: Великий переворот (Октябрьская революция). Ч. 1. Изд. изд-ва З. И. Гржебина. Пг., 1919. 99 с. 13 000 экз

13. Масаев М.В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография /М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
14. Ортега – и- Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. / Х.Ортега – и – Гассет – М.: Радуга, 1991. – (Антология литературно эстетической мысли). – 639 с.
15. Ценности и коммуникация в современном обществе. СПб.: 2012. - 220 с.
16. Соколов Э.В. Культурология. Очерки теорий культуры. / Э.В Соколов. - М.: Интерпакс, 1994. 272 с.
17. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Наука, 2009. – 467 с.

Корсунский А.Г.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ АНТЕЦЕДЕНТНЫХ УСЛОВИЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются необходимые предпосылки и антецедентные условия возникновения революционной ситуации. Затрагиваются философско-правовые аспекты чрезвычайного положения, анализируются основные современные подходы к этой проблеме в рамках политической философии.

Ключевые слова: антецедентные условия революции, чрезвычайное положение, социальные концепты.

Annotation. The article considers the necessary prerequisites and antecedent conditions for the emergence of a revolutionary situation. The philosophical and legal aspects of the state of emergency are touched upon, the main modern approaches to this problem are analyzed within the framework of political philosophy.

Key words: antecedent conditions of revolution, state of emergency, social concepts.

В периоды политических кризисов, когда история изменяет свой путь, обретает новую логику своего развития, а социальная эволюция находится в точке бифуркации.

В критические моменты истории, при внутренних кризисах и внешних угрозах открываются новые аспекты общественного бытия, формируются новые политические вызовы, ставятся новые задачи и новые цели [1]. В такое непростое для государств время, как правило, вводится чрезвычайное положение. Ряд исследований именно чрезвычайного положения позволил выявить новые философские аспекты основания правовой системы, взаимосвязи действительности и закона, решения и нормы, роли необходимости в формировании права. В период кризисов и нестабильности открывается, присущая антиномичность социальных процессов, становится явной также важность осмысления социальных концептов. От концептуальных решений, что понимать под свободой, а что под справедливостью зависит историческое будущее общества.

Чрезвычайное положение представляет собой противоположность устоявшемуся социальному порядку, кроме того, решение о введении чрезвычайного положения принимаемое государственной властью имеет крайне серьезные основания - это может проявляться как непосредственная реакция на обострившиеся внутренние социальные конфликты или быть ответом на внешние угрозы.

Чрезвычайное положение является «точкой, в которой нарушается равновесие между публичным правом и политическим фактом» [4]. В такой ситуации фактическое положение дел выходит на первый план, получает легитимность и обретает правовой статус, с другой стороны старая правовая система уже не отвечает наличным требованиям и отменяется политической реальностью. В право входит совсем иной набор социальных концептов, получивших политическую актуальность и всеобщую популярность.

При введении чрезвычайного положения, зачастую ссылаются на исключительные обстоятельства и крайнюю необходимость. Определение крайней необходимости всегда субъективно и связано с матрицей концептуальных проектов, концептуальным видением, которое стремятся осуществить. Апеллирование в политике к стратегии крайней необходимости предполагает моральную, этическую, тактическую или стратегическую (но внеправовую) оценку, основой которой

становиться утверждение о недееспособности наличной государственной власти, о её политической несостоятельности преодолеть кризисные процессы не выходя из границ действующего правового поля, а также суждение о неспособности власти выражать актуальные социальные потребности, проводить в жизнь концептуальные принципы.

Теория чрезвычайного положения была изложена в трудах К. Шмитта. Наиболее известными из них являются «Политическая теология» и «Диктатура». Однако, несводимость решения к какой-либо норме показано именно в «Законе и приговоре». Политическое решение основывается в первую очередь на концептуальном видении ситуации [2].

Для дальнейшего исследования соотношения нормативного поля и сферы социальных концептов, проведём демаркационную линию между выражениями «действенность закона» и «сила закона». Определение «сила закона» имеет за собой долгую историю и отсылает нас к римскому и средневековому праву, в которой оно «имеет общий смысл действенности, способности государства обязывать» [6, с.94]. В ситуации чрезвычайного положения, закон теряет источник своей силы - это пространство аномии.

Рассмотрим процесс реализации юридической нормы, он с одной стороны предполагает референцию к конкретной ситуации, а с другой предусматривает участие множества акторов, кроме того итогом этого процесса является вынесение «решения». Под юридическим «решением» мы имеем в виду такой нормативный акт, «действительное отношение которого к реальности обеспечивают институты власти» [5]. Исходя из вышеизложенного, приходим к заключению, что адекватная формулировка проблемы о действии нормы нуждается в смещении акцентов и направлении внимания не на область логики, а в на сферу практической деятельности.

Как продемонстрировал Гадамер, любая политическая ситуация нуждается в практическом герменевтическом истолковании, такой же акцент практику делается, когда говорим о социальных концептах: правила реализации социальных концептов нельзя редуцировать из их непосредственного содержания, для этого некий аналог негласного «процессуального» права. Между языком и миром существует не прямая, а опосредованная связь, так и между содержанием социальных концептов и их непосредственной реализацией существует сложная система опосредующих связей, которая получает свою экспликацию именно в состоянии чрезвычайного положения, где «чистое насилие без логоса, не имеющее реальной референции, становится инструментом в достижении политической власти» [3, с.93].

Список использованных источников:

1. Беньямин, Вальтер. О понятии истории // Новое литературное обозрение. № 46. 2000.
2. Шмитт, Карл. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.
3. Шмитт, Карл. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
4. Fontana, Alessandro. Du droit de resistance au devoir d'insurrection // Le droit de resistance / ed. Jean-Claude Zancarini. Paris, 1999.
5. Friedrich, Carl J. Constitutional Government and Democracy. Boston, 1941.
6. Preuss, Hugo. Reichsverfassung und Diktatur // Zeitschrift für Politik. XIII. 1924.

Н.В. Крамчанинова

ФЕНОМЕН «РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» ЧЕРЕЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность. Социологическое наследие начала XX века - неотъемлемая часть отечественной интеллектуальной истории. Особый интерес представляет тема революции и философско-социологическое осмысление революционных событий в России. Социология революции через изучение трудов выдающихся русских философов и социологов этого периода дает возможность понять и определить основные подходы к решению проблемы революции.

Relevance. Sociological heritage of the beginning of the 20th century - an integral part of national intellectual history. The subject of revolution and philosophical and sociological judgment of revolutionary events in Russia is of special interest. The revolution sociology through studying of works of outstanding Russian philosophers and sociologists of this period gives the chance to understand and define the main approaches to a solution of the problem of revolution.

2017 год - это год, который отмечает столетие Октябрьской революции 1917 года, а также принимает активное участие в обсуждении нравственной оценки революции и дает возможность сформировать научное обоснование этому явлению.

По истории русской революции опубликовано огромное количество исследований. Но многие ее аспекты - причины, сущность, характер, движущие силы, значение русской революции - до сих пор остаются дискуссионными. Еще недавно исследователи были едины в том, что русская революция произошла в результате совокупности объективных причин, иными словами, «была неизбежна».

Идут споры о сущности октябрьских событий 1917 г.: одни авторы считают их «октябрьским переворотом», по мнению других - это была «социалистическая революция»

Существуют противоположные трактовки значения русской революции. Некоторые ученые отмечают, что русская революция вызвала коренные изменения в общественном развитии России. Сторонники другой точки зрения называют ее «нонсенсом», «тупиком истории». Разногласия по этим и другим аспектам истории русской революции, существующие в отечественной историографии, подтверждают необходимость продолжения исследовательской работы, накопления и обновления источниковой базы по этой проблеме[3, 54-57].

Карл Маркс называл революции «локомотивом истории».

В.И.Ульянов (Ленин) считал, что «революция - праздник угнетённых и эксплуатируемых».

Проблема социологии революции исследовалась Томасом Гоббсом (во время английской революции). По мнению Гоббса, в период революции и гражданской войны наступает «война всех против всех», когда каждому угрожают все, когда каждый имеет право на всё по праву сильного, когда «человек человеку - волк».

Русский социолог Питирим Сорокин был активным участником революции 1917 года. Вынужденный эмигрировать из России, П.Сорокин в 1923 году в Праге выпустил книгу «Социология революции», в которой обобщил результаты французской, германской и русской революции.

По мнению П.Сорокина, революция не улучшает, а скорее ухудшает экономическое и культурное положение рабочего класса. Результаты достигаются непропорционально большой ценой. Страдают не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших трудящихся[7, 74-77].

Делая революцию, люди всегда мечтают о власти справедливости и добра. Однако в итоге всегда возникала «тирания злого добра».

«Социология революции» - достаточно необычный труд, сочетающий дневниковые записи автора, которые содержат характерные для такой литературы личные оценки, развернутые описания (характеристики событий), с объективным научным анализом дневникового фактажа, где беспристрастное исследование позволяет выстроить стройную логическую систему нового знания о революции, устанавливая чёткие причинно-следственные связи.

Знаменитая работа И.А. Бунина «Окаянные дни» представляет собой беллетризованный дневник 1918-1919 гг., обогащённый экскурсами в предреволюционную пору и дни Февральской революции. Достоверность изложения сочетается в нём с субъективизмом крайне негативных политических оценок событий, описание которых нельзя назвать научно систематизированным[3, 114-118].

Октябрьская революция - часть русской истории, феномен русской культуры. Здесь слиты воедино и триумф, и драма народа. Русская революция воспринималась большевиками как закономерный итог исторического развития страны, российского общества, как естественное разрешение противоречий действительности. Начавшись под лозунгом всечеловеческих и общероссийских ценностей, она, как многие революции, начала корчиться в судорогах насилия, террора, диктатуры. Видимо, разобраться в так называемой «новой эре» - эре отказа от всечеловеческих ценностей в пользу классовой борьбы, разобраться в «рождении нового человека» было под силу только таким личностям, которые оказались способны сопротивляться идеологическому прессу. Таким человеком являлся И.А. Бунин. Революцию И.А. Бунин встретил в возрасте сорока семи лет, когда житейский и духовный опыт человека и интерес к реальной жизни находятся в гармоничном сочетании, делающем личность способной максимально глубоко увидеть и оценить сущность происходящих событий. Бунинские дневники, посвященные революции и Гражданской войне, пожалуй, - одни из самых глубоких документов этой эпохи.

В произведении «Окаянные дни» И.А. Бунин выразил свое резко отрицательное отношение к революции, свершившейся в России в октябре 1917 г. Это даже не дневник в строгом смысле слова, поскольку писатель восстанавливал записи по памяти, художественно их обрабатывая [3, 128-130].

Как полагает П.А. Сорокин, основной предпосылкой революции выступило «увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения и невозможность даже минимального их удовлетворения». Это позволяет оценивать революцию как своего рода социальную болезнь.

Особое место в спектре политических сил и течений российской эмиграции занимал И. Ильин. Среди важнейших тем творческой деятельности И. Ильина в эмигрантский период - темы России, патриотизма, духовного обновления, философские проблемы власти, государственного устройства и организации общественной жизни и, конечно, русская революция - незатухающая боль и средоточие мыслей российского послеоктябрьского зарубежья. Для него были неприемлемы принципы таких влиятельных идейно- политических направлений, как сменовеховство и евразийство, настороженно относились к нему представители либеральной интеллигенции, как, впрочем, и многие консервативно настроенные деятели. И. Ильин не разделял взглядов С. Булгакова, Н. Бердяева, критически относился к С. Франку, Л. Карсавину, Д. Мережковскому. Почти все они платили ему тем же [2, Т. 1, 96-98].

Для «государственника» И. Ильина, который полагал, что форма государственного устройства является функцией правосознания данного народа, революция 1917 г. явилась результатом крайнего ослабления духовных основ русской жизни. Он связывал причины революционного взрыва с утратой «русских органических и священных традиций», шаткостью «нравственного характера», непомерным «политическим дерзанием» и отсутствием «творческих идей» [5, 101].

Несколько иначе склонны были оценивать русскую революцию Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун. Так, как противник любого «зла мира» Н.А. Бердяев понимал и принимал любую освободительную идею, но не насильственную, не революционную. «Революция, - писал он, - всегда означает, что не было положительных творческих духовных сил, улучшающих и возрождающих жизнь, осуществляющих больше правды. Революция есть кара, посылаемая людям за то, что они не обнаружили творческой духовной силы, не творили лучшей жизни... Желать можно лишь положительного творчества, лучшей жизни..., лишь духовно-социального обновления и возрождения..., революция есть болезнь, катастрофа, прохождение через смерть» [1, 183].

Н.А. Бердяев выступал против такой власти, которая противостоит народу и отстаивает концепцию «служебного» характера государственных институтов, что характерно для тоталитарного государства. Он высказывался за незыблемость личных свобод, защищал принципы правового государства. Марксистское учение о коммунизме, по мнению Н.А. Бердяева, является «демоническим», поскольку путь к будущему, по марксизму, - это путь насилия, несвободы, безраздельного приоритета социальных форм перед личностью, принесение целых поколений в жертву будущему обществу. «Коммунизм в этой форме, в какой он явился в России, есть крайний этатизм. Это есть явление чудовища Левиафана, который на все накладывает свои лапы. Советское государство... есть единственное в мире последовательное, до конца доведенное тоталитарное государство» [1, 120]. Но в то же самое время, Н.А. Бердяев подчеркивал, что «это единственная власть, выполняющая хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей» [1, 151-152].

Однако, были и такие современники событий, которые не только готовили и ждали эту революцию, как спасительницу от всех бед, но и сами являлись активными участниками революционного процесса в России 1917 года. Безусловно, их взгляд на свершившиеся события был несколько иным.

Таким образом, можно выделить специфические особенности российского революционного процесса, определившие его катастрофичность:

- самобытный анархизм масс, удерживаемых режимом насилия в состоянии пассивного подчинения;
- упадок правящего класса, осужденного историей на гибель, но надеявшегося на спасение путем устранения пошатнувшегося самодержавия;
- теоретический максимализм революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и лишенной политического опыта;
- сепаратистские устремления национальных элит;
- психологические особенности национального генотипа, склонного к замедленной реакции на внешние раздражители, а поэтому конденсирующего в себе заряд психологической энергии, прорывающейся в виде революционных взрывов.

Таким образом, демократическая альтернатива, в течение восьми месяцев 1917 года успевшая трансформироваться из либерально-демократической в радикально-демократическую, не

осуществилась. Слишком тяжелым наследием для новой России оказалась мировая война, а также многолетний острейший кризис системы, не преодоленный падением самодержавия, а в чем-то даже усиленный этим актом. В 1917 году революционный процесс нарастал, как следствие бурного, во многом стихийного потока [1, 224-226].

Как нужно относиться к 1917 году? Хорошо или с негативом? Нам не надо возвращаться в дореволюционную Россию и не надо идти в февраль и октябрь. Всё, что могло, уже произошло и реализовалось.

Октябрь выполнил свою роль, он дал нам другой путь в будущее, мимо капитализма. Октябрь дал историческую альтернативу, показал возможность альтернативы в истории. Показал возможность нравственного выбора в истории и жизни в соответствии с этим выбором.

Список использованных источников:

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье / Н.А. Бердяев; сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Изд-во «Канон», 2002. 448 с.
2. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. / И. А. Ильин. Париж: Изд-во Русского Общевоинского Союза, 1956. Т. 1. 346 с.; Т. 2. 337 с.
3. История России XX века: пособие для учителя / А.О. Чубарьян, Е.И. Пивовар, А.В. Пыжиков и др.; под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2003. 352с.
4. Кошарный В. П. Проблема революции в социологии и философии русского послеоктябрьского зарубежья / В.П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. №1 (33). С. 163-184.
5. Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение/ Н. Полторацкий. Тенафли; Нью-Йорк, 1989. С. 135-137.
6. Рачина А.В. Некоторые аспекты изучения революции 1917 г. / А.В. Рачина В.В. Бурьков, А.В. Алексеева//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-2. С. 77-81.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 266.

А.П. Люсий

ФИЛОСОФИЯ ТРЮКА: ОПЫТ КИНОРЕКОНСТРУКЦИИ

Первая мировая война характеризуется как первая кинематографическая, с той оговоркой, что становление этой кинематографичности, то есть осознание практического значения кинематографа, происходило в самом процессе этой войны. Место реконструкции юбилея этой войны в структуре современности основывается на материале фильма американского режиссера Ричарда Раша «Трюкач» (1980) и его странной востребованности на советском экране (гораздо большей, чем в своей стране). Привлечение марксистского контекста проясняет его возможное влияние на формирование текущий субъекта военного конфликта.

Ключевые слова: экран, реконструкция, субъект, конфликт, война, контекст, богема, трюк.

A.P. Liusyi.

PHILOSOPHY OF THE TRICK: EXPERIENCE OF CINEMA RECONSTRUCTION

The First World War is characterized as the first cinematic, with the proviso that the emergence of this cinematography, that is, the realization of the practical significance of cinematography, occurred in the very process of this war. The site of the reconstruction of the jubilee of this war in the structure of modernity is based on the material of the American director Richard Rush's film «The Stunt Man» (1980) and his strange demand for the Soviet screen (much larger than in his country). Attraction of the Marxist context clarifies its possible influence on the formation of the current subject of the military conflict.

Key words: screen, reconstruction, subject, conflict, war, context, bohemia, trick.

Стоящие на точке зрения революционной войны указывают, что мы этим самым будем находиться в гражданской войне с германским империализмом и что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну.

В.И. Ленин. РЕЧИ О ВОЙНЕ И МИРЕ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 11 (24) ЯНВАРЯ 1918 г.

Нас мало. Нас, может быть, трое
Донецких, горячих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.

Борис Пастернак. Я их мог позабыть

Однажды Ленин пришел к Матильде Кшесинской (в особняке которой на Петроградской стороне имперской столицы он, действительно, с 3 [\(16\) апреля 1917](#) по 4 [\(17\) июля 1917](#) интенсивно работал, произнося речи с балкона), а там в шкафу – Николай... Так, я бы сказал, гениально, срезюмировал в виде анекдот-синописа острые, местами чреватые уличными противостояниями, дискуссии по поводу пресловутого, и как раз к юбилею Октября, фильма «Матильда».

К истокам сквозь экран

С аналогичного эпизода начинается мало знакомый российскому зрителю фильм великого греческого кинорежиссера Теодороса Ангелопулоса (1935-2012) «Взгляд Улисса» (Гран-при Каннского кинофестиваля 1995 года). Американский кинорежиссер греческого происхождения через 35 лет отсутствия приезжает в родной город на премьеру своего последнего фильма, который оказывается встречен демонстрацией протеста местных православных фундаменталистов. Для подлинного «возвращения домой» у этого современного Одиссея возникает потребность отыскать три созданных в 1905 году киноролика, которые могут рассматриваться как первый греческий (и балканский в целом) фильм. В поисках их следов он переезжает из Греции в Албанию, Македонию, Болгарию, Румынию, знакомясь с современным состоянием этих стран, но периодически проваливаясь в разные моменты истории. В Одессе, чтобы попасть в находящуюся под санкциями Сербию, он нелегально устраивается на барже, которая транспортирует в Германию огромный демонтированный памятник Ленину. Во время этой части маршрута по обеим берегам Дуная стацию провожают толпы народа, значительная часть - стоя на коленях.

Однако пора вернуться, так сказать, к нашим баранам (пусть герой из Белграда в последующую и окончательную сараевскую мясорубку отправляется уже самостоятельно). Россия, как якобы оценивал свою прижизненную ситуацию то ли Владимир Ильич, то ли Лев Давыдович, «беременна» революцией (подлинную эту фразу смотрите в эпитафии, в массовом сознании произошел сдвиг, аналогичный апокрифической оценке «важнейшего из искусств», о чем ниже). Как бы там ни было, но соответствующее *зачатие* произошло на фронтах Первой мировой войны, которая и начала перерастать в полном соответствии его с теоретическими установками и практическими лозунгами, в войну гражданскую. Как теперь один юбилей перерастает в другой – с неожиданной нынешней кинопоправкой. Именно сквозь экранную призму мы и намерены обратиться к истории концептуального переосмысления значения I-й мировой войны в истории в попытках возвысить её значение за счет революции.

100-летие Первой мировой войны, первоначально, в ходе ее самой, названной было в России Великой Отечественной войной, совпало с такой формой междивизиационного диалога, как *мировые медиа-войны*. Конечно, теперь уместней бы вспомнить о созданном Сергеем Эйзенштейном киномифом Октябрьской революции. Теперь, однако, Игорь Угольников и Дмитрий Месхиев предприняли попытку с помощью I-й мировой создать ситуацию её исчезновения, упорно повторяя в съемках своего «поворотного-переворотного» фильма «Батальон» («первоначально «Батальон смерти») ниспровергающий термин «переворот». В основе фильма фронтовая судьба командира женского

батальона Марии Бочкаревой («Яшки») и ее однополчанок. При этом осуществляется своего рода гендерно-патриотический поворот-переворот переосмысления самой сущности женщины. Точкой сборки фильма оказывается мужественный бросок на неудачно брошенную в окопе гранату одной из героинь, затем парящей в воздухе во всем многообразии оторванных конечностей. Так точка эстетического разрыва становится одновременно и точкой идеологической сборки, в то же время невольно соотносясь в сознании зрителя скорее с более близкой житейски локальной поэтикой теракта в метро.

Можно рассматривать Первую и Вторую мировые войны как два этапа одной войны, с перерывом на Октябрьскую революцию и Версальский мир, что более подходит Германии, чем России, из переписанной истории которой революцию и гражданскую войну вычеркивать глупо и безответственно. А можно, как это сделал немецкий историк Эрнст Нольте, представить Вторую мировую войну как «европейскую гражданскую войну» [12], продолжение той «единственной гражданской», которая началась именно в России.

Поскольку большевики «дезертировали» с Первой мировой войны посредством подписания Брестского мира, в дальнейшем они старались, чтобы страна забыла об этой странице истории. К примеру, подвиг русских защитников крепости Осовец (своего рода Брестская крепость Первой мировой) до недавнего времени был больше известен в Европе, нежели у нас на родине, при том что эта история так и просится на экран [15], сама по себе складываясь в набросок сценария этих событий, подобные которым одновременно реконструировались и пародировались в американском фильме «Трюкач», о котором и пойдет речь ниже.

Глобальный трюкач

Многие историки отмечают, что в 2000-х годах произошел перезапуск позднесоветского мифа о Великой Отечественной войне, в свое время не только обосновывавшего самое присутствие брежневской элиты во власти, но и ставшего инструментом частичной реставрации сталинизма. Сегодня же он монтируется с «вечными» символами победы и героического прошлого.

Все базовые советские мифы были учредительными или генетическими. Оттепельная интеллигенция апеллировала к Революции и Гражданской войне как к забытому, но истинному началу советского проекта. Параллельно ею была затеяна частичная демифологизация сталинской политической памяти о ВОВ («лейтенантская проза» и некоторые другие формы «правды о Войне»). Брежневская номенклатура, наоборот, сделала ставку на Войну и Победу как начало актуальной национальной памяти, при этом отдавая должное Революции и Гражданской войне, но в то же время не преувеличивая их значения, смазав, прежде всего, оппозиционные коннотации этих первособытий, характерные для «оттепели» [9].

В любом случае, эти мифы оставались сугубо начинательными. Так они просуществовали до перестройки включительно, а затем подверглись известной эрозии и на время легли на полку. И вот теперь новое вино вливается в эти старые мехи. Но изменения налицо: в новой политической мифологии мы уже, во-первых, не видим Революции и Гражданской войны, во-вторых, миф о Великой Отечественной войне становится легитимирующим мифом элит. Поэтому современный военный миф стал легко уживаться с дореволюционными, а также «вечными» символами единства, миролюбия и государственной мощи нашей страны (тот же св. Георгий и ленточка его имени). Налицо полная эклектика. Люди, поднимающие Николая II, в своих трактовках патриотизма вполне сосуществуют и уживаются на идейном поле с теми, кто считает себя наследниками его убийц-большевиков.

Но практика показывает, что именно такой идеологический инструмент наиболее эффективен. Любая привязка к живой истории опрокидывает его, поэтому он должен максимально освободиться от конкретики и стать чистой формой. Именно в таком виде он может работать как универсальный скрипт (программный сценарий), эмоциональная и поведенческая матрица, пригодная для наполнения любым содержанием. Когда ранее миф о Войне столь же беззастенчиво антиисторично оформлял современную политику и общественные отношения? Да, в каких-то советских послевоенных книгах и фильмах встречались «враги» с намеком на близость недобитым нацистам. Но впервые правительство и часть населения бывшей составной части единой страны объявляется «фашистами», что выглядит как возведенное в степень подражание реальности кино, если вспомнить эпизод из фильма Эмира Кустурицы «Подполье» - сначала герой вмешивается в съемки фильма о войне югославских партизан с фашистами во время II мировой войны, но через монтажный стык он уже во главе сербской батареи командует огнем против «фашистов», как он называет хорватские

воинские подразделения, в начавшейся в Югославии межнациональной войне. Аналогичные превращения претерпевал, между прочим, в оценке советской пропаганды, сам маршал Тито (объявленный в 1948 году «фашистом»), документальные кадры путешествия праха которого по разным городам Югославии накануне её распада составляют дополнительный образный ряд фильма.

Первую мировую войну можно назвать, в контексте общих технологических новинок, и первой кинематографической, с той оговоркой, что становление этой кинематографичности, то есть осознание практического значения кинематографа происходило в самом процессе этой войны. Это при том, что с ее началом многие европейские киностудии поначалу из экономии закрылись, и мало кто из политиков, как это свойственно политикам в принципе, способен был сразу же увидеть в кинематографе важнейшее как художественное, так и технологическое средство военной пропаганды для поднятия боевого духа. Напротив, некоторые из использовавшихся в кинопроизводстве химикатов изымались для нужд военной промышленности, что привело к уничтожению многих уникальных кинолент. Революционеры, стоит отметить, в социальной «химии» и ее катализаторах разбирались лучше. Многие отмечали эстетическую глухоту того, кто совершил медиацию мировой войны в промежуточную гражданскую, по отношению к новейшим художественным течениям (любовь Маяковского к Ленину взаимностью не пользовалась). Но его слова о кино как «важнейшем из искусств» сопровождали зрителя в каждом кинотеатре СССР на протяжении всей советской истории. (В полном виде это апокрифическое высказывание выглядело так: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк») [4, с. 19].

Мировой предреволюционный зритель ждал от экрана прежде всего прежних развлечений, возможности ухода из ужасной и неприглядной реальности. Несмотря на то, что батальные сцены и тогда уже получались зрелищными, картины, посвященные тем или иным эпизодам военной истории, например, «Ватерлоо», редко добивались зрительского успеха. Поскольку основная масса публики не была знакома с исторической обстановкой, на фоне которой разворачивались подобные действия, она не могла в полной мере сопереживать героям подобных киносаг, в отличие от мелодраматических сюжетов. Во время самой войны, когда надо было просто выживать, люди в кино если и ходили, то главным образом, чтобы расслабиться и увидеть другую жизнь, экран скорее играл роль убежища от невзгод. Однако военный фильм как жанр всё же стал исподволь возникать именно в годы Первой мировой войны. Наряду с игровыми развлекательными фильмами на экранах началась демонстрация еженедельных военных обзоров о событиях на фронте. Так зритель был подготовлен к восприятию военных фильмов, хотя в самой Европе игровых лент на военную тему было снято тогда немного. После вступления в войну США (1917) Голливуд, став пристанищем многих европейских кинематографистов, приступил к массовому выпуску военных лент, призванных оправдать этот шаг в глазах общественности, возбудить ненависть к противнику и тем самым привлечь граждан на военную службу, а также усиленно внедрял в массы чувство патриотизма и лютой ненависти к врагам. Было снято большое количество военных фильмов, преимущественно, документальных, в стиле милитаристской пропаганды. Особой агрессивностью отличались картины «К дьяволу кайзера» и «Берлинское чудовище». Однако и тогда большинство «патриотических» фильмов были сентиментальными мелодрамами. В конечном счете, Первая мировая война приобрела свое мировое значение Великой, «современной» и «тотальной» в определенной мере благодаря роли визуальных медиумов в процессах социальной мобилизации, а также в формировании структур коллективной памяти о постигшей всех катастрофе [11].

В России еще до первой мировой войны, в условиях обострения международной обстановки, русские дипломаты за рубежом обратили внимание на все более активное использование кинематографа в политической пропаганде и призывали учиться в этом смысле у других стран, в первую очередь у потенциальных врагов: Германии и Австро-Венгрии. Об этом свидетельствует записка сотрудника российского генконсульства в Будапеште князя Г.Д. Маврокордато в МИД России: «Кинематографом можно злоупотреблять и пользоваться в целях политической пропаганды...» [7].

В послевоенное время стали появляться картины, более объективно и реалистично отражавшие реалии войны. Но публика не желала, чтобы ей напоминали о только что пережитом ужасе войны и вскоре возобладал авантюрно-приключенческий стиль в военной теме. Особой популярностью пользовались фильмы, посвященные авиации. Прекрасными образцами фильмов, в процессе создания которых применялись новые технологии, стали «Крылья» (1927 г.) и «Ангелы Ада» (1930 г.).

«Крылья» Уильяма Уэллмана представляли голливудскую романтическую историю, мастерски поставленную на фоне взлетающих аэропланов. Действие происходит во время Первой мировой войны в многострадальной Франции, в небе которой два американских пилота разыгрывают воздушный спектакль, а на земле их ждет любовь подружек.

Режиссер, будучи сам военным летчиком, со знанием дела взялся запечатлеть воздушные баталии, а также и земные будни эскадрильи «Лафайет», как полагается, обравив героизм летчиков мелодраматическим хеппи-эндом — и голливудским пафосом. Однако в показе «небесных» сцен пришлось прибегнуть к помощи постановщика спецэффектов Роя Поумроя. В результате оба — и режиссер, и «трюкач», стали первыми лауреатами премий Американской академии, которая впоследствии стала называться «Оскар». Сцены воздушных боев действительно восхищали ещё и потому, что в те времена и речи не было о надежной страховке во время исполнения трюков (долго ходили слухи о несчастных случаях во время съемок, якобы скрываемых продюсерами).

Однако целью данных заметок является не киноисториография Первой мировой войны как таковая, а попытка с помощью кинематографа нащупать место реконструкции юбилея этой войны в структуре современности и юбилея Великого Октября. Если судить в терминах потерь убитыми, мир с 1945 года, как отмечает Э. Тоффлер, претерпел через локальные конфликты нечто вроде Первой мировой войны [13] (жертв среди мирного населения многократно больше).

Возрождение трюкача

Я же предлагаю, перепрыгнув через несколько десятилетий, обратиться наконец к обещанному фильму американского режиссера Ричарда Раша «Трюкач» и его странной востребованности в иной культуре. Не просто оказалось оценить, чем стала для режиссера Ричарда Раша эта кинокартина: успехом или поражением? С прокатной точки зрения фильм стал скорее провалом. После завершения съёмок он смог выйти на экраны только спустя полтора года, а выйдя — всего через один месяц сошел с кинопроката, едва отбив свой бюджет. Однако неожиданный реванш был взят в... СССР. Здесь этот оперативно закупленный фильм собрал в кинотеатрах в десять раз больше зрителей, чем в США, став абсолютным лидером кинопроката среди зарубежных фильмов в 1980 году.

Фильм рассказывает о потерявшем социальную адекватность при возвращении к мирной жизни ветеране вьетнамской войны Кеймероне. В нашем отечественном кино позже та же тема поднималась на афганском материале, востребованность же «Трюкача» показывает востребованность в обществе самой проблемы. Актер Стив Рэйлсбек хорошо передает нервическую дворовую непосредственность главного героя. Узнав об измене подруги, он громит ее магазин, устраивает драку с полицией, убегает от погони и получает неожиданное убежище на съемках фильма, посвященного Первой мировой войне. Режиссер этого фильма в фильме Илай Кросс (в исполнении знаменитого Питера О'Тула, сыгравшего здесь одну из лучших своих ролей, что способствовало номинированию фильма на кинопремию «Оскар») мгновенно оценил ситуацию и предложил беглецу своеобразное киноубежище, заняв место каскадера, не так давно погибшего в столкновении с тем же Кеймероном.

Война показана с шокирующим натурализмом, который, впрочем, тут же разоблачается. Горы трупов «свирипых гуннов» после съемок очередного эпизода артобстрела или атаки начинают шевелиться, оторванные конечности оказываются искусственными, «мертвецы» в противогазах оживают. Искусственность ужаса Первой мировой явно призвана рассеять недавно перенесенный частью зрителей ужас Вьетнама. Позднее философ Э. Тоффлер так характеризует характер визуализации «войны в Заливе»: «В результате возник весьма очищенный образ войны, намного более бескровная с виду форма боя, составлявшая резкий контраст с тем, что показывало телевидение о вьетнамской войне — летящие в воздухе оторванные конечности, разможенные черепа и обожженные напалмом дети. Все это вбрасывал телевизор прямо в американскую гостиную» [13, с. 29].

В «Трюкаче» главный герой «фильма в фильме» каскадерскими стараниями Кеймерона победно парит в воздухе в духе упомянутых выше военных комедий, так же танцует на крыльях и на них же сидя распивает шампанское из бутылки.

Параллельно развивается по-своему рискованный, но красочный любовный роман Кеймерона с бывшей подругой Илая актрисой Ниной в гламурном исполнении Барбары Херши (после пробного любовного приключения с гримершей). Трудно понять, насколько это вгоняет Илая в ревность. Он —

воплощение «человека играющего» и режиссирующего, всюду преследующего Кеймерона верхом на вездесущем операторском кране, совмещая тем самым функции Медного всадника и башни Бентама, тоже имеющей, между прочим, отчасти русское происхождение, так как ранее её создатель оказался причастен к появлению «потёмкинских деревень». «И обе машины зрения, - как пишет Мишель Фуко, - были изобретены при дворе одного и того же человека, который одним из первых в России сделал отправление власти своим единственным занятием» [14, с. 175].

Т.е., Кеймерон по прежнему преследуем, но в рамках определенных игровых правил, которые, впрочем, тоже нарушаются, так, что вскоре грань между кино и реальностью стирается. Кеймерон начинает подозревать Илая в намерении умертвить его в сцене подводной съемки для придания окончательной выразительности фильму. Но он не уклоняется от этой последней схватки с судьбой и опять выходит «сухим из воды». Конфликт разрешается сугубо финансовым скандалом, отодвигающим в сторону даже любовь. Единственное, в чем Илай обманывает Кеймерона – он платит ему за последний трюк по обычным расценкам, хотя была устная договоренность о повышенной оплате, и улетает на съемочном вертолете. Какая-то недостойная продемонстрированных ранее предельных испытаний мелкая пакость (мы еще вернемся к этому определению).

Жанр «Трюкача» трудно определить одним словом. Это некая диффузия из приключенческого боевика, социальной драмы, философской притчи и чёрной комедии со скандальным уклоном. Трудно назвать новаторским этот весьма энергичный и при этом скорее архаичный жанровый водоворот, в котором так же непросто уловить истинное послание режиссёра Ричарда Раша, его моральный императив. Следует отметить, что в советском прокате фильм был перемонтирован для придания ему хотя бы какой-то социальной направленности. Но вряд ли именно это сделало его столь привлекательным для советского зрителя. Прежде всего он привлекал нас, вероятно, тем, что рассказывал о другой жизни, которая была так не похожа на окружающую.

Он мог произвести в свое время впечатление и на будущих реконструкторов, сначала устраивающих театрализованные и костюмированные исторические действия, а потом запускающие с той или иной степенью успешности реальные исторические реконструкции.

Я лично был свидетелем такого «реконструкторского» трюка в Киеве на Крещатике в мае 1990 года на праздновании Дня города. Сначала по проспекту прошла обычная ещё по-советски организованная демонстрация. Потом был открыт доступ для свободного шествия всех пожелавших того людей. В этот промежуток времени группа молодых людей, одетых в форму армии Украинской народной республики образца 1918 года с желто-синими знаменами, отодвинула барьеры, отделявшие зрителей от проспекта, и быстро «возглавила» двинувшуюся по улице неорганизованную массу. Так пошел этот процесс.

В то же время известно, что и лидеры донецких ополченцев первого призыва, гуманитарии по образованию, также прошли через опыт исторических реконструкций, хотя за 34 года, конечно, память о фильме «Трках», который она наверняка посмотрели, могла быть вытеснена другими впечатлениями и потрясениями. Но реализация реконструкций и постулируемых рядом исследователей «войн памяти» в гибридные войны состоялась.

Заманчиво было бы привлечь для осмысления этого феномена еще не вышедший из моды *постмарксизм*, однако здесь куда более актуальной в контексте пары «режиссер-трюкач» оказывается скорее – *предмарксизм*, каковым он предстает в работе К. Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» (вошла в историю своим афоризмом насчет постоянного повторения трагедии истории в виде фарса): «Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие - словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону... Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, "благотворительного общества", поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность убогатить себя за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов,

видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, - таков подлинный Бонапарт... Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости» [10, с. 58-59].

Классический марксизм, как известно, ставит во главу угла учение о революционной роли пролетариата, который, впрочем, сам по себе автора не так уж интересует. Подобно тому, как Р. Раш не понимал, для кого он снимает свой фильм, К. Маркс, по мнению Кирилла Кобрин, якобы не имел представления, для кого он пишет, – и, соответственно, что именно следует объяснять, на чем сосредоточить внимание, какую лексику использовать, и так далее. Pamфлет написан, по мнению К. Кобрин, как бы в никуда – и в этом одна из причин его убедительности [8].

Теоретический «трюк» К. Кобрин насчет «некудышности» Маркса, неубедителен. Маркс имел достаточный опыт практической журналистики в 1848-49 г и отдавал себе отчет, для кого он пишет. У него была своя аудитория, пусть узкая, к которой он обращался, если даже и завышал иногда ее уровень. Поэтому в корне неверно, что Маркс писал в никуда, по некоему творческому зуду или из эстетического самовыражения, сознательно ограничивая круг читателей посвященными в частную конкретику лицами. Другое дело, что К. Маркс учитывал не только современных ему реальных читателей, но и предвидел некую воображаемую будущую возможную аудиторию, почему через 12 лет переиздал памфлет почти без изменений. Выводы и «опорные пункты» анализа в ней актуальности не потеряли.

В поисках зачинательного субъекта

«Через двенадцать лет после написания «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», - продолжает К. Кобрин, - создавая Первый Интернационал, Маркс столкнется с тем, что богема оказалась не только действеннее пролетариата и его идеологов, она подвижнее, гибче и в каком-то смысле действительно эффективнее. Глядя из начала XXI века, наблюдая символы, знаки и слова окружающего нас мира, которые придумали дадаисты, Энди Уорхол, Ги Дебор, контркультура 1960–1970-х и прочие агенты хаоса и анархии, остается признать, что победила богема, та ее часть, которая стала элитой. Пролетариат классовой борьбы сошел с арены даже на Донбассе, но возродился готовый к любым трюкам предмарксистский субъект гиперконфликта» [8]. Вводящую роль такового при рискованном переходе человечества от гиперимперии к гипердемократии предсказывает Жак Аттали [1].

Мы полагаем, что текущий субъект конфликта порожден не всеу помянутым К. Кобриным постмарксистским левым, а скорее правым контекстом. Малосодержательным представляется утверждение о победе богемы над пролетариатом. Что есть богема в наше время? Ранее об этом точнее размышлял Олег Аронсон. «Политика устанавливает свою оптику в отношении социума, постоянно присваивая эти бессмысленные и неупорядоченные движения, в которых проявляет себя «пластика социума». Поэтому постоянно приходится учитывать эти, по крайней мере, три уровня — общность, социум, политика. И если история постоянно имеет дело с политикой, то есть с интерпретацией фактов, уже отобранных в качестве документов, то есть как «имеющих значение»; если антропология и социология обращаются к динамике социальных процессов, формирующих человека той или иной эпохи, то обращение к общности, кажется, вынуждено носить отвлеченно-философский характер. И это было бы так, если бы не было таких явлений как богема, сообщества, сопротивляющегося социализации» [1, с. 17].

Вильгельм Беньямин, опираясь на работы Карла Маркса, в своих статьях о Бодлере обращает внимание на свойственный и пролетариату, и богеме «внутренний заговор» против политического порядка, который на примере Бодлера вырастает в заговор против порядка вообще [3]. Богема понадобилась Марксу для анализа исторических событий 1848 года, но на пути его проницательных наблюдений встает... собственная богемность. Да, кочующий по Европе заговорщик, тайный борец с существующим порядком, безденежный интеллектуал-газетчик и теоретический трюкач, носящий внутри себя страсть по революциям и баррикадам, тоже был представителем той самой богемы.

1848-й, год выхода «Манифеста коммунистической партии» и год революций, О. Аронсон условно называет годом перехода Маркса из «профессиональных заговорщиков» в «профессиональные революционеры», годом его выхода из «подполья» [1, с. 24]. Он старательно

(политически и бессознательно) дистанцируется от богемы, и, возможно, поэтому в своем длинном списке ее представителей интеллектуалов не упоминает вовсе.

Между тем, вышедший в том же 1848 году роман Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», послуживший основой для либретто знаменитой оперы Пуччини «Богема», данная социальная группа состоит из художников и поэтов Латинского квартала, оказавшихся непосредственными участниками революционных событий. А в «Восемнадцатом брюмере Луи Бонапарта» это «бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, — словом, вся неопределенная, разношерстная, бродячая масса, которую французы называют богемой» [1, с. 22]. Однако описание Маркса открыто, то есть характеристики богемы как «неопределенной», «бродячей», «разношерстной» являются для него более существенными, чем многочисленные конкретные ее представители. Способность быть бродягой, быть человеком улицы, человеком толпы («майдана») — придает черты богемности представителю любого класса.

Отсюда и, надеемся, ложная «беременность» революцией по случаю какого-либо из её юбилеев.

Список использованных источников

1. Аттали Ж. Краткая история будущего: Мир в ближайшие 50 лет. СПб., 2014.
2. Аронсон О. Богема: Опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
3. Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000.
4. Болтянский Г. М. Ленин и кино. М.: Л., 1925.
5. **Жан-Люк Годар: Фрагменты книги и интервью** // Искусство кино. 2010. № 11.
6. Добротворский С. Афганский излом // Сеанс. 1992. № 6.
7. «Кинематографом можно злоупотреблять и пользоваться в целях политической пропаганды...». Донесение секретаря императорского российского консульства в Будапеште князя Маврокордато. / Публ. и коммент. Р. Янгирова // Отечественные записки. - 2006. - № 4. Автор выражает благодарность А.С. Стыкалину за указание данного источника.
8. Кобрин К. Вечная современность: заметки на полях «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // Неприкосновенный запас. 2014, №1 (93).
9. Корчинский А., Максаков В. Битва за Войну. Прошлое парализует движения, но не тащит назад // <http://gefter.ru/archive/12558>
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 8. М., 1957.
11. Нагорная О. С., Раева Т. В. Образы Первой мировой войны на экранах межвоенной России и Германии: мемориальная политика и коллективная память // Вестник ЮУрГУ, № 32 (291), 2012.
12. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917 –1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем. / Послесловие С.Земляного. М., 2003.
13. Тоффлер Э. Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005.
14. Эткинд А. Фуко и императорская Россия // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О.Хархорина. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.
15. Юрлов С., Дятликович В. Почему столетие с начала Первой мировой войны стало событием для Европы, но не для России // <http://style.rbc.ru/news/luxury/2014/07/28/18960/>

Д.В. Маленко

ШИЗОАНАЛИЗ КАК РЕВОЛЮЦИЯ ЖЕЛАНИЙ

Аннотация. Проблема шизоанализа дает понимание того, как социальная сфера опутывает человека, блокирует и подавляет его естественные желания. А все те, кто стремится жить по законам массовой культуры, навязанных извне, кто отвергает традиционные установки

современного общества и теряет всякий здравый смысл, являются не столько психически больными людьми, а сколько шизофрениками в области культуры.

Ключевые слова: массовая культура, шизоанализ, машина желаний, традиционное общество, коллективное бессознательное, психоанализ

Annotation *The problem of schizoanalysis gives an understanding of how the social sphere entangles a person, blocks and suppresses his natural desires. And all those who strive to live according to the laws of mass culture imposed from outside, who reject the traditional attitudes of modern society and lose any common sense, are not so much mentally ill people, but as schizophrenic in the field of culture*

Keywords: mass culture, schizoanalysis, desire machine, traditional society, collective unconscious, psychoanalysis

В XX веке возникают различные теории осмысляющие место человека в современном мире. Все они находятся в поле культурологии, которая главным образом сосредотачивает свое внимание на культуре, анализируя прошлое, заглядывая в будущее и продолжая настоящее.

Культура – это наши традиции: исторически сложившиеся, передаваемые от поколения к поколению устойчивые обычаи, создающие социально-культурный опыт поколений и оказывающие воздействие на образ жизни людей. Интересы и потребности людей в области культуры изучает культурология, ее важнейшая задача – анализ процессов и тенденций социокультурной среды современности. Культурология, как наука, изучает предпосылки и факторы, формирующие и развивающие, исследует их участие в создании, приумножении, сохранении и передаче культурных ценностей. Культура каждого народа хранит в себе некие тайны, связанные с социальным и экзистенциальным бытием человека. Если отвлечься от проявлений культуры, как чисто практических результатов человеческой деятельности, мы обнаружим её сущностные слои, её «архетипы». Они связаны с языком, с менталитетом и духовно-психологическими особенностями нации, с тем или иным типом сакрального отношения людей к действительности, в рамках определённой традиции.

Культура генетически не наследуется. Социализация и овладение культурными навыками происходит в процессе воспитания, а важнейшими учителями являются традиции, обычаи, обряды, религия, языковые нормы, бытовой этикет, культурные институты. Они обучают человека общим правилам жизни, в данном сообществе или этническом образовании, которое отличается от другого сообщества специфическими особенностями.

Культура продолжает обнаруживать в человеке человеческое, еще начиная с античности главным предметом исследований являлся человек. В XX веке многое изменилось, но интерес к человеку не потерял своей актуальности. Об этом говорят многие современные культурологические теории. Среди них своей не традиционностью и своеобразием выделяется теория шизоанализа Феликса Гваттари и Жили Делёза.

Феликс Гваттари – один из основоположников антипсихиатрии, французский философ и политический активист, работал в психиатрической клинике «La Borde». Он разработал вместе с Ж. Делёзом концепцию шизоанализа, в значительной мере направленного на преодоление психоанализа и критику капитализма в его связи с шизофренией. Он написал большое количество трудов – «Психоанализ и трансверсальность» (1972), «Молекулярная революция» (1977), «Машинное бессознательное» (1978), «Шизоаналитические картографии» (1989) [1].

Жиль Делёз – французский философ, представитель континентальной философии. Его философия стоит в стороне от основных философских направлений XX века, но занимает важное место в современных дебатах об обществе, политике, творчестве и субъективности. Делёз известен своими работами – «Различие и повторение» (1968) и «Логика смысла» (1969), писал об искусстве, литературе, кино [2].

Феликс Гваттари и Жиль Делёз написали совместно известный тракт «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» [1]. Особую роль в творчестве данных авторов занимает неомарксизм. Данная теория рассматривает такие проблемы, как вопрос о позиции левых партий относительно Первой мировой войны; почему в Западной Европе не состоялись социалистические революции, несмотря на развитое рабочее движение; почему в это же время в Европе произошёл подъем нацистского движения [3].

Главное поле деятельности Гваттари и Делёза связано не только с теорией сознательного и бессознательного, но и с практикой. Как известно Гваттари имел непосредственное участие в жизни психических больных.

Почему сегодня, говоря о современном человеке, мы всё чаще обращаемся к области сознания? Главные причины кроются в способности различных философских, психических и других идеологических теорий влиять на человека. В первую очередь это область массовой культуры – культура быта, развлечений и информации преобладающая в современном обществе [4]. Рассматривая особенности массовой культуры, нельзя не обратить внимание на известного испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета, который разработал одну из наиболее радикальных в своем критицизме концепций массового общества. Согласно его определению, общество – это динамическое объединение меньшинства и масс. Если меньшинство состоит из лиц, обладающих определенными признаками, то масса – это набор индивидов, не отличающихся ничем особенным. Быстрый рост населения в городах и узкая профессиональная специализация, которая сформировала «массового человека», ослабили культурный потенциал и духовно подорвали современную цивилизацию. Это, по мнению Ортега-и-Гассета, ведет к неустойчивости и краху культуры в целом [5].

Несколько слов о влиянии массовой культуры на психику человека. Вслед за австрийским психологом З. Фрейдом большинство исследователей считают, что соприкасаясь с «массовой культурой» включается механизм «внушения и заражения». Человек теряет способность анализировать, принимать решения, у него атрофируется «интеллектуальная мышца», он начинает испытывать кризис своей идентичности и, соответственно, становится частью массы. Сфера его интересов резко сужается, теперь она диктуется потребностями навязанной извне псевдокультуры. Человек невольно заражается общим, коллективным настроением не только тогда, когда на концерте слушает рок-музыку или смотрит кино в большом зале, но и тогда, когда он находится у себя дома сидя перед телевизором. Даже будучи один он является частью массовой культуры, которая имеет свою идеологию и серьезные сферы влияния, поддерживаемые информационной культурой. При помощи рекламы формируется новый тип героя – теперь это не персонажи из художественной литературы, не великие полководцы, не философы-исследователи, не люди культуры и искусства, а это актеры известных современных сериалов, ведущие скандальных телепрограмм, модные модельеры, безголосые, но умеющие подать себя певцы. Все это сфера массовой культуры, коллективного бессознательного, в котором действуют неподчиняющиеся логике законы, ломающие не только наше представление о подлинных ценностях, но и погружающие нас в псевдо идеи, пустоту и общество спектакля. Об этом подробно повествует нам одно из самых новых направлений в исследовании западной культуры – теория шизоанализа.

Совместная работа философа и историка Жиль Делеза и философа и психоаналитика Пьер-Феликса Гваттари «Капитализм и шизофрения» (1972, 1980) рассматривает шизофрению не с точки зрения психического заболевания, а с точки зрения социального давления в обществе, в котором люди являются машинами желания.

Подвергая сомнению любые тексты, интеллектуальные наработки шизоанализ ставит перед собой цель – преодолеть историю при помощи деконструкции, политекстовости, стихийности и неуправляемости в социуме и в сфере творчества. Разрушая теорию психоанализа Фрейда, согласно которой вчерашние пациенты мирно сосуществующие на кушетках способны излечиться от травм и обрести гармонию, шизоанализ рисует нам другую картину – торжество шизофрении, конечно, не в клиническом, а в социально-политическом смысле.

Новая картина мира связана с образом людей, живущих по законам «производства и потребления» или «желающего производства». Как реакция на психоанализ и его осмысление, шизоанализ предлагает другие способы самопознания, опираясь на философию постмодернизма – постструктуралистские направления изучения языка или генеративной лингвистики и деконструкции.

Что же движет массой, в которой теряется человек и человеческое? Отсутствие смыслообразующего центра приводят к тому, что объединяются и переплетаются несводимые понятия. Добро и зло больше не являются взаимоисключающими категориями, а применяются в зависимости от идеологии, человек становится машиной желания, он больше не осознает своих потребностей им движет желание и механизм обладания.

В данном случае мы обнаруживаем себя словно выкинутыми в открытый космос, где нас встречает бесконечно и постоянно расширяющаяся вселенная, отсутствует сила притяжения, а предметы парят в воздухе. Наши реакции с точки зрения бытовой, привычной нам повседневности,

меняются, всё кажется поставленным с ног на голову, да мы и сами в прямом смысле теряем точку опоры во внешней среде – но всё-таки находим её внутри себя.

Именно в этом заключён позитивный момент шизоанализа. Когда мы находим точку опоры внутри себя, мы видим, что реальность становится сложной и запутанной, возникающий перед нами мир напоминает неизведанную карту с непредсказуемыми сюрпризами, у нас нет четких указаний, как поступать в той или иной ситуации. Мы не знаем адресата, которому отправляем письмо и даже не уверены в том, получит ли он его, хотя мы этого страстно желаем.

В таких условиях взаимодействие людей из предлагаемого ранее сценария «производства потребления» трансформируется в новую форму игры, которая сопряжена с удовольствием. По мнению теоретиков шизоанализа мы можем воспользоваться «чтением-письмом», в котором уже нет ни автора, ни того к кому обращено это письмо, а есть только свободная интерпретация и даже «Закат Европы», который в свое время предсказывал Освальд Шпенглер откладывается.

Главное, на что опирается в своей конструкции шизоанализ – это изучение бессознательного с проекцией на будущее, но человек теряет свою субъективность, он превращается в машину внутри тела и воспринимает себя рабочим, который имеет дело с изготовлением и обработкой деталей на производстве. Этот образ возвращает нас к идеям марксизма, а именно бессознательное человека строится по тому же принципу, что и техническое производство, и именно в этом главная идея и концепция шизоанализа. Между психическим и социальным полем в человеке Гваттари и Делез ставят машины желания, которые являются главным связующим звеном. В стремлении к разрушению порядка и централизованности обнаруживается связь психоанализа и шизоанализа с характерными чертами постмодернизма.

Таким образом, шизофрения, как главная цель шизоанализа, дает понимание того, как социальная сфера опутывает человека, блокирует и подавляет его естественные желания. А все те, кто стремится жить по законам массовой культуры, навязанных извне, кто отвергает традиционные установки современного общества и теряет всякий здравый смысл, являются не столько психически больными людьми, а сколько шизофрениками в области культуры.

Список используемой литературы:

1. Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я. И. Свирского. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
2. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. Ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Гваттари Ф., Машинное бессознательное. // Архетип. 1/95. Москва, 1995.
4. Биография Ф. Гваттари. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gvattarif.php
5. Биография Жиль Делёза. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_d/delezzh.php
6. Неомарксизм. История неомарксизма. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5fbce27eb2b8a7b05e9f>
7. Массовая культура. Влияние на человеческие качества и социальное поведение. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.study.urfu.ru/Aid/Publication/9542/1/Akifyeva.pdf>
8. Старостенко В.А. Проблема массовой культуры. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rae.ru/forum2012/274/1626>

УДК: 141.3:316.4

Д. Муртазаев

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБЩЕСТВА

Аннотация: в статье рассматривается специфика развития современного общества, которая из развития переходит на уровень разрушения. Связано это в первую очередь с тем, что в современном мире все чаще и чаще речь заходит об экстремизме. Однако до сих пор нет четкого понимания этого феномена. В исследовании приводится, что на данный момент существуют два

подхода к определению понятия и понимания экстремизма- научный и юридический, но как установлено в исследовании они не раскрывают сущностных характеристик самого феномена. В исследовании делается вывод, что для того чтобы понять что есть экстремизм и кто является экстремистом необходимо изучить личность экстремиста, систему его идеалов или убеждений. Поскольку именно идея определяет направленность личности, то есть задает доминирующую систему мотивов. Особое внимание уделяется молодежи, поскольку именно она выступает ключевым элементом экстремистской группы, становясь за ангажированной идеологией экстремизма через сеть интернет

Ключевые слова: человек, экстремист, экстремизм, общество.

Abstract: The article considers the specifics of the development of modern society, which, from development, goes to the level of destruction. This is primarily due to the fact that in the modern world, it is increasingly often talking about extremism. However, there is still no clear understanding of this phenomenon. The study shows that at the moment there are two approaches to the definition of the concept and understanding of extremism - scientific and legal, but as established in the study, they do not disclose the essential characteristics of the phenomenon itself. The study concludes that in order to understand what is extremism and who is an extremist, it is necessary to study the identity of the extremist, the system of his ideals or beliefs. Since it is the idea that determines the direction of the personality, that is, it sets the dominant system of motives. Special attention is paid to youth, since it is the key element of the extremist group, becoming behind the biased ideology of extremism through the Internet

Key words: man, extremist, extremism, society.

В настоящее время мы часто сталкиваемся с такими явлениями как экстремизм, терроризм и ксенофобия[1,3,6]. Эти феномены не новы, о них заговорили еще в 19-20 веках тогда терроризм и экстремизм носили преимущественно политический характер. Ярким примером является деятельность народовольцев, жертвами которой, как и при любом террористическом акте, чаще всего оказывались случайные, невинные люди. История российского революционного движения в целом рассматривается современными исследователями как цепь экстремистских и террористических действий, где ксенофобия принимает вид классовой ненависти.

В 21 веке широкое распространение получил такой вид экстремизма, как информационный. В последние годы он рассматривается исследователями как одна из основных угроз информационной и национальной безопасности РФ. Важно отметить что информационный экстремизм активно использует достижения научно технического прогресса и вполне может рассматриваться как инновационная девиация постиндустриального общества начала 21 века. Большинство таких экстремистов - это подростки, которые много времени проводят за компьютером и не получают достаточно внимания со стороны родителей и друзей. И нужно отметить что подростки легко поддаются влиянию через интернет и не только, это связано с их еще не сформированной и не устойчивой психикой[2]. Распространение экстремизма в сети интернет не требует особых усилий, внушить другим пользователям данной сети идеи экстремизма можно даже не выходя из дома[4,5].

В наше время существует два определения «экстремизм», первым является научное, вторым – юридическое. Большой толковый словарь дает такое определение экстремизму: «экстремизм – это приверженность крайним взглядам и мерам», однако, определение которое нам дает большой толковый словарь не отражает сущности этого явления. Следует отметить, что большинство ученых настаивают на том, что при определении феномена экстремизма акцент должен ставиться на действиях, а не на людях. Связано это с тем что, то как называют людей склонных экстремизму и группировки, в которые они соединяются довольно неоднозначно, поскольку это зависит от точки зрения и даже групповой принадлежности того, кто использует этот термин[7,9,11]. Одну и ту же группу можно называть экстремистами с одной стороны, а с другой борцами за свободу.

Юридическое толкование данного термина содержится в статье 1 Закона «О противодействии экстремистской деятельности», в котором перечислены действия, которые признаются экстремистскими. Также изменения, вступившие в силу в 2006 году, значительно расширили перечень деяний, рассматриваемых как экстремистские.

Чтобы понять кто является экстремистом необходимо изучить личность экстремиста, систему его идеалов или убеждений. Система идеалов или убеждений это обязательный атрибут экстремиста. Именно идея определяет направленность личности, то есть задает доминирующую систему мотивов, по крайней мере осознаваемых[12].

Такой ученый как Эрих Фромм в своих трудах отмечал, что любой человек обладает своей собственной системой идеалов или смыслов и пытается построить свою жизнь в соответствии с ними. При несовпадении которых с действительностью, обычный человек имеет возможность как изменить действительность (в разумных пределах), так и скорректировать свои идеалы, и приблизить их к действительности. Это стратегия большинства людей, но для экстремистов и террористов корректировка идеалов субъективно невозможна [10]. Для данной категории людей изменена может быть только действительность.

Следующая важная характеристика экстремизма и терроризма как деятельности, является то, что экстремистские действия и террористические акты совершаются ради идей, разделяемых группой единомышленников [8].

В настоящее время в современной России большое число людей склоняются к антиобщественной деятельности, которая выражается в разных формах: взгляды, разговоры и действия.

Антиобщественная направленность личности – это система искаженных взглядов, представлений, негативное отношение к социальным и моральным ценностям, определенный характер потребностей и избираемые подростком в соответствии с его взглядами способы их удовлетворения.

Исходя из долгих рассуждений и умозрительной практики, ученые создали следующие модели молодежных групп с антиобщественным сознанием, как:

Случайная, представители затевают драки в увеселительных заведениях, на спортивных мероприятиях. Особую популярность данный тип поведения приобретает среди футбольных фанатов. Однако, несмотря на случайность создания группы, ее представители имеют свои неписанные, групповые ценности.

Ретристская группа представлена молодыми людьми, которые приветствуют и придерживаются бесцельного времяпрепровождения, сомнительных развлечений, токсикомании и наркомании.

Агрессивная группа в качестве характерных особенностей имеет: жесткую иерархическую структуру, сильное групповое давление на своих участников, серьезные санкции за нарушение групповых норм, психологической основой которых является резкое противопоставление: «мы – они».

Разрабатывая меры противодействия экстремизму в молодежной среде, в первую очередь, необходимо выяснить причины появления этого негативного явления. Поведение молодежи определяется многими факторами, но если их обобщить, то можно получить два основных – это семья и общество. По результатам многочисленных исследований, сама молодежь зачастую ощущает свою ненужность обществу и государству, пренебрежение к ней со стороны институтов власти и вызывает среди молодежи если не пассивные, то агрессивные настроения. Исходя из этого можно сделать вывод, что молодежь требует постоянного внимания как от семьи, так и от институтов власти.

Список использованных источников:

1. Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы// Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 88-93.
2. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Молодежный экстремизм сквозь призму философско-правовых воззрений (крымский вектор)// Философия права. 2016. № 5 (78). С. 94-100.
3. Коноплева А.А. Радикальные проявления в культуре// В сборнике: Теоретические и практические вопросы науки XXI века. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 109-111.
4. Никитина Л.Н. Компьютерная игра в структуре аддиктивного поведения// Мир науки. 2016. Т. 4. № 4. С. 47.
5. Никитина Л.Н. Негативное влияние компьютерных игр на подрастающее поколение// В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения Материалы IX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Электронное издание. ответственный за выпуск: А.А. Таганова, И.С. Нестеренко. 2016. С. 109-111.
6. Челпанова М.М. Экономико-правовые основы террористической и экстремистской деятельности// В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России Крымский филиал. 2015. С. 171-174.

7. Чудина-Шмидт Н.В. Роль и место субъекта экстрима в трансформации российского общества //В сборнике: гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества сборник научных трудов по итогам региональной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД РФ. 2017. С. 158-162. 4
8. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59). С. 197-200.
9. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние экстремалов на развитие современного общества//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-2 (66). С. 212-214.
10. Чудина-Шмидт Н.В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207.
11. Чудина-Шмидт Н.В. Специфика работы сотрудников органов внутренних дел с субъектом экстрима//Краснодар, 2017.
12. Чудина-Шмидт Н.В. Условия и факторы формирования экстремального поведения субъектов экстрима//В книге: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики Крым, 2015. С. 32-41.

УДК 94.(47) (075)

Е.А. Нагорнов

ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В приводимых материалах описывается как после Октябрьской революции в сибирских городах и деревнях внедрялся социалистический образ жизни, как партийно-государственная власть искала новые формы быта строителей социализма – советских людей. В первые послереволюционные годы, не имея надлежащих сил для реализации своей политики, советская власть была вынуждена привычные и традиционные обряды наполнять революционным содержанием.

Abstract: The author views the phenomenon of the Russian revolution as a dialectical interaction between the traditional and the historical approaches. Based on the theory of modified inversion historical cycles of A.S. Akhiezer and philosophical legacy of H. Arendt, the author tries to discern the hidden contours of the revolutionary event and to reveal their structure. The question is being raised in the context of a more general problem of historical development of Russia as a traditional civilization. The special attention is paid to an archaic character of the Russian revolution: traditionalism, localism, logic of historical inversion, absence of political freedom, and dialogue. The author does not consider the Russian revolution as a phenomenon of the emerging civil society, but rather an event characteristic of the traditional peasant tribal culture. The revolution did not lead to the creation of new political freedoms, institutions of civil society, as it was in the revolutions of the West, but led to the domination of the myths of the people's consciousness. Such mythical concepts in the article are Truth, a justleader, equality.

The following materials describe how the socialist way of life was introduced in the Siberian cities and villages after the October Revolution, as the party-state power sought new forms of life for the builders of socialism- the Soviet people. In the first years after the revolution, not having the proper forces to implement their policies, the Soviet government was forced to customary and traditional rituals to fill with the revolutionary content.

Key words: *revolution, traditionalism, inversion, common, localism, political freedom, people representation, liberalism, archaic.*

Обращаясь к феномену Русской революции, необходимо, на наш взгляд, прежде всего исходить из почвеннических особенностей этого исторического события, из самой его культурной основы. Как справедливо отмечает А.С. Ахиезер: «Массовые идеалы не изобретаются. Они вырастают из народной почвы» [2, с. 546].

Русская революция была преимущественно революцией крестьянских масс, выражающих свою волю и желающих видеть у власти «хорошего царя», борющегося за Правду. Сознание масс, приведшее к победе Русскую революцию, в своей основе было еще первобытным, тотемическим, фетишистски племенным. Моральные ценности, восторжествовавшие в революции, залегали на общинном уровне культурных низов и стремились к уравнительному идеалу, а вовсе не к участию в гражданских правах и свободах, как это было, например, в феномене Американской революции. Стремились к торжеству Правды, такому, каким его представлял себе простой безграмотный народ многомиллионного крестьянского мира. Революционные массы отнюдь не стремились к политическому представительству своих интересов и свобод, не хотели как-то политически выделяться среди других сословий, как-то политически обозначать себя, формировать новые демократические институты и доминировать в них. Нравственные идеалы революционного народа лежали скорее в области природного нежели исторического начала. Массам нужно было чудо, торжество древней Правды крестьянского мира в бесконечной борьбе с природными силами Зла. Торжество древних, лелеемых крестьянской общиной синкретических идеалов: «Энтузиастам казалось, что до царства Божьего на земле осталось пять минут» [2, с. 546]. Русская революция, обнажив извечные проблемы социо-культурного раскола в русской культуре, выразила прежде всего идею народной справедливости в ее древней синкретической форме. Это позволяет рассматривать революцию как своеобразный инверсионный возврат народного сознания к Золотому времени. Революция обнажила древнее общинное «стремление захватить, что можно для себя и замкнуться в своей деревне» [2, с. 501].

По А.С. Ахиезеру, «Успех Ленина заключался в том, что он открыл существование нравственного идеала, позволяющего объединить массовое сознание и государственность, организовать победоносную борьбу за превращение его в господствующий в условиях раскола идеал» [2, с. 187]. В итоге: «Ленин стремился создать не партию в обычном понимании этого слова, а особый социальный механизм, улавливающий энергию масс... Создать в кризисной ситуации машину, борющуюся с губительным для расколотого общества энтропийным процессом, машину, высасывающую социальную энергию из среды и направляющую ее в организационное строительство» [2, с. 557]. В результате «превращение энергии инверсии в энергию партии, создало возможность интеграции общества, дошедшего до крайних форм распада и локализма» [2, с. 558]. Гениальность ленинской партии состояла в том, что именно она создала идеологию на основе народных чаяний: «Суть идеологии в том, что она создает основу для убеждения людей, стоящих по разные стороны раскола, что народная правда и есть научная истина и, наоборот, что научная истина и есть Правда, что свобода и есть воля и, наоборот, что демократия и есть общинное локальное самоуправление, поднятое до масштабов общества, что государственный социализм и есть общинный социализм» [2, с. 558]. По мнению А.С. Ахиезера, «Понятие революции в ленинизме было, в сущности, переводом на язык марксизма древнего представления об очистительной, чудесной, освобождающей от кривды инверсии и моментальной массовой партиципации к Правде» [2, с. 558]. Социолог утверждает: «Партия нового типа могла реально утвердиться лишь в результате своеобразного схлопывания, т.е. разрушения всех социальных отношений / сословий, культуры выше определенного уровня сложности, упрощения общества до относительно примитивного уровня» [2, с. 504].

Х. Арндт, рассуждая о греческом полисе, отмечает, что: «Ни равенство, ни свобода не понимались людьми как свойства человеческой природы... И то и другое являлось *νόμος*, условным и искусственным, результатом соглашения, свойством мира, сотворенного человеком» [1, с. 36]. Согласно Х. Арндт, «действительное содержание понятия «свободы» представляет собой участие в публичных делах или доступ к сфере политической власти и где начинается желание свободы как определенного политического образа жизни» [1, с. 37]. Свобода также предполагает «учреждение новой, заново созданной формы правления» [1, с. 37].

Двигателем же Русской Революции, как и до этого Французской, были в основном «толпы бедных и униженных, которых веками скрывали презрение и мрак», [1, с. 40]. А эти массы требовали отнюдь не сословного равенства, не политического равенства, но равенства – *биологического*, естественного, равенства по праву рождения. Однако, как замечает Х. Арндт: «Сама идея равенства в нашем ее понимании, что каждый равен другим в силу факта рождения и что равенство есть право, данное от рождения, была совершенно неизвестна до Нового времени» [1, с. 48]. Х. Арндт утверждает: «Во все эпохи, предшествовавшие нашей, существование неотъемлемых политических прав, которые присущи всем людям по факту рождения – являлось противоречием, заложенным в

определении» [1, с. 57]. Термин *homo* всегда в прежней традиции означал «просто человека», вполне мог относиться к рабу, к лицу, не обладавшему правами: «Таким образом, человек был наделен правами только как член определенного политического сообщества-государства (римского или английского) и был совершенно бесправен как «просто человек» [1, с. 57]. Русская Революция, как и Французская, была уравнительной революцией *homo*. Поэтому она и представляла собою идею «неодолимого движения», исторической необходимости, используя «многочисленные метафоры, которые изображали революцию неодолимым неуправляемым процессом, а не плодом деятельности людей – урагана, потока, водоворота» [1, с. 61]. Это давало возможность революционным вождям типа Робеспьера заявлять, что «нынешняя Революция совершила события более важные, чем вся предыдущая история человечества» [1, с. 62]. Обездоленная безграмотная многомиллионная масса впервые вышла на сцену революционного спектакля истории, чтобы заявить о себе и вынести наверх революционных вождей: «мы стали забывать, что вплоть до событий Французской революции понятие «бедность» было неизвестно» [1, с. 85]. Но, к сожалению, «в этом спектакле – ни одно из действующих лиц не было способно контролировать ход событий; в результате спектакль стал развиваться по своему сценарию..., и теперь если они хотели выжить, они должны подчинить свою волю и поступки анонимной силе революции» [1, с. 63]. Русскую Революцию делали не высокоразвитые интеллектуалы, но анонимные массы, направляющие свою *общую волю* на преодоление естественной необходимости, тяготеющей над ними: «Именно под давлением этой необходимости массы устремились на помощь Французской революции, вдохновляя и подталкивая ее» [1, с. 76].

Х. Арентс отмечает, «За революцией стояла реальность, и реальность эта впервые в истории – была по своей природе биологической, а не исторической» [1, с. 74]. Вот почему, «Свобода должна была оказаться подчиненной необходимости, самым необходимым жизненным нуждам... Революция изменила свое направление: свобода больше не являлась ее целью, целью стало счастье народа» [1, с. 77]. То же самое проявилось и в Русской Революции 1917 г.: «И когда он (Ленин) принес в жертву партии (которая, как он полагал, освободит бедных) новый институт свободы – Советы, он все еще держался трагического пути Французской революции» [1, с. 84]. Таким образом, можно сказать, что Русская Революция была революцией не политических свобод, не либеральных свобод, но революцией – *общей воли* народа. Революцией, стремящейся к торжеству народной Правды.

По мнению Х. Арентс, рассуждающей об американской революции, «Власть возникает там и в том случае, где люди объединяются вместе с целью действия, и исчезает, когда они расходятся и оставляют друг друга в одиночестве. Тем самым обязательства и обещания, объединения и соглашения суть способы, посредством которых власть поддерживает свое существование» [1, с. 242]. Только политическое творчество ответственных граждан способно сохранить в себе однажды возникшую в себе «власть живого действия», где «совместное действие людей привело к образованию власти, и эта власть поддерживалась на плаву заново открытыми средствами – взаимными обещаниями и кovenантами (договорами)» [1, с. 242]. Именно высокая культура политической рефлексии и воспроизводства помогли американским гражданам в ходе революции избежать катастрофы и подавления со стороны Английской Империи. Помогли по собственной инициативе конституироваться в «гражданские политические организмы», взаимно обязав друг друга на предприятие [1, с. 269].

В России же складывалась совершенно иная ситуация. Все крестьянские волнения, по мнению А.С. Ахизера, стремились к «полной чистой воле и в придачу бесплатному отводу земли» [2, с. 371]. Отсутствовало какое-либо желание к законодательному оформлению своих действий. Массовое сознание абсолютно не нуждалось ни в какой легитимации в отличие от западных революций. А.С. Ахизер отмечает, «В России само представление о законе оторвано от представления о праве, и закон расценивается как насилие власти, как нечто навязанное властью и не имеющее под собой нравственной основы» [2, с. 488]. К сожалению и в XX веке сохранялось положение где: «Закон для крестьян – это древняя языческая сила» [2, с. 471]. Все, что препятствует уравнительному переделу во имя торжества Правды должно быть безжалостно уничтожено. Такова была воля общинных локалистских миров революционной России, расчетливо подхваченная большевиками. Здесь не было и намека на свободное фермерское сознание, так проявившее себя в Американской модели революции и явившееся базой для нового государства. В революциях Запада сложилась ситуация, когда: «Либерализм преодолевает локализм сознания, инверсию, переходя к принципу всеобщей ответственности, ответственности каждого за целое, целого за каждого» [2, с. 241]. Русская же модель революции шла совершенно по иному сценарию. Возобладала «мощь уравнительных

ценностей против обязанности воссоздавать большое общество, государство» [2, с. 478]. А.С. Ахиезер отмечает, рассуждая о реформах 1860-х гг., «Реформа открыла возможности для активности личности, но не могла сотворить этой активности» [2, с. 477]. То же самое проявилось и в Русской революции: вместо политической активности – агрессивный выброс древних уравнилельных общинных идеалов. Включение косы инверсии, срезающей все, что выступает за средний уровень понимания: «В борьбе за уравнилельность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать все, что лежит выше приемлемого уровня разнообразия, т.е. уничтожить сословность» [2, с. 245]. Вместо активного участия в формирующейся революционной политической власти – торжество общинных локалистских идеалов и политическая автаркия. По мнению американского историка Р. Пайпса, русское массовое сознание достаточно давно усвоило, «что власть по своей природе беззаконна» [3, с. 82]. Законной являлась лишь фигура богоизбранного царя: «Царь хороший – бояре плохие!». Все хорошее крестьянин приписывал царю, «а во всем дурном винил либо Божью волю, либо помещиков с чиновниками» [3, с. 213]. При этом, согласно Р. Пайпсу, «Преданность царю не означала взятие на себя какой-либо гражданской ответственности; более того, за нею было сокрыто глубочайшее отвращение к политическим институтам и политике вообще» [3, с. 214]. Для бедноты, культурных низов: «власть вне мира всегда оставалась внешней силой, а не результатом их собственной силы» [2, с. 481]. Даже на местном мирском уровне самоуправления преобладала ситуация, где «каждый желает, только чтобы его не выбрали» [2, с. 471]. А.С. Ахиезер приводит слова князя Мещерского: «народ любит единоличную власть и ненавидит всякие коллегии» [2, с. 471]. Р. Пайпс также отмечает, «Власть была для крестьянина в лучшем случае данностью, которую приходилось переносить, как болезнь, старость и смерть, но которая ни при каких обстоятельствах не могла быть «хорошей»...» [3, с. 214]. Отсюда формирование революционного протеста в России всегда шло не через артикулированную сословную свободу, а через внеклассовую *волю*. В России, по мнению А.С. Ахиезера, «развитие сословий не дошло до завершеного состояния, до ясного осознания общности собственных интересов» [2, с. 135]. Это касалось и интеллектуальной элиты. Так, по мнению Р. Пайпса, «оппозиция абсолютизму в России имела тенденцию обретать форму борьбы за какие-то идеалы, а не за классовые интересы» [3, с. 415].

Люди, творившие революцию, прежде всего исходили из интересов народной массы/почвы, из господствующего нравственного идеала, а не из политических институтов писаного права как на Западе: «Эти люди несли из глубокой древности веру в естественность своих целей, некритическое к ним отношение» [2, с. 483]. Русская Революция была «мощной попыткой растрепанной общины перейти в наступление и перенести свои уравнилельные идеалы на все общество, превратить все общество в уравнилельную общину» [2, с. 401]. Именно эту энергию народной мощи большевики смогли гениально воплотить в своей партии при создании нового псевдосинкретического соборного государственного идеала.

Таким образом, Русская Революция являла собой торжество догосударственных, дополитических идеалов беднейших слоев населения. По сути своей она была глубоко **природна**, а не *исторична*. Преследовала синкретический уравнилельный идеал беднейших масс, а вовсе не формирование «классового сознания». Русское общество в революционный период характеризовалось ростом воли, т.е. освобождением от обязанностей, от внешних факторов, авторитетов – но его отнюдь не интересовало создание новых гражданских свобод и политических институтов. Поэтому феномен Русской революции еще во многом принадлежит к сфере племенной традиционной культуры, а не к сфере гражданского общества. Его нельзя рассматривать в отрыве от прежнего исторического опыта России, от ее инверсионно-циклического развития. Русская революция лишь удачно повторила опыт прежних многочисленных крестьянских восстаний, которые не раз в прошлом «пытались смести правящую элиту, разрушить государство, заменить его системой однотипных общин, использовать опыт казачьего круга» [2, с. 401].

Список использованных источников:

1. Арндт Х. О революции / пер. с англ. – М.: Изд-во «Европа», 2011. – 464 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: В 2 т. Т. 1. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – 804 с.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. с англ. – М.: «Независимая газета», 1993. – 419 с.

БОРЬБА ЗА НОВЫЙ БЫТ В СИБИРСКИХ ГУБЕРНИЯХ.

В приводимых материалах описывается как после Октябрьской революции в сибирских городах и деревнях внедрялся социалистический образ жизни, как партийно-государственная власть искала новые формы быта строителей социализма – советских людей. В первые послереволюционные годы, не имея надлежащих сил для реализации своей политики, советская власть была вынуждена привычные и традиционные обряды наполнять революционным содержанием.

The following materials describe how the socialist way of life was introduced in the Siberian cities and villages after the October Revolution, as the party-state power sought new forms of life for the builders of socialism - the Soviet people. In the first years after the revolution, not having the proper forces to implement their policies, the Soviet government was forced to customary and traditional rituals to fill with the revolutionary content.

По мнению партийно-государственного руководства для окончательной победы дела социализма была необходима перестройка быта на социалистических основах, организация «нового быта». Зачинателем этой кампании был Троцкий, ведущий в это время отчаянную борьбу за личную власть в партии. ВЦИК выпускает декрет «О днях отдыха по новому стилю», согласно которому «революционные дни отдыха», совпадающие с церковными праздниками, из старого календаря переносились на те же числа нового стиля. Возникшая разница была не в пользу советской власти. В Томске, где антирелигиозные настроения были сильнее, чем в каком-либо другом сибирском городе, на одном из заводов в церковный праздник Петра и Павла из 235 работающих на работу вышло 30 человек. Это вызвало сильное возмущение остальных – в адрес работавших раздавались крики: «Взять бы оглобли, да начать крестить вас!», «В чан головой!» [3, 1923. – № 15, – С.2.] 14.08.23 ВЦИК выпустил разъяснение, что «упоминаемые <церковные> праздники считаются особыми днями отдыха лишь в тех местностях, где согласно ст. 112 КЗоТ таковые объявлены местной властью». Согласно разъяснению НКЮ «неявка на работу в церковные праздники должна подлежать наказанию».

Омский губком информировал центральное руководство: «В губернском городе по действительной инициативе рабочих возникла мысль о перенесении празднования <Рождества> на 30-31 января». [1, Оп.4, Д.360, Л.30] Насколько это было «инициативой рабочих», видно из того, что решение не праздновать Рождество было принято на общегородской конференции месткомов. Кому же в действительности принадлежала инициатива этого предложения, видно из другого документа – решения Омского губкома. На заседании, посвященном обсуждению подготовки и проведения «Комсомольского Рождества», было решено: «3. В целях закрепления результатов естественнонаучной пропаганды среди широких масс провести собрания на предприятиях и учреждениях с целью перенесения дней отдыха с Рождества на 31.12 и 2.1, о чем просить санкции Сиббюро ЦК РКП(б)». [1, Оп.4, Д.19, Л.19] Такое решение сначала было одобрено, а затем осуждено, как «неправильный уклон в антирелигиозной пропаганде». [1, Оп.4, Д.330, Л.1]

Перевод церковных праздников на новый стиль являлся лишь составной частью новой кампании, предпринятой советской властью. В сибирских газетах, особенно в томской, чуть ли не каждый день перепечатывают его статьи, призывающие отказываться от старого быта, создавать новую семью, заменять религиозные обряды новыми. Как и в годы «военного коммунизма», основным направлением осуществления данной политики была попытка придать привычной форме новое содержание, наполнить религиозные обряды коммунизмом. По всей стране распространилась практика «красных свадеб», когда вся процедура бракосочетания сводилась к регистрации в загсе – венчание у священника, бравшего столько же, сколько брала советская власть, объявлялось обременительным. Также «без попа» стали проводиться «красные похороны». Торжественно отмечались «комсомольские именины» – день вступления в комсомол и день поступления на завод.

Но наибольшее распространение получили «октябрины», заменившие религиозный обряд крещения. Как правило, наречение ребенка тщательно готовилось: составлялся план проведения, избиралась комиссия и распределялись обязанности – «октябрение» происходило на заводе в красном уголке при торжественном собрании рабочих с представителями от ячеек РКП(б) и РКСМ. После

пения «Интернационала», заменившего молитвы, президиум зачитывал наказ родителям и напутствие новорожденному: «Мы осеяем тебя не крестом, не водой и молитвой – наследием рабства и невежества, а нашим красным знаменем борьбы и труда, пробитым пулей, разорванным штыком... Родителям наказываем: воспитать ... преданным борцом за освобождение трудящихся всего мира, борцом науки и труда, врагом темноты и невежества». [7, 1923, – 9 ноября, – С.3] Ребенок принимался в комсомол с пятнадцатилетним кандидатским стажем. «Октябрение», как правило, завершалось докладом или пьесой. Новая обрядность крещения подразумевала и новые, революционные имена: Баррикад, Октябрь, Лин и т.п. [3, 1924, – №№ 20, 26, 44.] В Омске на Рождество состоялось массовое октябрение, когда в клубе нарекли сразу десять младенцев. Детям дали имена: Боец, Труд, Коммуна, Май, Октябрина и пр. [4, – 28 декабря, С.2]

Введение новой обрядности вызвало споры среди рядовых партийцев. На страницах томской газеты развернулась ожесточенная дискуссия о необходимости октябрин. Сторонники новой обрядности высказывали мнение, что октябрить ребенка – это подтвердить верность революции и её завоеваниям, а если «устроить крестины – значит дать присягу воспитывать в духе покорности поповскому богу, буржуазным отношениям». Оппоненты возражали, что советские люди должны стремиться к уничтожению фетишизма и ненужной формалистики, а обряды нового быта – это хоть и революционный, но культ. В конце концов стороны договорились, что коммунистам октябрить нельзя, а беспартийным рабочим – нужно. [3, 1924, – №№ 104-110] Повсеместно организовывалась кампания «переименования сел, имеющих названия, связанные с религиозным или капиталистическими традициями» – Рождественки и Покровки становились Красным путем или Зарей коммунизма. [2, Оп.1, Д.824, Л.154]

В октябре 1923 года агитпропотдел ЦК РКП(б) выпустил постановление, в котором советовал проводить «... замену религиозных отправлений формами гражданского быта, как-то: религиозных праздников – гражданскими производственными праздниками (например, праздников урожая, посевов), таинств – торжественными отправлениями гражданских актов». [5, Оп.60, Д.438, Л.23] Повсеместно Ильин день стал отмечаться как день Электрификации, день Ивана Купалы проходил под лозунгами борьбы с невежеством и суевериями, а Покров день – как день Урожая. На организуемых местной властью праздничных вечерах или общих собраниях всего деревенского населения члены партийных и комсомольских ячеек доказывали бесполезность затрат на религиозные обряды и высчитывали, что можно было бы сделать за те деньги и время, которые «посвящаются Богу». Также предполагалось организовывать крестьян на субботники, которые должны были заменить молебны. Также под лозунгами борьбы за новый быт прошли «комсомольские пасхи» 1924 года. [6, Д. 6, Л. 17]

Не обходилось на местах и без рецидивов провокационного проведения шествий, которые к этому времени уже были осуждены центральным руководством. Так, например, в начале июня при агитпропотделе Омского губисполкома была создана «Комиссия по организации карнавального гулянья» на Троицу. Согласно утвержденному ею плану карнавальная процессия имела характер проводимого в годы военного коммунизма «комсомольского рождества». Предполагалось, что в карнавальном шествии примет участие более тысячи человек, то есть каждый пятидесятый житель города. Основным мотивом карнавального гулянья объявлялось свержение старого строя и установление новой жизни. При этом старый быт олицетворялся пьяными попами, окруженных чертями и больными с плакатами «Трудящийся да не ест», «Радость сытым, радость пьяным, смерть рабочим и крестьянам» и т.п. [2, Оп.60, Д.343.Л.37] По мнению городского партруководства кампания была проведена успешно, что доказывало «то обстоятельство, что политических осложнений не было». [1, Оп.4, Д.360, Л.26 об.]

Зачастую внедрение нового быта принимало гротесковые формы. Весной 1924 года томская пресса сообщала об образовании «Лиги борьбы за новый быт», ставящей своей целью изжить все наследие буржуазного мира, в том числе танцы, рукопожатия и обращение на «Вы». Как с гордостью отмечалось в статье «в этом начинании Сибирь опередила Москву», а инициатива организаторов ставилась в пример комсомольцам всей Сибири. Газетами описывались эпизоды, свидетельствующие об успешном внедрении нового быта в повседневную жизнь советских людей. В одной заметке описывалось, как ребенок упрашивал родителей, говоря вместо «Христа ради» «ради Ленина», [3, 1924, – № 88, С.3] в другом случае рассказывалось, как вместо выброшенных икон поставили портреты вождей революции. [3, 1924, – № 80, С.2] Фактически это свидетельствовало о том, что новый быт, имея политическое значение, носил характер самодовлеющей формы. Механическое копирование религиозной обрядности, когда старые формы преобразовывались в соответствии

требованиями революции, приводило лишь к антирелигиозному нигилизму. Агитпропотделы сибирских губкомов извещали в своих отчетах ЦК РКП(б): «Многие, вспоминая, жалеют, что нет прежнего размаха в антирелигиозной пропаганде ... зачастую «старые» комсомольцы устраивают развлечение – повыламывают кресты на кладбище, ворвутся в шапках в церковь, устроят охоту на попа». [5, Д.773, Л.183]

Подобные издержки объясняются просто: к этому времени агитпропотделы не имели ни качественных, ни количественных возможностей для реализации политики по внедрению «нового быта». Ведение культпросветительской работы местными силами главполитпросвета, как отмечал в своем отчете завагитпропотдела Тарского уезда, встретило «ряд затруднений, к которым можно будет отнести недостаток средств парторганизаций и почти целиком снятие с госбюджета, что затруднило и осложнило работу в уезде. На начало 1923 года имелось: 31 библиотека, 21 народом, 21 культпросветкомиссия, 12 изб-читален, 10 ликвшкол. На начало 1924 года осталось: 8 библиотек, 4 народом, 4 культпросветкомиссии, 3 избы читальни». [5, Д.353, Л.10] Фактически работа по продвижению новых идей, по выражению самого пропагандиста, была возложена на плечи преподавателей, значительное большинство которых было из «поповских дочек». Говорить об охвате населения новыми идеями было невозможно – новый быт не приживался.

Список использованных источников.

1. Исторический архив Омской области. Фонд 1, Омский губернский исполком.
2. Исторический архив Омской области. Фонд 150, Омский уездный Исполком.
3. Красное знамя. Орган Томского губкома и губисполкома. – 1924 г.
4. Рабочий путь. Орган Омского губкома и губисполкома. – 1923 г.
5. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Фонд 17, опись 60 – Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).
6. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Фонд 89, опись 4 – Отдел партийных органов. Сектор информации.
7. Советская Сибирь. Орган Новосибирского губкома и губисполкома. – 1923 г.

Немченко Ю. А.

ФЕНОМЕН АЛЬТРУИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. ГЕНРИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье представлен социально-философский анализ двух самых известных произведений О. Генри: новелл «Дары волхвов» и «Последний лист». Сформулирован вывод, что одной из ключевых тем в творчестве писателя является альтруизм и способность к самопожертвованию.

Ключевые слова: новелла, общество, альтруизм, самопожертвование.

Nemchenko Yu. A.

THE PHENOMENON OF ALTRUISM IN O. HENRY'S WORKS (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Summary: The socio-philosophical analysis of the two most famous works of O. Henry: short stories «The Gifts of the Magi» and «The Last Leaf» is presented in the article. The conclusion is drawn that one of the key themes in the writer's work is altruism and the ability to self-sacrifice.

Key words: short story, society, altruism, self-sacrifice.

Постановка вопроса. Актуальность. Социально-философский анализ любой проблемы предусматривает, в частности, рассмотрение поставленного вопроса в контексте положительной динамики развития социума (в данном случае феномен альтруизма в положительном ключе может

влиять на динамику развития общества). По нашему убеждению, чем больше будет альтруистов, тем лучше будет общество.

Цель работы: рассмотреть феномен альтруизма в произведениях О. Генри «Последний лист» и «Дары волхвов» с точки зрения проблем социальной философии.

О. Генри создал, поистине, множество интересных и поучающих новелл. Его стиль не имеет аналогов в американской новеллистике. Сколько бы ни дискутировали его критики, все они убеждены в одном – не было до О. Генри такого мастера, сумевшего в своих произведениях сочетать несочетаемое.

В произведениях О. Генри представлена Америка начала XX в. Писатель изобразил различные слои населения, типы, характеры, типажи. С помощью сатиры и юмора во всей полноте раскрыты серьезные проблемы американской действительности: общественно-политическая система страны, безработица, социальное неравенство [2].

Язык О. Генри очень простой, у читателя не возникает никаких затруднений в прочтении его произведений, но и особой детализации в его творениях нет. Писатель не добавляет в свои труды «лишней воды». Всё кратко и без лишних слов. Но и без особого описания окружающего мира наша фантазия очень чётко представляет картину происходящего в ярких и незабываемых оттенках, благодаря присутствующей в произведениях символике.

Говорить о символике О. Генри можно часами. Её, вправду, довольно много. Однако заметить её можно не сразу. Она и есть «двигатель», который запускает в нашей голове “кино” по новеллам. Она является удивительным и гениальным заменителем той отсутствующей детализации в творчестве О.Генри. Благодаря ей не только запускается фантазия читателей, символика также способствует пониманию того, какая царит атмосфера, что чувствуют герои, что у них на душе.

Каждую новеллу О. Генри можно назвать важным поучительным уроком. Писатель затрагивает множество жизненно важных тем, раскрывает главные нравственные ценности человека, наталкивает нас на философские мысли и раздумья. Одна из таких тем – самопожертвование ради другого человека, причём как близкого, так и не очень.

О. Генри весьма часто затрагивал глубокие моральные темы в своих произведениях. Но особое внимание он уделял феномену альтруизма, то есть самопожертвованию себя ради другого человека, бескорыстной заботе о благополучии других. В этой статье мы рассмотрим этот феномен на примере двух самых популярных новелл писателя — «Последний лист («The Last Leaf») и «Дары волхвов» («The Gift of the Magi»).

Новелла «Дары волхвов» рассказывает нам о молодой супружеской паре – о Делле и Джиме. Они хотят сделать друг другу хорошие подарки на рождество, но у них нет достаточно денежных средств. В тайне друг от друга они лишаются главных «сокровищ», которые у них есть: Джим продает свои золотые часы, которые достались ему от отца и деда и покупает гребень для роскошных волос жены, а Делла, в свою очередь, обрезает и продает свои волосы, чтобы подарить любимому мужу цепочку для его часов. Подарки оказываются в итоге ненужными.

В этом рассказе О. Генри открыто говорит нам, что никакой материальный подарок не является такой роскошной ценностью как духовная самоотдача, великодушие, любовь, преданность, желание сделать другому человеку приятно просто потому, что ему хочется увидеть его по-настоящему счастливым. Писатель показывает нам те вечные духовные ценности, которые должны быть у каждого человека и ненавязчиво подталкивает читателя к поиску пути, встав на который, их можно будет достичь.

В новелле же «Последний лист» автор повествует нам о девушке Джонси, которая заболела и убедила себя в том, что умрет, когда за окном упадет последний лист плюща. Однажды на плюще остался только один лист и девушка полностью потеряла веру. Утром же она увидела, что после непогоды этот лист всё ещё держится на ветке. Она поняла, что даже лист стремится жить, а она заранее зря опустила руки, – и со временем начала выздоравливать. И только после, того как встала на ноги, узнала, что тот последний лист был нарисован Берманом – пожилым соседом-художником, который мечтал всю свою жизнь нарисовать шедевр. В ту ночь он сильно промёрз и умер.

Берман своим желанием помочь сохранил девушке жизнь, но при этом, к великому несчастью, лишился своей. Он хотел создать шедевр, и он его создал. Создал в своём сознании и в сознании другого человека своеобразный символ жизни – лист. Но стоило ли пожилому мужчине ради соседки рисковать своим здоровьем и жизнью? Самопожертвование ради другого – это не просто приношение себя в жертву, это не одностороннее действие. Отдавая что-либо другому человеку, мы получаем что-то значимое для нас самих. Поэтому альтруизм очень важен для человека,

поскольку, не отдавая, мы не будем и получать. Если бы болезнь Джонси не побудила Бермана на самопожертвование, он бы не осуществил мечту всей своей жизни.

Стоит отметить концовки обоих этих новелл. Читая эти короткие истории, мы не знаем, к какому поучительному выводу ведёт нас автор. Мы переживаем за героев, наблюдаем за развитием сюжета, складываем этот волшебный пазл, но во что он сложится – это большая загадка! Финал может привести к тому, чего сложно даже представить. Завершение рассказов можно сравнить с жизнью человека. Проживая какой-то неудачный день, человек может думать, что хуже уже и быть не может, да и на лучшее уже надеяться не приходится, но одно неожиданное происшествие под вечер может кардинально исказить всё мнение о прошедшем дне в положительную сторону.

Нравственные ценности, которые доносит до нас О. Генри, особенно актуальны в наше время. Дело в том, что в современном мире процветает индивидуализм. Идея того, что «жить надо только для себя», настолько сильна, что необходимость делать что-то для других приходится строго аргументировать [1]. Люди серьёзно обеднели духовно, перестали задумываться о чём-то более важном, чем о деньгах, работе, карьере и других материальных благах. Мы перестали думать друг о друге. В наше время не хватает таких людей, как Джим и Делла. Многие люди не готовы тратить лишний раз своё время на близкого человека. В мире всё больше эгоистов, которые при ситуации как у Джонси, даже и пальцем бы не пошевелили, чтобы хоть как-то помочь. Да, в нашем мире больше эгоизма, чем альтруизма, однако не всё так плохо. Альтруизм также развивается, может его не так и много, как в произведениях О. Генри, но его можно заметить. В наше время довольно много волонтеров, которые помогают детям из детских домов, ветеранам, собираются средства на медицинскую помощь людям с серьёзными болезнями в магазинах, на улицах городов, в интернете.

Возможно, если мы будем не только бездумно жить для себя и поверхностно читать труды великих писателей и философов, но и философствовать на многие нравственные темы, как О. Генри, то каждый человек станет намного духовно богаче и счастливее.

Вывод.

Таким образом, с точки зрения проблем социально-философского анализа, рассматривая произведения О. Генри, мы пришли к обобщающему выводу о том, что альтруизм как явление жизненно необходим любому обществу.

О. Генри – автор необыкновенных, блистательных новелл, пользующихся всемирной известностью. В его творчестве очень много человечности. Он затрагивает самые различные моральные и нравственные темы, направляя читателей в «мир размышлений», где каждый осознает или близок к осознанию истинных ценностей нашей короткой жизни. Его произведения будут полезны своими поучениями не только подрастающему поколению, но и взрослым состоявшимся людям. Ведь в современном мире человек зачастую стремится к индивидуалистическому типу поведения, что приводит к огромному эгоизму и отсутствию такого важного феномена, как альтруизм.

Список использованных источников

1. Лейкин Д. Альтруизм в современном обществе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://govzalla.com/post/138867/альтруизм-в-современном-обществе/>
2. Манджиева С.В. Ключевые концепты в рассказах О. Генри: автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/klyuchevye-kontsepty-v-rasskazah-o-genri>
3. Утверждение вечных человеческих ценностей в новелле О'Генри «Дары волхвов». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/essay-rus/printout.php?id=11&bookid=2>
4. Шипулин М. Альтруистическая любовь и её значение для мирового прогресса в понимании Питирима Сорокина. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/06/28/altruisticheskaya-lyubov-i-eyo-znachenie-dlya-mirovogo-progressa>

УДК 821.211

Рябова Н.П.,

ИДЕОЛОГИЯ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: В статье рассмотрены ключевые моменты развития философии Древней Индии, а также формирование философских систем, являющихся идеалистическими (веданта, йога, миманса), идеалистическо- рационального вида (вайшешика, ньяя) и дуалистической (санья).

Наиболее активной из всех идеалистических школ, поставивших себя на служение богословию, была веданта, базирующаяся на Ведах и, считавшаяся абсолютным авторитетом.

Ключевые слова: идеология, Древнеиндийская философия, религия, веды.

Abstract: *The article considers the key moments of the development of the philosophy of ancient India, as well as the formation of philosophical systems that are idealistic (Vedanta, Yoga, Mimansa), idealistic rational species (Vaishashek, Nya) and dualistic (sanya). The most active of all idealistic schools that placed themselves in the service of theology was the Vedanta, who was based on the Vedas and was considered an absolute authority.*

Key words: ideology, Ancient Indian philosophy, religion, Vedas.

Постановка проблемы: Древнеиндийская философия возникла одной из первых, в связи с этим она и является основательницей других учений. Именно поэтому изучение идеологии Индии является весьма актуальной проблемой на сегодняшний день.

Цель: изучить Древнеиндийскую философию, а также узнать о их верованиях. Также узнать этапы развития Древнеиндийской философии с точки зрения на их идеологию.

В начале первого тысячелетия на основе ведийской мифологии в Индии приобрела развитие древнеиндийская идеология. Это произошло в период, когда люди предприняли первоначальные усилия для осмысления происходящих вокруг процессов живой и неживой природы, в том числе изучение всего космического пространства. Такой прогресс стал возможен вследствие интеллектуального развития, когда человеком была совершена дифференциация природы, как средства обитания. В связи с этим возникла возможность более правильно воспринимать окружающий мир. Именно поэтому в древнеиндийской философии появляется убеждение о том, что жизненный цикл всех организмов не ограничивается лишь рождением с дальнейшей смертью.

Концепция Древнеиндийской философии имеет три важнейших этапа в своем развитии: ведический, классический, индуистский. Становление теории основывается на Ведах, что трактуется в религиозно-философских учениях как знание, понимание. Закон Риты является основой онтологии индийской философии и предполагает собой связь, повторяемость, а также космическое развитие. Дыхание Брахмы ассоциируется с бытием и небытием и не прекращает собственное существование на протяжении 100 космических лет. После смерти человек или любое другое живое существо находится в неведении весь этот период, а по истечению он вновь возрождается [1].

Характерной чертой в идеологии древнеиндийской философии является проявление большого интереса к размышлениям над постижением трансцендентного, в отличие от западного учения. В связи с тем, что вера состоит в постоянном и циклическом обновлении всемирного процесса и не была сформирована история философии. Непосредственно по этой причине концепция о мире и этике - различные науки. Также основная отличительная черта Древнеиндийской философии заключается в непосредственном исследовании процессов, происходящих в сознании при соприкосновении с обществом явлений и предметов. Возникновение общеполитической идеи человечества совершалось в период, когда первые государства и классовые общества начали заменять наследственные взаимоотношения. Монументы стали носить отдельные мировоззренческие мысли, которые были обобщены в тысячелетнем опыте людей. При этом наидревнейшей философией и являлась идеология Индии и Китая.

Важным элементом и идеологии Древней Индии являлась религия. Она была представлена в брахманской философии, то есть состоящей из разных, двойственных теорий и представлений. Для нее свойственно учение о основной сути, мировой душе Брахме, в ходе которой произошло создание бога и всего мира. Для буддийской же теории было характерен иной взгляд, а именно субъективный идеализм. Считалось, что существует только один субъект, а все окружающее общество - иллюзия (майя).

Еще в шестом веке до нашей эры в Индии появились первые государства. Данное явление было обусловлено тем, что стали формироваться товарно-денежные отношения, рост научных исследований, в результате чего и возник духовный перелом в формировании страны, который и привел к политическому и экономическому развитию. Именно эти условия и стали базой для возникновения учебных заведений, которые были разделены на две категории. Отдающие преимущество авторитетности Вед- философские ортодоксальные школы и никак не отвергающие их безгрешность- неортодоксальные школы Древней Индии [1].

В свою очередь к первой группе принадлежали шесть основных философских систем: миманса, веданта, санхья, йога, нья, вайшешика. Они считаются ортодоксальными не в следствии того, что допускают наличие господа, а потому, что подтверждают авторитарность Вед. Ярким примером этого являются школы мимансы и санхьи, которые все же опровергают наличие Бога как создателя общества, но все же подтверждают авторитетность Вед. [2]

К неортодоксальной системе можно отнести три ключевых школы: материалистическая, в основе которой лежит чарвака; буддийская, представителями которой выступают вайбхашика, саутрантика, йогочара и мадьямака; а также джайнское учебное заведение. Свое название система получила в связи с тем, что не подтвердила авторитетность вед.

Очевидно, что развитие школ и течений древнеиндийской философии зависело от взаимоотношений к разным составляющим ведических обычаев и порядка их переосмысления. Окончательное фиксирование философских школ как целых мировоззренческих концепций, обладающих своей историей, произошло в первые столетия нашей эры вместе с формированием раннефеодальных отношений в Индии.

Выводы. Формирование древнеиндийской философии имело весьма непростой и двойственный вид. Идеология Индии была непосредственно связана с мифами и религиозными верованиями, которым управляющие сферы старались придать систематический вид.

Данное желание было очевидно. Ведь жителей, опутанных непростой концепцией взглядов на окружающий мир, состоящий из живой природы и людей, легче контролировать. В связи с этим доминирующим направлением в философии было идеалистическое, взаимосвязанное с брахманским и буддистским богословием.

Список используемых источников:

1. Философия древнего Востока [Электронный ресурс]/ Режим доступа- https://otherreferats.allbest.ru/philosophy/00183796_0.html
Канаева Н. А. Индийская философия древности и средневековья / Н. А.

Сиротина Г.Д.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИЯ

Аннотация. В данной работе проведён социально-философский анализ феномена революция в отрыве от его терминологического значения, поскольку оно истолковывается и понимается не однозначно, с многочисленными абберациями.

Ключевые слова: революция, бихевиористская концепция, абберация, депривация.

Annotation. In this paper we carried out a social and philosophical analysis of the phenomenon of revolution in isolation from its terminological significance, since it is interpreted and understood not unambiguously, with numerous aberrations.

Основной текст. Начиная с 16 века, термин революция появляется в трудах философов, социологов, политиков и историков. Появляются различные теории и концепции революций, которые строятся на осмыслении исторических событий, таких как Французская революция и Английские революции. Первые теории революции были выдвинуты К. Марксом и Алексисом де Токвилем, которые определили дальнейшее понимание и видение данного феномена в различных концепциях последующих мыслителей.

Первым кто научно обосновал в контексте материалистической истории данный феномен был К. Маркс. Который сказал, что революции - это «локомотивы истории» и «праздник угнетённых», тем самым задал вектор развития данного феномена на многие годы [1, с. 86]. В его концепции революция занимает важное значение в общественном развитии, и связано это с переходом от одной общественно-экономической формации к другой. Таким образом, революция в понимании К. Маркса представляет собой высшую форму прогрессивного развития любого общества. Причины политических революций он видел в конфликте между общественными классами, которые

обостряются в момент экономических кризисов. Такое видение социалистических (пролетарских) революций легло в основу методологической базы, которая была уже не просто теорией, а конкретной программой и призывом к действию.

Совершенно другое видение феномена революции, в своей концепции высказал Алексис де Токвиль [2, с. 248]. Причинами революции, по его мнению, являются не как в марксистской теории экономические кризисы, а психологическое восприятие той ситуации в котором находится общество. К примеру, он считал, что на кануне Французской революции была вполне благоприятная ситуация, чем в последние десятилетия и что страна находилась на пороге новых социально-экономических изменений. Это должно было произойти и без революции, но из-за революционных событий общество потерпело, только убытки и издержки. Таким образом, «революция» в понимании А. Токвиля, представляет собой регрессивное начало и ничего хорошего из себя не представляет, более того, он полагает, что революций нужно всячески избегать, так как они приводят к диктаторскому режиму.

Эти две основные концепции революции легли в основу всех последующих современных теорий революции. Выделяют 4 основных концепции; бихевиористскую (поведенческую), психологическую, структурную и политическую.

1) Первая современная теория революции была предложена мыслителем Питиримом Сорокиным в 1925 году. Свою концепцию он основывал на личном опыте, после революционных событий в России 1917г., в которых ему довелось принять участие. Он акцентирует внимание на поведенческих отклонениях у людей, которые непосредственно связаны с удовлетворением потребностей, а также инстинктивным поведением, которые порождают революционные события. Его концепция, является бихевиористской, поскольку основной упор в исследовании делается на поведении людей. Он полагает, что во время революции у человека кардинально меняется поведение. П. Сорокин занимается исследованиями данных изменений в поведении и как это проявляется в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Он рассуждает о таких изменениях как: «подавление собственного инстинкта масс», «извращение религиозных, моральных, этических и других приобретённых форм поведения», «подавление полового рефлекса» и т.д. Такие изменения, полагает П. Сорокин, «приводит к дисфункции условных инстинктов, нарушает послушание, дисциплину, порядок и прочие цивилизационные формы поведения и обращает людей в беснующиеся орды сумасшедших» [3, с. 376]. Затем автор монографии, задаётся вопросом: почему же так происходит? И выводит ответ в 2х гипотезах.

Первая, говорит о том, что движущей силой революции, является масса людей, которая долгое время находится в подавленном состоянии. В том смысле, что у них подавляется возможность в удовлетворении базовых инстинктов, таких как питаться, одеваться, спать и т.д. Когда такое подавление распространяется на большое количество людей, революционный взрыв неизбежен.

Вторая гипотеза, относится к реакции властей, ведь для революции важно не только, революционные настроения, но ещё и невозможность со стороны властей подавить недовольство масс и их восстание. П. Сорокин убеждён в том, что бессилие властей, является первым основным моментом в революции, а вторым моментом является давление снизу. И только при этих двух условиях возникает революция.

Таким образом, поведенческая (бихевиористская) концепция рассматривает революцию, как хаос и разрушение дисциплины. Что приводит к ещё большему подавлению инстинктов, и меньшей возможности удовлетворить основные потребности населения. Завершением революции, по мнению П. Сорокина, является приход к власти деспота и тирана, что тоже представляет собой негативную сторону революции. Следует отметить, что данная концепция схожа с мнением А. Токвиля и критикует марксистскую теорию.

2) Психологические теории революции отличаются от поведенческой тем, что не рассматриваются инстинкты и базовые потребности, а переходят к проблеме мотивационных ориентаций. Данная концепция наиболее разработана и имеет множество подходов, которые рассматривают такие мыслители, как Джеймс Дэвис и Тед Роберт Гарр (1936г.). Они сформировали свою теорию под названием «относительная депривация», в которой утверждается, что революция – это болезнь сознания, которая быстро распространяется в среде населения. «Нищета несёт переворот», или правильнее будет, нищета, в том смысле, в котором её воспринимают люди, которые считают, что это несправедливость по отношению к ним, толкает их на бунты.

Таким образом, если крайне обнищавший народ будет строго уверен, что это злой рок судьбы или божественное наказание, восприняв свою нищету как должное, то в таком обществе не произойдёт революция. Она произойдёт только тогда, когда данное общество задастся вопросом, а что они должны иметь по справедливости и сравнив то, что есть с тем, что могло и должно было быть, ощутив разницу, они испытают чувство относительной депривации. Данное ощущение тесно связано с таким чувством, как несправедливость, поскольку именно оно возникает в предреволюционной обстановке. На этот счет Т.Р. Гарр (1936г.) говорил, что «революции не могут обойтись без слова «справедливость» и тех чувств, которые оно вызывает» [4, с. 60].

Данная концепция очень близка к пониманию революции К. Марксом, поскольку он также говорит о справедливости для рабочего класса (пролетариата). Таким образом, эта теория строится на фундаменте учения марксизма.

3) Следующая современная теория называется структурной или альтернативной. Данная альтернативная концепция строится на отрицании психологической теории в целом и психологических факторов в частности. Она базируется на том, что следует рассматривать революции не как феномен, который возникает в сознании у масс, а как социальное явление, которое проявляется в следствии структурных ограничений и напряжений, а также на прямую связано с взаимоотношениями между гражданами и их государством.

Современная сторонница данной концепции Теда Скочпол (1947г.) считает, что причины революции следует искать на социальном уровне, в контексте групповых, национальных и классовых отношений, а не в менталитете и головах граждан. Проведя исследование и анализ исторических фактов, а также сравнив французскую, русскую и иные мировые, всем известные, революции, она делает выводы о том, что «в будущих революциях, как и в прошлом, сфера государства станет, скорее всего, центральной» [5, с. 520].

Данную теорию критикуют за её одностороннее рассмотрение такой многогранной проблемы. Ведь для понимания революционных событий и революции в целом, не достаточно рассмотрения только одной её грани, а следует учитывать и психологические и поведенческие компоненты также.

4) Политические теории ещё более ограничены, поскольку рассматривают революцию исключительно, как политический феномен, который представляет собой борьбу за власть. В основе данной концепции так называемая «соревновательная модель революции», в рамках которой революция является средством, используемой для достижения политического контроля, той противоборствующей стороны, которая стремится захватить власть у нынешнего режима.

Вывод. Таким образом, к принципиально новым концепциям, из ряда перечисленных, можно отнести: *структурную* и *политическую*, но они являются очень ограниченными и по своей сути являются лишь частью, того целого рассмотрения данного вопроса, которые были предложены К. Марксом, А. Токвилем. Такие концепции, как бихевиористская (поведенческая) и психологическая являются передовыми, но следует заметить, что они строятся на фундаменте, заложенном либо К. Марксом, либо А. Токвилем. Все эти концепции и теории рассматривают исторические события и пытаются найти в них закономерность, тем самым объяснить, что же такое революция и каким образом она происходит. Но революционные события до сих происходили, но никогда не завершились подлинной революцией (которая характеризовалась бы обнаружением качественного скачка, во всех сферах жизнедеятельности), потому что всегда переходили в различные формы, такие как, бунты, гражданская война, военные перевороты и т.д. По этой причине ухватить «революцию» целиком и сказать, что она произошла в конкретный пространственно-временной промежуток едва ли возможно.

Список использованных источников:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т.7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 86.
2. Токвиль А. Старый порядок и революция. – СПб.: Алетейя, 2008. С. 248.
3. Сорокин П. Социология революции. Изд. М.: Территория будущего, Российская политическая энциклопедия, 2005. – 704 с.
4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют? – СПб.: Питер, 2005. – 461с.
5. Скочпол Т. Государства и социальные революции. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – 552 с.

Скачков А.А.

ФАШИЗМ В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема распространения идеологии фашизма в условиях современного мирового кризиса и расслоение общества на социальные классы, в результате чего существующие социальные проблемы и кризисы становятся все более глубоким, приобретая глобальное распространение. Особо актуализируется исследуемая проблема в периоды трансформационных процессов, когда происходит становление и закрепление радикальных идей, возникновение которых было бы не возможно в стабильное время. Учитывая ситуацию постсоветского пространства связанную с разрухой и явным обнищанием населения, вызванным распадом некогда большого и скооперированного в экономическом плане государства. А так же с деградацией социальных и культурных ценностей, а точнее с полным разрушением шкалы ценностных ориентиров, становлением индивидуализма, русский человек оказался в ситуации растерянности и отчужденности. Это и приводит его к адаптации идеологии фашизма, которая сегодня завуалирована под идею строительства стабильности, сплоченности, равноправия. Рассматривается современное состояние России, когда можно отметить, что на фоне определенных социально-экономических и политических событий проявляются тенденции к симпатизированию неофашизму у отдельных слоев общества.

В результате исследования делается вывод, что для разрешения проблемы возникновения и распространения неофашизма необходимо предпринять решительные действия, только комплексное воздействие органов правопорядка, государственной власти, местного самоуправления могут дать положительный результат в предотвращении распространения идеологии фашизма на территории нашего государства. Для чего требуется прививать любовь к Родине, уважение прав и свобод человека и гражданина, воспитывать подрастающее поколение в условиях формирования правильных ценностей. Сделать правильный акцент в воспитательном процессе в школах, колледжах, училищах и ВУЗах. А так же ведение специальных баз данных, в которых будут содержаться представители нашего государства, которые были ранее замеченные в данном виде деятельности, а также организации способствующие распространению неонацистских взглядов.

Ключевые слова: общество, фашизм, неофашизм, стабильность, трансформационный процесс

Annotation: The article deals with the problem of spreading the ideology of fascism in the conditions of the modern world crisis and the stratification of society into social classes, as a result of which existing social problems and crises are becoming deeper, acquiring a global distribution. The problem under investigation is especially actual during the periods of transformational processes, when the formation and consolidation of radical ideas occurs, the emergence of which would not be possible in a stable time. Considering the situation in the post-Soviet space, it is connected with the devastation and obvious impoverishment of the population, caused by the disintegration of the once large and economically co-operative state. And as with the degradation of social and cultural values, or rather with the complete destruction of the scale of value guidelines, the emergence of individualism, the Russian man found himself in a situation of confusion and alienation. This leads him to the adaptation of the ideology of fascism, which today is veiled under the idea of building stability, cohesion, equality. The current state of Russia is considered, when it can be noted that, against the backdrop of certain socio-economic and political events, there are tendencies towards sympathy for neofascism among certain sections of society.

As a result of the research, it is concluded that resolute actions must be taken to resolve the problem of the emergence and spread of neo-fascism, only a complex impact of law enforcement agencies, state authorities, local self-government can give a positive result in preventing the spread of the ideology of fascism on the territory of our state. For which it is required to inculcate love for the Motherland, respect for the rights and freedoms of man and citizen, educate the younger generation in the formation of the right values. Make the right emphasis in the educational process in schools, colleges, schools and universities. As well as the maintenance of special databases, which will contain representatives of our state, who were previously seen in this type of activity, as well as organizations promoting the spread of neo-fascist views.

Keywords: society, fascism, neo-fascism, stability, transformation process

В условиях современного мирового кризиса расслоение общества на социальные классы становится все более и более глубоким, и возникающие из-за этого проблемы гораздо острее и глобальнее. Подобное расслоение не ново для мира, его можно было встретить во все времена в разных государствах с разными политическими режимами. Однако именно в периоды

трансформационных процессов происходит становление и закрепление радикальных идей, возникновение которых было бы не возможно в стабильное время[2,12, 26].

Примером таких событий может послужить приход в 1917 году к власти в России большевиков, которые получают поддержку населения в результате вскрытия глубоких социальных проблем. Уже после становления большевиков как политической силы государственного масштаба их политика характеризовалась террором по отношению к не пролетарской части населения.

Именно приверженность к радикальным течениям и взглядам заставляет по-новому посмотреть на такой феномен современного мира как фашизм. Под которым понимается: крайне настроенные политические движения, идеологии и соответствующая им форма правления диктаторского типа. Характерными признаками которых называют милитаризм, антилиберализм, ксенофобию, реваншизм, шовинизм, вождизм.

После окончания второй мировой войны, которая только по официальной статистике унесла жизни 27 миллионов жителей СССР, после чего в союзных республиках складывается мнение: Фашизм во всех его проявлениях опасен. В связи с чем, его идеи впредь не должны быть воплощены в реальность ни в какой форме проявления.

Однако, уже в 1946 году, в Италии создается «Итальянское социальное движение», основной задачей которого становится реабилитация фашистского режима, поэтому 1946 год можно считать началом рождения неофашизма в Европе. В своих политических программах и политической стратегии и тактике, нацеленных на преодоление социально-политических кризисов, неофашистские организации используют технологии мобилизации общества вокруг национальной идеи, т.к. фашистская идеология и технологии предъясняются как средства и инструменты выхода из кризисных ситуаций[11]. Таким образом складывается ситуация в Западной Европе. И только после распада СССР в 1991 году бывшие союзные республики, а теперь самостоятельные и независимые государства становятся открытыми для многочисленных современных идеологических течений, в их число включены и идеи неофашизма. Учитывая ситуацию постсоветского пространства связанную с разрухой и явным обнищанием населения, вызванным распадом некогда большого и скооперированного в экономическом плане государства. А так же с деградацией социальных и культурных ценностей, а точнее с полным разрушением школы ценностных ориентиров, становлением индивидуализма, русский человек оказался в ситуации растерянности и отчужденности.

Таким образом, можно сказать, что после распада СССР миллионы людей оказались выброшенными из привычной социальной среды, однако в желаемую ими среду интегрироваться так и не смогли. И здесь свою роль сыграли культивируемые в Западной Европе идеи неофашизма, которые провозглашают стабильность, сплоченность, равноправие, в связи с чем, они становятся близкими русскому человеку.

Рассматривая современное состояние России можно отметить, что на фоне определенных социально-экономических и политических событий проявляются тенденции к симпатизированию неофашизму отдельных слоев общества. К числу таких тенденций можно отнести:

- Рост националистических настроений в массах;
- Образование общественных движений патриотического и национал-патриотического толка;
- Популистские обращения политических лидеров к националистическим чувствам населения;
- Распространение олигархического корпоративизма во власти[1]

Стоит разграничить национализм и нацизм.

Нацизм — это мировоззрение, ставящее во главу определенную нацию (расу или народ), он открыто провозглашает необходимость истребления иных «низших» народов, их подчинения.

Национализм — это идеология и направление политики, базовым принципом которых является тезис о высшей ценности нации и её первичности в государствообразующем процессе.

Как политическое движение, национализм стремится к защите интересов национальной общности в отношениях с государственной властью.

Исходя из чего, можно сделать вывод, что при неправильном проведении политики национализма, она чаще всего трансформируется в нацизм, который является более жестоким по своей структуре.

Для разрешения проблемы возникновения и распространения неофашизма необходимо предпринять решительные действия, только комплексное воздействие органов правопорядка,

государственной власти, местного самоуправления могут дать положительный результат. Требуется прививать любовь к Родине, уважение прав и свобод человека и гражданина, воспитывать подрастающее поколение в условиях формирования правильных ценностей[26]. Требуется устранить проблемы в законодательстве антиэкстремистской направленности, упорядочить правоприменительную практику по этим разделам[2, 12, 29].

Сделать правильный акцент в воспитательном процессе в школах, колледжах, училищах и ВУЗах. Введение дней памяти, уроков мужества, которые расскажут о пагубном влиянии фашизма на людей. Органы правопорядка должны быстро и качественно реагировать на факты, которые способствуют распространению идеологии неонацизма. Ведение специальных баз данных, в которых будут содержаться представители нашего государства, которые были ранее замеченные в данном виде деятельности, а также организации способствующие распространению неонацистских взглядов.

Таким образом, подводя итог, стоит заметить, что неонацизм несет в себе пагубное влияние на государство, он спекулирует на напряженности в обществе и хотя внешне может предлагать разрешение назревшей проблемы, все же в своей основе является деструктивным, поэтому для России, как многонационального государства сегодня первоочередной задачей является недопущение преобладания неонацистских взглядов в обществе потому что их преобладание может привести к ужасающим последствиям, вплоть до прекращения функционирования самого государства.

Список использованных источников:

1. Добрынина М.В. Взаимосвязь политического режима и националистических настроений в современной России // Социально-политические процессы в меняющемся мире: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 15. Тверь, 2012. С.30-34.
2. Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы//Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 88-93.
3. Комолова Н. П. Новейшая история Италии. М., 1970, с. 203.
4. Коноплева А.А. Радикальные проявления в культуре// В сборнике: Теоретические и практические вопросы науки XXI века. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 109-111.
5. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59). С. 197-200.
6. Чудина-Шмидт Н.В. Специфика работы сотрудников органов внутренних дел с субъектом экстрима//Краснодар, 2017.
УДК: 141.3:316.4

Смирнов О.А.,

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК ФАКТОР РОЖДЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы понятия и понимания личности, которая изучалась довольно подробно в трудах мыслителей разных времен. Но при анализе авторитетных источников было установлено, что, личность, которая склонная к проявлению радикальных настроений до сих пор не подвергалась детальному рассмотрению. В статье проводится анализ склонности личности к радикальным формам проявления своей активности с акцентом на революционную. Поскольку в статье ключевым элементом выступает личность, то и исследование структурно было проведено от рассмотрения кто выступает личностью с последующим переходом на ее особенности, которые возникают под влиянием НТП. Особый акцент в статье делается на рассмотрение понятия «личность» исходя из системы взаимодействия сопряженных с ней понятий «Индивид – Индивидуальность – Личность». Рассмотрение понятия «личность» в обозначенной системе необходимо, поскольку не всякий индивид может становиться личностью. В ходе исследования делается вывод, что личность - это индивид, который наделен социальным статусом, получаемым в процессе социализации, т.е. личность включает в себя те единичные, уникальные качества человека, не как существа биологического, а как социального. Особо отмечается, что современные дети большую часть личного времени проводят за компьютерными играми, что в свою очередь несет целый ряд проблем. В результате чего происходит определенная деградация формирующейся личности. Особо отмечается, что для процесса социализации большое влияние

имеет творческая деятельность. Однако и здесь обнаруживается еще одна проблема – с возникновением возможности больше творить используя новые технологии, возникает обратная ситуация когда у человека отпадает в этом необходимость.

В результате проведенного исследования делается вывод, что научно-технический прогресс влияя на развитие и становление личности помогает человеку проявить себя в обществе, но при этом содержит в себе серьезный подвох, вырабатывая у человека определенные качества НТП иной раз способствует формированию радикальных взглядов, идей и идеологий.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, личность, революция

Abstract: The article deals with the problems of concept and understanding of personality, which was studied in considerable detail in the writings of thinkers of different times. But when analyzing authoritative sources it was established that a person who is prone to the manifestation of radical sentiments has not yet been subjected to detailed consideration. The article analyzes the propensity of the individual to radical forms of manifesting his activity with an emphasis on the revolutionary. Since in the article the key element is the personality, the research was structurally conducted from consideration of who acts as a person with the subsequent transition to its features that arise under the influence of scientific and technical progress. Particular emphasis in the article is made on the concept of "personality" based on the system of interaction of the concepts associated with it, "Individual - Individuality - Personality". The consideration of the concept of "personality" in the designated system is necessary, since not every individual can become a person. The study concludes that a person is an individual who is endowed with a social status, obtained in the process of socialization, i.e. personality includes those individual, unique qualities of man, not as a biological being, but as a social being. It is especially noted that modern children spend most of their time at computer games, which in turn carries a number of problems. As a result, there is a certain degradation of the emerging personalities. It is especially noted that creative activity is very important for the process of socialization. However, even here one more problem is revealed: with the emergence of the opportunity to create more using new technologies, the opposite situation arises when a person does not need it.

As a result of the conducted research, it is concluded that scientific and technological progress influencing the development and development of personality helps a person to manifest himself in society, but at the same time it contains a serious trick, developing a certain quality in a person. NTP sometimes helps to form radical views, ideas and ideologies.

Keywords: scientific and technical progress, personality, revolution

Актуальность заявленной в исследовании проблемы обусловлена тем, что понятие и понимание личности изучалась довольно подробно в исследованиях разных времен, начиная с античности и до наших дней, в то время как личность, которая склонная к проявлению радикальных настроений до сих пор не рассматривалась. В исследовании проводится анализ склонности личности к радикальным формам проявления своей активности с акцентом на революционную[1]. Так как ключевым элементом предложенного в названии исследования выступает личность, то и начать изложение материала стоит с определения понятия и понимания личности, с дальнейшим переходом на ее особенности, возникающие под влиянием НТП.

Так, личность каждый исследователь понимает в силу своих теоретических взглядов. К примеру, А.Н. Леонтьев под личностью понимает совокупность общественных отношений, реализующихся в многообразных формах деятельности. А. В. Ганзен в личности признает общественного индивида, как объекта и субъекта социальных отношений и исторического процесса, который проявляет себя в общении, в деятельности, в поведении. Это только лишь одни из немногих определений, которые существуют в области изучения личности. Также стоит отметить, что на каждом этапе развития человек выступает как результат, как следствие предшествующей деятельности, в которой он формируется, и вместе с тем эту деятельность осуществляет именно он, т.е. он является ее субъектом, и причиной.

Безусловно, можно утверждать, что все вышеперечисленные виды понимания отражают в себе всю целостную картину в понимании личности. Скорее всего, они дают честный, единичный взгляд под определенным углом. Тогда становится актуальным рассмотреть понятие «личность» исходя из системы взаимодействия сопряженных понятий «Индивид – Индивидуальность – Личность». Рассмотрение понятия «личность» в обозначенной системе необходимо, поскольку не всякий индивид может быть личностью. Тогда, можно сказать, что «личность» - это индивид, который наделен социальным статусом, получаемым в процессе социализации, т.е. личность

включает в себя те единичные, уникальные качества человека, не как существа биологического, а как социального. Несмотря на то, что биологическая составляющая оказывает существенное влияние на становление личности.

Поскольку личность развивается в конкретном историческом времени и социальном пространстве, под влиянием практической деятельности, то и характерные ее черты будут обусловлены ими. Не являются исключением и особенности современного мира, который позволяет любому приобщиться к новинкам техники и технологии с целью облегчения трудовой деятельности и увеличение времени отдыха. Следует признать факт, что это достаточно сильно влияет на развитие современного человека и тем более на формирование и развитие личности. Однако, несмотря на то, что основным институтом формирования личности является семья, сегодня и она перестает выполнять свои функции. Связано это с большим количеством факторов, одним из которых выступает влияние научных технологий. Сегодня они во всем своем многообразии являются не только как положительным элементом существующего мира, но, зачастую приобретают негативную окраску, приобретая уровень «глобальные проблемы»[3]. Стоит признать факт – данное положение дел значительно влияет на развитие современного социума и тем более на формирование и развитие личности.

Следует особо отметить, что современные дети большую часть личного времени проводят за компьютерными играми, как правило, через интернет, что в свою очередь несет целый ряд проблем, среди которых можно отметить: во-первых, ребенок, погружаясь в виртуальный мир, теряет уникальность живого общения. В результате чего происходит определенная деградация формирующиеся личности. Следовательно, границы компьютерной игры значительно сужают реальную действительность, подменяя ее виртуальным общением. Во-вторых, ребенок со временем переходит на такой уровень общения, который содержит уже угрозу для развития его психики.

В результате такого воздействия осуществляется переход от общения реального в виртуальное, что собственно и наблюдается в наши дни. Таким образом, можно отметить, что указанные проблемы в своей основе несут потенциал разрушения механизма становления личности, т.е. ее социализацию[4].

Стоит заметить, что для процесса социализации большое влияние имеет творческая деятельность. Однако здесь возникает еще одна проблема современного мира – с возникновением возможности больше творить используя новые технологии, возникает обратная ситуация когда у человека отпадает в этом необходимость. Вместо того, чтобы нарисовать открытку, человек ее покупает; он уже не пишет научную работу рукой, а печатает на компьютере или даже не задумываясь, скачивает из интернета. Тогда получается, что, имея больший творческий потенциал, современный человек заменяет его механической и однотипной работой. В результате происходит формирование нового типа личности, которая уже не способна творить, а может только действовать по шаблону.

Однако, поскольку основным вопросом исследования является формирование революционной личности, то следует особо отметить, что понятие «революционная личность» не является устоявшимся и закрепленным в научном познании, но в рамках проводимого исследования введение такового является целесообразным. Так в системе «человек – революция», стоит отметить, что большую роль играет сама взаимосвязь, которая предстает в виде становления личности. Говоря о качествах личности, можно сказать, что они влияют и усиливают личность как единицу социума. Качества личности можно рассматривать в различных аспектах, например:

- субъективное отношение к личности (необычность, удивительность, неприятность);
- физические качества человека (ловкость, красота),
- социальная оценка личности (благочестивый, опытный, мудрый, излучающий счастье или наоборот), которая является наиболее важной.

Все эти качества в той или иной мере присущи личности и помогают человеку реализоваться в обществе. Определенная совокупность качеств личности может характеризовать человека как вождя, предводителя, командира. Человека, который играет ведущую роль и имеет возможность и способность действовать, используя, иной раз, радикальную форму. Вторым феноменом, который был заявлен в названии, является революция, которая может быть не только социально-политической, но и научной, творческой и т.д. Рассматривая понятие и понимание революции определяем, что сам термин происходит от позднелатинского *revolution* – поворот, переворот, превращение, обращение – обозначает радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, природы или познания, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием. Данное

определение стоит дополнить тем, что революция всегда связана с деятельностью определенных личностей[5, 7]. В заявленном исследовании наибольший интерес представляет собой взаимодействие в системе «человек - научно-технический прогресс – революционная личность». Научно-технический прогресс здесь выступает связкой и, своего рода, помощником формирования революционной личности. Как показывает история, большинство революционеров были выходцами из высшего класса (аристократия, дворяне, духовенство и т.д.). Исследуя словосочетание «революционная личность», можно найти таковую и ею выступает В. И. Ленин. Эта личность является, наверное, наиболее яркой, если речь заходит о революционных идеях. Прямые указания В. И. Ленина о путях развития советского законодательства имеют неоценимое значение для ускорения технического прогресса и совершенствования правового регулирования деятельности: предприятий, организаций и граждан по созданию и использованию новых достижений в области науки и техники.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал принципиально новое социально-политическое назначение технического прогресса в условиях социализма. Примеров посвященных этой теме можно привести множество, что говорит не только о том, что научно-технический прогресс играет важную роль в тематике появления и протекания революции, но и является актуальной темой для изучения на данный момент. Если так подумать, то практически каждый день появляются на свет новые изобретения, научные разработки, которые значительно облегчают жизнь не только человека, но и всего живого на земле. В принципе, по большому счету, можно сказать, что человек в процессе социализации становится личностью, и научно-технический прогресс активно содействует этому. Например, актуален вопрос: может ли человек социализироваться и приобрести статус личности, не выходя из дома, ограничиваясь общением через сеть «интернет» (Skype, viber и т.д.).

С появлением человека началась непрерывная революция и каждое изобретение, мысль или идея такого изобретения имеет точку невозврата, т.е. рубеж, после перехода которого нет возможности возвращения к исходному состоянию, нельзя вернуться назад. Развитие и прогресс происходит исключительно только вперед. Человек в процессе общения, чтения литературы и других различных источников регулярно напоминает себе о существовании слова «революция». И почему-то при употреблении данного термина ассоциация проходит параллельно с насилием или между отношением власти и подчинения, аппарата принуждения[2,6].

Таким образом, можно подвести итог, что научно-технический прогресс влияя на развитие и становление личности помогает человеку проявить себя в обществе. Но тут есть и серьезный подвох, вырабатывая у человека определенные качества НТП-ной раз может способствовать формированию радикальные взглядов, идей и идеологий.

Список использованных источников:

7. Буткевич С.А Сущность инноваций и их влияние на развитие общественных процессов: социально-правовая и криминологическая оценки // Юрист - Правоведь. 2017. № 2 (81). С. 82-88.
8. Коноплева А.А. Радикальные проявления в культуре// В сборнике: Теоретические и практические вопросы науки XXI века. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 109-111.
9. Никитина Л.Н. PokemonGo: массовость как результат воздействия эмоционального заражения и подражания, возникающие в связи с этим угрозы правопорядку и общественной безопасности//Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 47-55.
10. Никитина Л.Н. Компьютерная игромания в структуре аддиктивного поведения// Мир науки. 2016. Т. 4. № 4. С. 47.
11. Чудина-Шмидт Н.В. Роль и место субъекта экстрима в трансформации российского общества //В сборнике: гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества сборник научных трудов по итогам региональной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД РФ. 2017. С. 158-162.
12. Чудина-Шмидт Н.В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207.
13. Чудина-Шмидт Н.В. Условия и факторы формирования экстремального поведения субъектов экстрима//В книге: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики Крым, 2015. С. 32-41.

А.А. Соловцов

ГОРОДСКОЙ МОНАСТЫРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация: *С нач. XX в. в Москве оказались уничтожены крупные муниципальные кладбища, причем высвободившиеся участки земли передавались под сооружение транспортных парков и магистралей, застройку новых территорий, промышленных объектов и скверов. Некрополи, якобы сдерживавшие территориальный рост города, нарушавшие санитарные требования и представляющие собой целый культурный пласт подвергались варварскому уничтожению. Истории утраченных мемориальных комплексов посвящена данная статья.*

Ключевые слова: *городская архитектура, культурное наследие, монастырский некрополь, памятник.*

Annotation: *With the beginning of the XX century large municipal cemeteries had appeared to be destroyed. The free stations were given for erections of transport parks, highways, for building of new territories, industrial objects and squares. The necropolises, which were ostensibly holding back the territorial growth of the city, and violating sanitary requirements and representing the whole cultural layer, suffered from barbarous destruction. This article is devoted to the history of the lost memorial complexes.*

Key-words: *urban architecture, cultural heritage, monastic necropolis, monument.*

История древнейших московских захоронений тесно переплетается с биографиями выдающихся горожан, общественных деятелей, нашедших вечный покой на территории столичных некрополей. Традиционно православные захоронения возникали близ приходских храмов. Подобные некрополи именовались погостами и являлись основным местом погребения горожан. По мере роста и развития московской инфраструктуры возводились новые храмы, вокруг которых также возникали кладбища. В 1771 г. в Москве было строго запрещено погребение лиц умерших от чумы, а вскоре были открыты Даниловское, Калитниковское, Пятницкое, Рогожское, Дорогомиловское, Семеновское кладбища. Уже в первые годы советской власти были национализированы московские монастыри, где некоторое время еще сохранялись действующие кладбища, однако привычный порядок их функционирования был полностью изменен. Проведение погребальных обрядов отныне являлось правом и привилегией местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а внесение доплат и взимание сборов за выделение участков для захоронения и разграничение похорон на разряды было упразднено.

В 1920-х гг. в московских монастырях были размещены светские учреждения, дома и общежития рабочих и служащих, то есть все монастырские постройки были превращены в плотно заселенные жилые дома, а окружающая их территория стала местом обычной хозяйственной деятельности и отдыха жителей. Разумеется, эта новая функция монастырской территории была несовместима со специфической средой городского кладбища. Все более частыми случаями стали акты вандализма и хулиганства в отношении надгробий. В 1925-1930-е гг. была развернута кампания по ликвидации «безнадзорных» могил столичных монастырей и снятие решеток со всех без исключения могил [2, с.2]. Фактически эти меры были началом полного уничтожения московских монастырских кладбищ, так как «безнадзорными» по существу можно было объявить большинство захоронений старше конца XIX в., а без металлических решеток сооружения некрополя быстро теряли значительную часть своей художественной выразительности и могли быть снесены как «уродующие» облик новой территории.

Вскоре от такой практики тотальной ликвидации монастырских и столичных некрополей решили отказаться, была создана особая комиссия по охране могил деятелей науки, культуры, а также памятников художественного значения (работы худ. И.С. Остроухова, А.М. Васнецова, В.С. Бровского; скульпт. Н.А. Андреева, Л.Н. Кекушева, А.Н. Богатова и др.). По господствующему тогда атеистическому мировоззрению за пределами внимания ученых оставались могилы духовных лиц и военных деятелей царской России, аристократии, деятелей науки. В 1930-х гг. продолжались мероприятия по полной ликвидации столичных некрополей и созданию на их месте районных мест культуры и отдыха. Были ликвидированы кладбища Алексеевского, Данилова, Перервинского, Симонова и ряда других монастырей, затронуты Воронцовское, Бутырское, Владыкинское, Дегунино и другие, позднее разрушенные и ликвидированные кладбища. Прах писателей, общественных деятелей (например, Н.В. Гоголя, поэта Н. Языкова, философа А. Хомякова) переносили на Новодевичье, Востряковское и др. кладбища, могилы многих известных людей были

уничтожены. После Октября 1917 г. печальная участь постигла кладбище московского Алексеевского монастыря, где было погребено много представителей аристократии, представителей известных купеческих династий (Абрикосовых, Перловых, Оловянишниковых, Алексеевых, Ланиных, Шустовых), военных (генерала А.Л. Шанявского), ученых (математика А.В. Летникова, психиатра С.С. Корсакова), литераторов и художников. В 1960-х гг. были варварски уничтожены Ховринское, Зюзинское, Юрловское, Филевское, Семеновское, Лазаревское кладбища.

В заключение, отметим, что погребальные обряды различных культур и мировых цивилизаций были основаны на уважении и глубоком трепете к усопшим и месту их погребения, поэтому «будем считать смерть – тайной, требующей уважения»[3, с. 4]. По словам московского некрополиста, историка культуры М.Д. Артамонова (1922-2011) «мы не должны забывать, что московские некрополи – это органичная часть нашего города. В нем не должно быть запущенных кладбищ с забытыми и неухаживаемыми могилами знаменитых наших соотечественников»[1, с. 129].

Список использованных источников:

1. Артамонов М.Д. Ваганьково. – М.: Московский рабочий, 1991. – 192 с.
2. Материалы комиссии по благоустройству кладбища при бывш. Покровском монастыре (отношения, акты и проч.). - 1927. – ОРРГБ, ф. 177, к. 34, д. 12.
3. Ткачев А., прот. Радоница: о тайне, требующей уважения // Умиление душ наших. –2014, № 5/137. – С.4.

УДК 141.1+7.046.1

Степанюк А.А.

ИДЕОЛОГИЯ САМУРАЙСКОГО СОСЛОВИЯ В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Аннотация. В данной статье была рассмотрена идеология самурайского сословия. Выделены основные требования, предъявляемые к самураям. А также проанализировано то, как самурайская идеология была отражена в мифологии.

Ключевые слова: Япония, японская мифология, самураи, бусидо.

Annotation. In this article, the ideology of the samurai estate was considered. The main requirements for samurai are singled out. And also analyzed how samurai ideology was reflected in mythology.

Key words: Japan, Japanese mythology, samurai, bushido.

Постановка проблемы. Самураи прославили на весь мир, сейчас каждый хоть раз слышал про этих величайших воинов. Однако, что на самом деле представляла собой их идеология и как она отразилась на развитии японской культуры известно не многим.

Цель статьи – проанализировать идеологию самурайского сословия в контексте японской мифологии.

Знаменитые японские воины, самураи, начали появляться в VII веке. Это были люди из феодального сословия. И примерно в IX веке они получили максимальное распространение по всей стране.

За этот период был сформирован кодекс самурая «Бусидо», который содержал в себе свод правил и норм поведения.

В дословном переводе слово «бусидо» означает «путь воина» и состоит из трех иероглифов. Сочетание первых двух «буси» переводятся как воин или самурай, а третий «до» – путь, долг, учение, мораль.

Каждый уважающий себя воин должен был следовать данным правилам. В кодексе описывалось как должен вести себя самурай в обществе и на поле боя, а также наедине с самим собой.

Большое влияние в процессе формирования кодекса «Бусидо» оказали буддийские учения. Некоторые из них достаточно ярко отражали потребности и интересы воинов.

Также в кодексе подчеркнуты принципы синтоизма. Синтоизм, или синто, представляет собой древнее Японское верование. Представители данной веры поклоняются богам и духам, как принято

называть в Японии — «ками», которые могут существовать в любом живом и не живом материальном объекте.

К основным моральным принципам, которыми руководствовались самурайские воины, можно отнести следующие: гордость, верность феодалу, чувства чести и долга, мужество, самопрезрение к власти и деньгам, сдержанность, искренность и честность, вежливость.

Самураи отличались своей храбростью, добродетелью, они не боялись смерти и были преданны своему господину. Воины обязаны были следовать правилам «Бусидо» и уметь нести ответственность за свои поступки. Нарушение правил означало позор. Бесчестье самураи смывали кровью, с помощью ритуала, в процессе которого совершали харакири.

Соблюдение правил основывалось на собственных моральных убеждениях, которые формировались в процессе воспитания, а также за счет общественного мнения и традиций.

Однако самурай должен был быть не только хорошим воином, но и духовно развитой личностью. «Обладающий лишь грубой силой не достоин звания самурая. Не говоря уж о необходимости изучения наук, воин должен использовать досуг для упражнений в поэзии и постижения чайной церемонии» [1].

В соответствии с принципами «Бусидо» самурай должен был быть верным своему господину и готовым пойти на самопожертвование ради него. Если перед воином вставал выбор между чувствами и долгом, то выбрать он должен был долг.

Также самураи отличались своей храбростью. Однако необдуманные действия и бессмысленный риск порицали.

Принимали свою смерть самураи с гордостью. Что доказывает следующий тезис из кодекса «Если на войне самурая случится проиграть бой и он должен будет сложить голову, ему следует гордо назвать своё имя и умереть с улыбкой без унижительной поспешности» [1].

Следуя из буддийских учений к жизни они относились как к небольшому эпизоду в нескончаемом процессе перерождения. Поэтому самураи не боялись смерти и относились к ней равнодушно, но с гордостью и без сожалений принимали ее.

Также известны самурайские воины своей вежливостью и скромностью перед своим господином. Одним из признаков вежливости служило то, что самурай при общении с господином не смотрел ему в глаза.

Многие постулаты кодекса «Бусидо» нашли свое отражение в мифологии и культуре. Хорошим пример может послужить случай вошедший в историю как «Поединок оружейников».

Действия происходили в XIV веке. Два оружейника вонзили свои катаны в дно реки так, чтобы лезвия были направлены против течения. Оружейник, клинок которого разрезал листья попадавшие на пути, признал свое поражение. Победил второй оружейник потому, что листья огибали стоящую в воде катану. А все из-за того что меч самурая считался оружием мира, оно должно останавливать войны, а не ее создавать.

Другим отличным примером мужества и гордости самураев служит «легенда о трех самураях». Легенда повествует о том, как принцессу Кими похитил князь тьмы Шимодо. На помощь ей пришли три самурая, которые пошли на хитрость. Притворившись, что согласились пойти на службу к Шимодо, они выкрали принцессу и вернули родителям. Узнав об этом, князь заточил их в подземелье. Однако самураи не могли позволить себе погибнуть такой бесчестной смертью и одновременно совершили харакири. Таким образом, три самурая спасли себя от позора [2].

Вывод. Можно увидеть, что самурайская идеология отличается своей уникальностью и неповторимостью. А самураи являются отличным примером мужественности, верности, гордости и неизменности своим принципам. Все эти события наложили свой отпечаток, не только на историю, но и культуру Японии. Моральные принципы самурайской идеологии нашли свое отражение во многих легендах и преданиях, которые известны и по сей день.

Список использованных источников

1. Идеология самурайства [Электронные ресурс] / Librero.ru. Режим доступа – http://www.librero.ru/sociology/ideologia_camuraictva
2. Легенды о самураях [Электронные ресурс] / Dream Worlds. Режим доступа – <http://dreamworlds.ru/flame/64888-legendy-o-samurayah.html>

Е. А. Счастливецва

Аннотация «Воспоминания» выдающегося русского философа XX века Н. О. Лосского (1870 – 1965) содержат немало интересных описаний фактов начала XX века, в том числе, и об Октябрьском перевороте 1917 года. Лосский не принял революции и на «философском пароходе» уехал из России в Прагу, где провел всю свою последующую жизнь. Мистическому восприятию Лосского была близка по духу поэма А. Блока «Двенадцать», где поэт не двусмысленно, но символически выражает главный пафос всех революционных дел: «без креста», а также надежду на будущее России, если она возродит Христа: «Впереди Иисус Христос!». Учение Лосского о мистицизме проникнуто верой в субстанциональных деятелей высшего порядка, которые сумеют солидаризироваться благодаря величайшей дружбе и любви друг к другу. Субъективные переживания философа дают яркую картину переживаний революционных лет большинством тех людей, которых мы называем высокой интеллигенцией, творческой интеллигенцией. Философ не просто описывает происходящие революционные события, он стремится объяснить их. Отдельные оценки Лосского совпадают с оценками этих событий некоторыми его современниками.

Abstract "Memories" by an outstanding Russian philosopher of the twentieth century, N. O. Lossky (1870 -1965) contain many interesting descriptions of the facts of the early twentieth century, in particular, about the October revolution of 1917. Lossky did not accept the revolution and the "philosophical steamship" left Russia for Prague, where he spent his entire subsequent life. Mystical perception Lossky was close in spirit to the poem by A. Blok "the Twelve", where the poet is not ambiguous but symbolically expresses the main pathos of all revolutionary deeds: "without the cross", as well as hope for the future of Russia if it will revive Christ: "in Front of Jesus Christ!". Lossky's doctrine of mysticism permeated with faith in the substantial figures of the highest order that will be able to identify thanks to the greatest friendship and love to each other. The subjective experience of a philosopher giving a vivid picture of the experiences of the revolutionary years, the majority of people whom we call the high intelligentsia, intellectuals. The philosopher does not simply describes the events of the revolutionary events, he seeks to explain them. Individual scores Lossky coincide with the assessments of these events, some of his contemporaries.

Философия Н. О. Лосского – это своеобразный пантеизм, когда даже индивидуальное я «имманентно всему», «все имманентно всему» в полной мере – таков лозунг пантеизма. Его «Воспоминания» – это не дань философскому учению, а ощущения человека, навсегда связавшего свою жизнь с философией и в то же время пытающегося не просто осмыслить свою жизнь, а как будто заново ее проживающего. Во всяком случае «Воспоминания» Лосского оставляют такое впечатление, как будто все, о чем пишет философ, происходило с ним вчера или накануне. В своих воспоминаниях Лосский оставил представляющее немалый интерес и заслуживающее внимание объяснение Октябрьской революции 1917 года. Память человека несовершенна, и если подходить к событиям давно минувшего с современных идеологических позиций, то многое выглядит совсем не так, как человеку казалось в прошлом. Известный вятский историк Запада Ю. М. Кузьмин так говорит о человеческой памяти: «При анализе прошлого необходимо придерживаться принципа историзма, который предполагает умение оценивать исторические события в контексте реальных исторических условий, с учетом конкретного уровня общественного сознания и массовой психологии» [2, с. 572]. В то же время индивидуалистический подход к событиям прошлого может быть не менее актуален, поскольку показывает восприятие жизни конкретного человека на фоне исторических событий и массовых переживаний, если так можно выразиться. Часто именно индивидуальное восприятие человека, имеющего «достоверное представление о своем прошлом» является ценным источником информации. Н. О. Лосский несомненно принадлежит к числу таких людей, чье прошлое не просто осмыслено философом, но и заново прожито им при написании «Воспоминаний».

Лосский не просто вспоминает, он пытается объяснить русскую революцию. Конечно, он проделывает это в жанре воспоминания. Философ вспоминает свою жизнь по годам, месяцам и даже конкретным дням, куда вплетаются наряду с личными событиями жизни так же и исторические явления. Революция, по мнению Лосского, вышла из мирной демонстрации 1905 года, которая была разогнана правительством в результате жестокого кровопролития. «... Толпа, в которой было много стариков, женщин и детей, не представляла серьезной опасности для правительства, имевшего наготове надежные войска. И если в составе правительства были лица, решившие произвести

кровапролитие с целью запугать народ и таким образом подавить революционное брожение в самом начале, то это было великое преступление, – говорит Лосский. – Расплатою за него через двенадцать лет была революция «без креста» и против креста, изображенная в поэме Блока “Двенадцать”. Там есть такие строки: «Гуляет ветер, порхает снег // Идут двенадцать человек // Винтовок черные ремни // Кругом огни, огни... // В зубах цигарка, примят картуз // На спину б надо бубновый туз! // «Свобода, свобода» // Эх, эх, без креста! // Тра-та-та! // Товарищ, винтовку держи, не трусь! // Пальнем-ка пульей в святую Русь – ... // И идут без имени святого // Все двенадцать – вдаль // Ко всему готовы // Ничего не жаль ...». Это было прямое попадание Блока и вслед за ним – прямое попадание Лосского в революцию. Блок в конце своей поэмы выражает надежду, что Христос еще вернется в Россию – «В белом венчике из роз // Впереди Иисус Христос!» [3, с. 140]. Надежды на будущее философ выражает в своем учении о субстанциальных деятелях, отношения между которыми в идеальном смысле должны скрепляться христианским чувством сострадания и любви.

После февральской революции философ пытается практикой поверять свое мистическое учение. Ему мистически казалось, что наступила анархия и разруха, одним словом – дезорганизация, и эти его опасения подтвердились. В апреле в Петроград приехал из Швейцарии Ленин и тотчас начал пропаганду против Временного правительства. Симпатии же Лосского были на стороне А. А. Корнилова, члена Центрального комитета партии «кадетов». С каждой неделей, после мая 1917 года, пишет философ, все яснее обнаруживалась неспособность правительства обуздать большевиков. Ему необходимо было опереться на какую-нибудь надежную власть, но Милюков этого не сделал. И тут Лосский рассказывает весьма показательную для Милюкова историю о том, как лидер партии кадетов отклонил предложение делегации Георгиевских кавалеров создать военный отряд для поддержки Временного правительства. В личной беседе с Милюковым Лосский выяснил причину такого поступка: она заключалась в том, что он не мог довериться случайно, как он считал, явившимся к нему людям. Причину неудачного похода генерала Корнилова философ усматривает главным образом в действиях Керенского; после этого похода большевики, руководимые Лениным и Троцким, свергли Временное правительство и захватили власть. Поначалу все думали, что эта власть пришла ненадолго, поскольку плохо верилось в возможность осуществления социализма «в экономически отсталой стране», да к тому же, новая власть состояла «из лиц, не знакомых с практикою государственной деятельности», потому и продержаться она могла не более двух-трех недель. «Однако, – пишет философ, – через три недели никаких сил для свержения большевиков не оказалось, и наша забастовка прекратилась» (Лосский имел в виду забастовку профессоров университета) [3, с. 176]. Творилось много безобразия, пишет он. Так, на одном концерте артист пел романс Рахманинова «Христос воскрес, поют во храме», «один из слушателей выстрелили в певца, но, к счастью, не попал в него». Был страшный голод. Его с семьей от смерти спасла американская организация АРА. «Лица, желавшие помочь голодающим, вносили в эту организацию десять долларов, указывая адрес, кому они хотели послать продовольствие. АРА доставляла по данному ей адресу трехпудовую посылку, содержащую в себе муку, рис, жиры, жестянки с молоком и т.п. драгоценные продукты. Наша семья, – пишет Лосский, – имевшая друзей в Западной Европе, стала получать ежемесячно такую посылку. Мы и многие другие интеллигенты таким образом были спасены от гибели» [3, с. 181]. Чтобы приобрести продукты, нужно было работать на новую власть, и многие интеллигенты того времени не могли это делать по идейным соображениям или, как например, Марина Цветаева, вообще были не приспособлены к суровым условиям времени и могли только писать. Лосский читал лекции в университете, и за это ему выдавали ароматную, свежеевыпеченную буханку хлеба, как и другим профессорам.

Приведу воспоминания об этих событиях пленного поляка Р. Дыбоского, поскольку они, в какой-то мере перекликаются с воспоминаниями Лосского. Он пишет, что бойкотирующая советскую власть интеллигенция смеялась над новой властью, так как надеялась на ее скорый конец. Принудительный труд введен не был (но, как мы знаем, кто не работает, тот и не ест). Но на Дальнем Востоке, который был зажиточным, за деньги можно было что-то купить, а большевики сразу значительно повысили зарплату всех низших функционеров, «посему пролетариату действительно сделалось не худо, а крестьяне даже вереницей тянулись из села в город на должности сторожей и швейцаров. Продуктовые нормы, которые продавались по карточкам в магазинах, были достаточно обильны, при этом, впрочем, карточную систему обходили и питались неплохо». Пленные поляки, к которым относился сам Дыбоский, «получали сахар из двух источников», от военной и гражданской властей как жители данного района, и «таким образом могли даже вспомоществовать знакомым польским семьям. «Помню, также как торопливо каждый из нас, проходя по пути в город или из

города мимо продуктового магазина, часто по несколько раз за день, покупал коробку сардин за рубль (ибо больше одной коробки никому в одни руки не продавали) – и целые груды этих коробок лежали у каждого из нас. Это были французские сардины из какого-то транспорта для войск Антанты, которые случайно попали в руки большевиков, – продолжает он. – Наши братья солдаты тогда, как ремесленники различных категорий – например, слесаря мастерских амурской флотилии – сколачивали совсем уже не плохие состояния и делались большими, чем мы, господами» [1. С. 121]. До осени 1921 года правительство не вмешивалось в преподавание философии, но потом Лосского все же исключили из университета, и за его «заслуги», что он был в старые времена атеистом, включили в число членов Научно-исследовательского института. Здесь постарался М. Н. Покровский – известный историк, который провел заседание кафедры философии, после которого кафедра философии Петроградского университета совершенно была разгромлена: были удалены все приват-доценты и два профессора – Лапшин и Лосский. Оставлен только А. И. Введенский и был введен некто Боричевский, имевший, по мысли Лосского, сомнительные познания в области философии. В 16 августа 1922 года Московское правительство по всей России произвело аресты видных ученых, писателей и общественных деятелей. Террор становился все более жестоким во время гражданской войны. Однако, например Роман Дыбоский писал, что террора было относительно мало, хотя, впрочем, хватало внезапных как гром среди ясного неба обысков и арестов, а также длительного содержания в тюрьме без следствия: но расстрелов Дыбоский помнит немного; самым выразительным случаем было убийство без приговора одного очень популярного в Хабаровске молодого штабного офицера, который встал во главе союза бывших фронтовиков, организации «не лишенной политической антибольшевистской окраски» [1, с. 121]. Лосский приводит такой факт: «Комиссар, перелистывая тетрадь, тыкал пальцами наугад на ту или другую строку списка»; «на чье имя случайно попадал палец, тот и подлежал расстрелу». Нечто подобное я наблюдала в художественном фильме про знаменитого хирурга и священника Войно-Ясенецкого.

Однажды Лосский читал лекцию: «Бог в системе органического миропонимания». Ему стал возражать доктор медицины Шапиро. Он сказал следующее: «Профессор Лосский» «излагал туманное мистическое учение о Боге. К чему все это? Вопрос решается очень просто: материя есть Бог. В самом деле, подумайте только, какими удивительными свойствами она обладает. Ласточка, например, вьет свое гнездо инстинктивно, не обучаясь этому искусству; своих птенцов она вместе с самым кормит, не жалея своих сил». Слушая это упрощенное решение вопроса о Боге, интеллигенты, сидевшие в первых рядах, не смогли удержаться от смеха. Доктор Шапиро обиделся: «Я много читал лекций в народных университетах, и никто не встречал их смехом» [с. 179]. Это было до отправки Лосского за границу в 1922 году на знаменитом «философском пароходе». Лосский выбирает Прагу, и это уже другая история.

Список использованных источников

1. Дыбоский Р. Семь лет в России и в Сибири... // Родина. 2017. № 11. С. 120–123.
2. Кузьмин Ю.М. Чехословакия 1968 года глазами советского солдата, ставшего историком // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 201. С. 571–590.
3. Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 116–190.

Топуз Мемет Ахтем оглы

РЕВОЛЮЦИЯ КАК РЕАКЦИЯ ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА НА РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. *Вопросы революции и роль народа в них поднималась в учениях К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», «Анти-Дюринг». Также, данный вопрос описывал Ленин В.И. в своем труде «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». Однако роль общества в революциях, взаимосвязь народа и политической системы всё еще в полном мере не изучены и требуют дальнейшего рассмотрения.*

Общество является своего рода индикатором состояния среды, которая создается политической системой. Любые изменения в правовой, экономической, политической конъюнктуре осуществляют прямое воздействие на широкие массы и от степени одобрения нововведений во многом зависит состояние всей политической системы. Непринятие обществом реального положения вещей в политической системе влечет за собой социальные волнения. В зависимости от

уровня обеспокоенности в обществе процесс в последующем может перерасти в один из типов политических изменений: политическую реформу, государственный переворот, революцию.

В данном контексте революция рассматривается как эффективный инструмент резкой смены политической системы и возможность коренной перестройки экономического и социально-политического строя в ускоренном темпе, с целью достижения прогресса.

Ключевые слова: революция, общество, политическая система.

Annotation. Society is a kind of indicator of the state of the environment, which is created by the political system. Any changes in the legal, economic, political conjuncture have a direct impact on the broad masses and the degree of approval of innovations largely determines the state of the entire political system. The failure of society to take the real state of things in the political system entails social unrest. Depending on the level of concern in society, the process can subsequently develop into one of the types of political change: political reform, coup d'etat, revolution.

In this context, the revolution is seen as an effective tool for a sharp change in the political system and the possibility of a radical restructuring of the economic and socio-political system at an accelerated pace, with the aim of making progress.

Key words: revolution, society, political system.

Общественная жизнь, полностью пронизанная элементами политической системы: государство, общественные и государственные институты, нормы права, политические партии и объединения, - так или иначе, сама становится естественной средой для политического процесса.

Весь политический процесс происходит в рамках политических систем, каждая из которых действует обособленно, создавая в целом единую общемировую макрополитическую систему. Политические системы неустойчивы и подвержены постоянным изменениям. В процессе своего функционирования на них оказывают влияние политические процессы, являющиеся импульсами деструктивного воздействия среды. Результатом воздействия данных импульсов, в одних случаях является приспособление системы к новым условиям, а в других - происходит её разрушение, как следствие неспособности к адаптации. В данном контексте место революции отводится к случаю, когда после краха существующей системы власти происходят длительные реконструкции во всех общественных, политических, экономических звеньях, связанные с изменением внутренней структуры, тотальными преобразованиями, вплоть до основ структуры.

На сегодняшний день единого универсального определения понятию «революция» не существует, однако обобщение определений позволяет заключить, что это коренное преобразование действующей системы с явным разрывом от предыдущего состояния, посредством качественных изменений, сопровождающихся скачкообразным развитием.

Известнейший исследователь революционного процесса Шмуэль Эйзенштадт выделяет три отличительные черты революции как типа политического изменения[1]:

- применение насилия;
- новизна;
- всеобъемлющий характер преобразований.

Общество как элемент политической системы является естественным двигателем революционных настроев. Существенно ожесточенная и не учитывающая интересы общества политическая система формирует в глазах народа негативный образ, тем самым провоцируя импульсы внутренней среды, в данном случае представленные обществом, прибегать к активной фазе выражения своей неудовлетворенности средой, сформированной данной политической системой.

Особенностью политических изменений посредством революций является их постепенно назревающий характер. Это связано с принципом революции - коренная перестройка. В отличие от государственного переворота, где сменяется лишь аппарат управления и могут обновиться отдельные элементы системы, при революции происходит смена системы с её основания. Если государственный переворот может происходить систематично, в связи с профессиональными ошибками аппарата управления системой, нерациональностью принятия отдельных решений, влекущих недовольства в народе, то необходимость в смене системы посредством революции может возникнуть лишь после осознания всех особенностей действующей системы, что невозможно за короткий промежуток времени в силу громоздкости политической системы.

В период революции естественный порядок и законы жизнедеятельности нарушаются и приобретают неуправляемый характер. В этой связи состояние революции справедливо отождествлять

с понятием чрезвычайного положения. Согласно распространенному мнению чрезвычайное положение является «точкой, в которой нарушается равновесие между публичным правом и политическим фактом». В рамках состояния революции его можно трактовать как управленческую парадигму политической системы.

Поскольку революция является чем-то противоположным нормальному общественному порядку, принятие решения о чрезвычайном положении как о непосредственном ответе государственной власти на самые острые внутренние конфликты оказывается в своеобразной зоне неразличимости [3]

Одним из инструментов смягчения революционных настроев в обществе служат реформы. Данный способ удовлетворения потребности в совершенствовании институтов и политических процессов позволяет придерживаться ненасильственного и плавного пути развития политической системы с сохранением действующей политической системы и аппарата его управления.

Политика имеет дело всегда с конкретными событиями и ситуациями, но не меньшее значение имеют политические убеждения и ценности, а также теоретическая основа [2]. Основные идеи и принципы концепций, использующихся при управлении политическими системами играют ведущую роль при рассмотрении их взаимоотношений с обществом.

С помощью общественных революций ликвидируются издержки старой системы, которые сдерживают процесс реформации в рамках нового строя. В период революций намного расширяется объем и содержание социального творчества. Всё, что противоречит целям и идее революции сметается ею, а личности, неспособные к революционной борьбе – отсеиваются. Лишь те, кто, влившись в течение событий, всячески благоприятствует их продвижению, растет, закаляется и развивается в этой борьбе. Происходит величайшая переделка людей, их личностных качеств, социальных статусов и положений в обществе.

Таким образом, революции выступают выражением сущности естественноисторического процесса развития общества. Они имеют всеобъемлющий, закономерный характер и являются принципиальными изменениями, свершающимися в истории человечества. Первопричиной этих процессов служит отношение общества к объективной реальности.

Список использованных источников

1. Бусыгина И.М., Революция // Вестник Московской школы гражданского просвещения «Общая тетрадь». 2007 №1 (40)
2. Корсунский А.Г., Политический дискурс в работах современных французских философов // Дискурс-Пи. 2016. №1. С.108-111
3. Джорджо Агамбен «Homo sacer. Чрезвычайное положение». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/102012/18102012-04a.html>

Царина М. А.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В КРЫМУ 1920г.

В данной статье рассматриваются причины поражения Белого движения в Крыму, в конце 1920 года. А также, рассматривается политическая и идеологическая деятельность П. Н. Врангеля в организации и управлении белой армии на крымском полуострове и ее эвакуации.

Ключевые слова: П. Н. Врангель, белое движение в Крыму, поражение белой армии, русская армия, эвакуация из Крыма.

This article examines the reasons for the defeat of the White Movement in the Crimea, at the end of 1920. And also, political and ideological activity of PN Wrangel is considered in the organization and management of the White Army on the Crimean peninsula and its evacuation.

Key words: PN Wrangel, white movement in the Crimea, defeat of the White Army, Russian army, evacuation from the Crimea.

Постановка проблемы. Причины поражения белого движения в Крыму связаны со многими факторами. В первую очередь, следует отметить то, что единого мнения по данному вопросу нет. Причины поражения по большей части имеют материальный характер, сюда следует отнести постоянные поражения в битве с красной армией из-за нехватки ресурсов и как следствие истощение сил русской армии. Но есть и не материальный фактор определивший проигрыш белой армии – это

слабая идеологическая составляющая. Если на первых этапах белое движение использовало позитивную идею, где ставило перед собой две основные цели. Первое – это спасти государство от разрушения и развала на мелкие части, и второе – не допустить разгрома русской армии. Отсутствие четких монархических лозунгов в 1920 году, несомненно, повлияло на идеологическое ослабление позиций белого движения. Главный лозунг в начале Гражданской войны, который использовали белые, звучал так: «Россия единая и неделимая». Есть разные вариации, например как «Великая и Единая России» и «Великороссия», где подчеркивалось именно целостность страны. Но Врангель попытался в 1920 году отойти от данного курса «Единой и неделимой России» и всем нам известно, чем это кончилось. Петр Николаевич Врангель являлся руководителем Правительства Юга России. Данное правительство возникло в Севастополе в начале 1920 года как совет начальников управлений, затем — Совет при главкоме ВСЮР Петре Врангеле. В августе Совет получил наименование «Правительства Юга России», официально признанного Францией 10 августа 1920 года. В дальнейшем Правительство Юга России показало свою неспособность, в боях с красной армией, и не смогло удержать власть, тем самым потерпев полное фиаско. И белая армия во главе с генералом П. Н. Врангелем была вынуждена покинуть Крым.

В настоящее время нет однозначной оценки деятельности Врангеля как главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Но стоит отметить то, что «черный борон», несомненно, знал, что делает и, естественно, пытался найти самые оптимальные решения, для того, чтобы ответить на те исторические вызовы, которые встали перед Россией после октября 1917 года.

Все же следует окончательно выделить основные причины, из-за которых пришлось эвакуировать белую армию из Крыма. А также, более детально и со всех сторон рассмотреть значение и роль Врангеля, в организации данного процесса. Поэтому, следует беспристрастно и объективно проанализировать основные этапы эвакуации белого движения из Крыма, и дать оценку организованности данной операции.

Цель статьи. На основе изученных материалов, выявить и выделить основные причины поражения белой армии в Крыму в конце 1920 года и проследить этапы эвакуации белого движения. А также, осветить роль и значение действий Врангеля.

Изложение основного материала.

Первое что следует отметить, это дата 11 ноября 1920 года, когда генерал П. Н. Врангель, главнокомандующий Русской Армии, отдал приказ об эвакуации Крыма. Главная причина, из-за которой был издан этот приказ – это поражением белых на Перекопе. И всем нам подлинно, известно, что 8 ноября командующий южным фронтом Михаил Фрунзе начал решительный штурм укреплений Перекопа. В самый лоб белые позиции атаковала 51-я дивизия Василия Блюхера, которая, кстати, из всех красных соединений и частей понесла самые большие потери в Крыму. В то же время 20-тысячный красный десант форсировал Сиваш. В ходе боя этот десант занял передовые укрепления белых, но продвинуться дальше Литовского полуострова не смог, и был остановлен артиллерийским огнём и подоспевшими подкреплениями. В течение 8 - 11 ноября непрерывные атаки красных сменялись контратаками наиболее доблестных белогвардейских частей, однако, переломить ситуацию белые уже не смогли: Фрунзе собрал против них куда более мощные силы, которые насчитывали более 200 тысяч бойцов, в том числе 40 тысяч человек конницы.

Врангель, все же, предусмотрел такой исход событий еще задолго до 11 ноября. План по эвакуации Крыма «черный борон», приказал составить сразу же после своего вступления в должность, тем самым памятуя о недавней Новороссийской катастрофе. И хотя в октябре 1920 года правительство Крыма продолжало заседать, а тыл жил своей обычной жизнью, хотя слышались разговоры о скором падении Советской власти, против которой ожидалось массовое восстание крестьян, эвакуация стала неизбежной после того, как врангелевские войска вынуждены были отойти из Северной Таврии в Крым. Плюс добавлялось и то, что имевшихся на полуострове запасов зерна с трудом хватило бы до марта, а потом населению и армии грозил бы голод [2].

Собственно, летний бросок в Северную Таврию и был попыткой решить продовольственную проблему, избежать голода, который грозил Крыму в случае зимовки там белой армии. Врангель попытался сделать южную Украину своей базой (с этой целью даже рассматривался вопрос об объявлении украинского языка вторым государственным на всей территории России после победы Белого Движения), однако его войска оказались обескровлены в непрерывных боях, а поражение под Каховкой заставило отступить в Крым. Штурмовать Перекоп красные тогда не решились, однако, неизбежность эвакуации представилась Врангелю со всей очевидностью.

В портах Крыма с самых первых дней командования Врангеля постоянно держалось необходимое для эвакуации количество судов. Поддерживался неприкосновенный запас угля, машинного масла и провианта. Прибывшие осенью 1920 года в Крым корабли союзников, доставившие белым зимнее обмундирование, также оказались весьма кстати.

«Армия прикроет отход», - обещал в своём приказе Врангель. И армия не подвела своего главнокомандующего. Бои на Перекопе отличались отчаянным упорством с обеих сторон. *«Был один сплошной и очень упорный бой, днём и ночью. Время спуталось. Может быть всего несколько дней, вероятнее, неделю, а может быть и десять дней. Время казалось нам вечностью в ужасных условиях»*, - писал непосредственный участник событий белый поручик-артиллерист Сергей Иванович Мамонтов [3].

Под прикрытием белой армии Врангель отдал приказ грузить на корабли лазареты и провиант, при этом, не объявляя общей эвакуации. Это в свою очередь позволило избежать паники среди мирного населения портовых городов, тем самым погрузка шла в полном порядке. Генерал Яков Слащёв-Крымский предлагал, правда, Врангелю дать красным последний бой на самом полуострове уже после прорыва перекопских укреплений [2], однако, его мнение не было поддержано ни Врангелем, ни Кутеповым - такой бой неизбежно породил бы хаос и помешал бы планомерной эвакуации.

11 ноября оборона Перекопа пала. В этот же день Врангель объявил о начале общей эвакуации. Армия получила приказ оторваться от противника и идти в порты для погрузки. Погрузка войск вместе с мирными жителями, опасавшимися оставаться под игом большевиков, происходила в пяти портах Крымского полуострова - Севастополе, Керчи, Ялте, Евпатории и Феодосии. О том, как приняла приказ об эвакуации измотанная боями армия, свидетельствовал С.И. Мамонтов: *«Мы были в таком состоянии усталости и оцепенения, что приняли почти с облегчением ужасную весть: уходим грузиться на пароходы, чтобы покинуть Россию»* [4].

Белые войска уходили, сохраняя в неприкосновенности мосты и тоннели, порты, склады продовольствия и амуниции, береговые батареи, Севастопольский морской завод и Качинскую авиационную школу со всеми самолетами. Сохраняя все это для будущей России [1]. С кораблей, чтобы освободить места для армии и беженцев, сбрасывались все лишние грузы, включая даже боеприпасы. Размещались вплотную. Достаточно сказать, что на миноносце "Грозный" при штатной численности команды 75 человек, в море ушло 1015 человек.

Практически все историки, говорящие об эвакуации белого Крыма, подтверждают, что она происходила организованно и сравнительно спокойно. Порядок поддерживался специально сформированными командами из юнкеров и казаков. И поэтому паники нигде не было. Белые смогли выполнить приказ своего главнокомандующего и оторваться от противника. 12 ноября красные заняли Симферополь, 13 ноября состоялось последнее заседание врангелевского правительства, а 14 ноября погрузка белых войск, беженцев и учреждений в Севастополе завершилась. Главнокомандующий генерал П.Н. Врангель произнёс проникновенную прощальную речь перед юнкерским караулом, и в 14-40 катер с главнокомандующего отошёл от пристани, чтобы доставить барона на крейсер «Генерал Корнилов». На этом крейсере Врангель обошёл все порты погрузки, для того чтобы проверить, как идёт эвакуация.

С 13 по 16 ноября корабли стали вытягиваться в море. Всего Крым покидало 126 судов, на которых находились 145 693 человека, из которых примерно 29 000 - были гражданскими беженцами [3]. Одним из последних Крым покинул Врангель.

«Образцовая и правильно организованная эвакуация» подошла к концу. Впрочем, сам Врангель справедливо отмечал: *«Всякая эвакуация является исключительно трудным делом. Эвакуация же из Крыма 160 тысяч человек при крайне неблагоприятных условиях, под угрозой наступающего противника, представляла особенно трудную операцию. Конечно, несмотря на блестящую работу всех ответственных лиц, возможны были, по различным причинам, отдельные недочёты, но в общем, они явились исключением»*. Конечно, бывало всякое. Не обошлось, как при всяком отступлении, без мародёрства. Бывали случаи самоубийств белых офицеров, которым не хватило терпения дожидаться погрузки [2].

А уже с 17 по 21 ноября корабли стали прибывать в Константинополь. Где белое движение и русские беженцы столкнулись с разными трудностями и были вынуждены заново создавать и устраивать свою жизнь, но это уже другая история.

Выводы и предложения. Таким образом, рассматривая борьбу идей и лозунгов белых и красных во время всей Гражданской войны, следует отметить, что идеологически победили

большевики. Их лозунги и установки о прекращении Первой мировой войны и возобновлении дальнейшей мировой революции, понравились огромному количеству людей. Белые, в свою очередь, защищались своим самым существенным лозунгом «Великой и Единой России», который они понимали как восстановление и соблюдение территориальной целостности Российской империи, в довоенных границах 1914 года. А «целостность» воспринималась ими как тождество понятию «Великороссия». Отошел от данного общепризнанного вектора «Единой и неделимой России» всем нам известный барон Врангель, а его помощник по внешним связям П. Б. Струве заявлял, что «Россия должна строиться на федеративных началах, путём свободного соглашения создавшихся на её территории государственных образований».

Однако находясь в эмиграции, многие белые сожалели, что не смогли создать и сформировать более убедительные и актуальные политические идеи, лозунги и установки, учитывающие изменения российских реалий.

Таким образом, мы видим, что существуют две главные причины, по которым Врангель был вынужден издать приказ об эвакуации белой армии из Крыма. Это понимание идеологического поражения белой армии. А в материальном плане – это все более частые поражения и огромные человеческие потери в битвах с красными, и последней каплей было то, что белым пришлось отойти из Северной Таврии. Отсюда вытекает нехватка ресурсов и как следствие голод, который грозил Крыму в случае зимовки там белой армии. Стоит отметить добросовестный подход Врангеля к операции по эвакуации белой армии. Он смог за очень короткий промежуток времени эвакуировать более 145 тысяч человек. Благодаря его своевременным действиям и правильно выстроенной системы эвакуации, которая проходила в пяти портовых городах Крыма, все происходило организовано, тихо и спокойно. Он подошел к решению данных проблем с полной отдачей и, несомненно, заслуживает наше с вами признание.

Список использованных источников

1. Прокопенков, В. Н. Крестьянников, В. В. Зубарев, А. А. Севастополь. 1920. Исход. — 1-е. — Симферополь: Салта, 2010. — 352 с.
2. Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920. Мемуары и документы. Предисловие А.Г. Кавтарадзе. М., 1990. С. 21-24.
3. Челышев, Е. П. Исход на юг // Пространство и Время. 2013. №1 (11). – С. 76-87.
4. Данилин, А. Б., Евсеева, Е. Н., Карпенко, С. В. Гражданская война в России (1917 1922) // Новый исторический вестник. 2000. №1. – С. 11-38.

Шрамко Т. Н.

ИГРАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЧЕЛОВЕКУ ЗАБЛУДИВШЕМУСЯ

Аннотация. Рассмотрев труд Йохана Хейзинга «Homo ludens» можно прийти к следующему выводу, что весь мир окружающий нас и все, что происходит с нами, подчиняется законам игры, точнее это и есть игра со своими правилами и порядками. Раскрыв суть игровой концепции Йохана Хейзинга можно понять, что игра – это преобладающий феномен человеческой жизни. Основными положениями этого подхода являются: свобода, узкая обособленность, неизменный ход игры, наличие неизменных правил.

Ключевые слова: человек играющий, массовая культура, элитная культура, ценности, интеллектуальная деятельность, свобода

Annotation. Considering labour of Йохана Хейзинга "Homo ludens" I came to the conclusion, that the whole world surrounding us and all, that takes place with us, repaired to the laws of game, more precisely it and there is a game with the rules and orders. Exposing essence of playing conception of Йохана Хейзинга we understand that it is the prevailing phenomenon of human life. The substantive provisions of this approach it is been: freedom, narrow apartness, unchanging motion of game, presence of unchanging rules.

Keywords: a person playing, mass culture, elite culture, values, intellectual activity, freedom

Введение:

в данной работе рассматривается концепция познания мира через игровые подходы в работе Йохана Хейзинга «Homo ludens».

Цели и задачи исследования:

1. Проанализировать труд «Homo ludens».
2. Раскрыть суть игровой концепции Йохана Хейзинга.
3. Охарактеризовать основные положения данного подхода.

Методика исследования: анализ работы Йохана Хейзинга «Homo ludens».

Результаты исследования: Мы живём в мире, в котором потеряны ценностные ориентиры. Этот процесс начал набирать силу на рубеже XIX-XX столетий и был в свое время описан О. Шпенглером в книге «Закат Европы» [4]

Положение современного общества свидетельствует о том, что в истории появился новый тип «человека заблудившегося», пришедшего на смену «человеку разумному». Основной и характерной чертой такого человека является природная расположенность к подмене высших смыслов, не только отказ от духовных устоев и традиций, но и осознанное их отрицание и преодоление, отсутствие воли к интеллектуальной деятельности, выраженной в неумении делать простые заключения и выводы, что в итоге приводит к разрушению единства человека и вселенной, человека и истории, человека и культуры.

Изменение духовной основы социальной жизни привело к созданию феномена «массовой культуры», которая захватила все сферы человеческой жизнедеятельности от интеллектуальной и экономической до нравственной и художественной, что привело в конечном счете к девальвации ценностей [2].

Анализируя кризисное состояние современной культуры можно противопоставить так называемой «массовости» такую культуру, которая создает и творит иную реальность – духовную. Это уже «элитарная» культура, которая может быть сосредоточена в игровой деятельности, противопоставляющей себя упрощенной и усредненной массовой культуре. Концепция игровой культуры является одной из самых распространенных культурологических концепций нашего времени.

Первым к изучению понятия игра в ее сущностном проявлении приступил нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинга. Он опубликовал в 1938 году трактат «Homo ludens», что означает «Играющий человек» [3]. Эта работа и по сегодняшний день остается основой для изучения игровой концепции культуры. Й. Хейзинга дает совершенно новое определение игры. По его мнению, «...можно со всей решительностью заявить, что человеческая цивилизация не добавила никакого сколько-нибудь существенного признака в понятие игры вообще». [3, с. 5] Но при этом игра – это не только основа человеческой деятельности, но и культуры в целом: «Игра рассматривается здесь как явление культуры, не как – или не в первую очередь как – биологическая функция, и анализируется средствами культурологического мышления» [3, с. 10] Игра не поддается никакому анализу, никакой логике или осмыслению. Но при этом ее нельзя отрицать, по словам Й. Хейзинга: «Игру нельзя отрицать. Можно отрицать почти любую абстракцию: право, красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьезность. Игру – нельзя» [3, с. 6]. Она напрямую связана с нашей жизнью и является неотъемлемой ее частью. Игровая деятельность сопровождает жизнь людей на всех этапах развития общества. Еще до того, как зародилась культура и стала одной из важнейших ценностей, игра уже существовала. И мы можем с уверенностью сказать, что именно игра породила культуру, а не наоборот.

Так как игра появилась за долго до культуры и всегда была тесно связана с ней, можно предположить, что многие игровые действия порождали культурные ценности. С игрой также связаны такие проявления культуры как культ. Й. Хейзинга о культе говорил следующее: «Раннее общество совершает свои священнодействия, которые служат ему залогом благополучия мира, свои освящения, свои жертвоприношения, свои мистерии в ходе чистой игры в самом прямом смысле этого слова». [3, с. 7] Что было связано с понятием священной игры, так это такие виды искусства как музыка, живопись и танец.

Игра – это совершенно естественный процесс, не имеющий сценария и позволяющий увидеть истинную природу и суть вещей, но при этом пишет Й. Хейзинга: «Внутри игрового пространства царит собственный, безусловный порядок». [3, с. 28]. Так наблюдая за играми животных, мы можем восхищаться их природной хитрости, изяществом и красотой, которую они проявляют в игре, а ведь их никто не учил этому.

По мнению Й. Хейзинга через игру мы познаем мир и культуру. Например, когда человек готовится к выступлению он проигрывает в своем уме ситуацию, читая текст в слух и проговаривая свои движения. Маленькие дети неосознанно осуществляют свои движения в игровой форме, что

говорит о том, что познание мира для них это тоже своеобразная игра. Любой вид деятельности, которым занимается человек – это игра по установленным правилам.

Й. Хейзенга считал: «Всякая игра есть прежде всего и в первую очередь свободное действие. Игра по принуждению уже более не игра. Разве что – вынужденное воспроизведение игры» [3, с. 18].

Игры могут быть очень разными, но сказать, о том, что та или иная игра является плохой или хорошей мы не можем, так же как не можем судить о тех или иных поступках человека, являются ли они нравственными или безнравственными, но можем сказать с уверенностью – эти поступки подчиняются определенным правилам игры. Нравственные не изменяют ход игры, а помогают ей продвигаться вперед, делают ее более комфортной для себя, и она становится все прекраснее. Безнравственные же наоборот усугубляют ход игры, разрушают ее, делают непригодной для продолжения.

Как говорил Й. Хейзинга: «Стоит лишь отойти от правил, и мир игры тотчас же рушится. Никакой игры больше нет» [3, с. 30] Нарушая правила, мы нарушаем течение и ход игры, порождая войны, конфликты, разногласия. Все в мире взаимосвязано и каждый наш поступок влияет на нашу жизнь, а точнее на игру которую мы ведем изо дня в день.

Каковы же основные условия игры, которые предлагает Й. Хейзенга?

Первое и необходимое условие – свобода, которая исключает всякого рода насилие.

Второе условие – узкая обособленность, что предполагает наличие четких границ места и времени.

Третье условие – неизменный ход игры, некий стройный порядок, в котором можно усмотреть гармонию и красоту.

Четвертое условие – игра должна быть напряженной, так как участники проверяют свои физические, умственные, духовные и моральные способности.

Пятое условие – наличие понятных, неизменяемых и неопровержимых правил, нарушая которые участник разрушает мир игры.

При наличии и соблюдении этих правил игра идет своим чередом, часто сливаясь и переходя в повседневную жизнь. Й. Хейзинга пишет: «Исключительность и обособленность игры проявляется самым характерным образом в таинственности, которой игра любит себя окружать» [3, с. 31]

Иногда можно даже спутать обычную жизнь с игровой деятельностью. Успех игры всегда заключался в победе, достижении успеха. Желание выиграть превзойти своего соперника является естественным для всех живых существ. Но это стремление успеха не нарушает концепцию игры только в том случае, если это желание не алчно и не эгоистично. То есть оно подчиняется правилам и не выходит за их рамки.

Выводы: Таким образом можно сказать, что игра – это наша жизнь, а жизнь – это игра. По словам Й. Хейзинга: «Игра не есть «обыденная жизнь» и жизнь как таковая. Она скорее выходит из рамок этой жизни во временную сферу деятельности, имеющей собственную направленность» [3, с. 24]. Мы живем подчиняясь правилам общества, нарушая их попадаем в другую игру уже с новыми правилами.

Йохан Хейзинга в своем трактате изложил суть игры, ее появление и связь не только с культурой, но и с жизнедеятельностью людей. Он описывал проявления игры с древних времен и до наших дней. И если в древнем мире игры были примитивны, но они хорошо обучали и помогали человеку приспособиться к жизни, то наблюдая за ходом истории мы можем сказать, что с каждой эпохой вновь возникающие игры все более усложнялись и преобразовывались, становились более изысканными и неповторимыми.

Поэтому, опираясь на игровую концепцию Й. Хейзенга мы смело можем сказать, что игра – это важнейший феномен человеческого бытия.

Список использованных источников

1. Бодрийар Жан. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийар. – К.: Изд-во Соломї Павличко, «ОСНОВИ», 2004. – 230 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2003. – 509 с.
3. Хейзенга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзенга; пер. с нидерл. В. Ошиса. – М.: АСТ, 2004. – 539с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1.: Гетшалт и действительность / О. Шпенглер; пер. с нем., вступ. Ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 663с.

5. Эвола Ю. Оседлать тигра / Юлиус Эвола; пер. с итал. В. В. Ванюшкиной. – СПб.Изд-во „Владимир Даль”, 2005. – 510 с.

А. В. Юн

ЧЕЛОВЕК И НАРОД В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Любая революция – это тяжелое время, тяжелые условия, которые так или иначе влияют на отдельного человека, его мировоззрение и народ в целом. Но нельзя рассматривать революционные движения, каких бы они масштабов не были, только как что-то одностороннее, негативное, ведь в истоках каждого подобного действия лежит идея. Идея перемен, идея лучшей жизни, что дают как отдельному человеку, так и всему народу надежду, способствует укреплению духа, единству людей. Именно с точки зрения сущности и воздействия революции на жизнь людей – важное исследование для понимания человека в социальном обществе, и понимания общества.

Annotation. Any revolution is a hard time, difficult conditions that somehow affect an individual, his worldview and the people as a whole. But it is impossible to consider revolutionary movements, no matter what scale they are, only as something one-sided, negative, because in the origins of each such action lies the idea. The idea of change, the idea of a better life, which gives hope to both the individual and the whole people, helps to strengthen the spirit, the unity of people. It is from the point of view of the essence and impact of the revolution on people's lives that it is an important study for understanding a person in a social society and understanding society.

Русская революция (Великая русская революция) – условное название революционных событий, произошедших в Российской империи (России) в 1917 году, начиная со свержения монархии во время Февральской революции, когда власть перешла к Временному правительству, которое, в свою очередь, было свергнуто в результате Октябрьской революции большевиков и их временных сторонников, провозгласивших власть Советов (советскую власть) [1].

С момента начала Русской революции прошло уже 100 лет, но до сих пор о ней помнят, ее обсуждают, о ней говорят. События, которые происходили в данный период не остались без внимания не только российских исследователей, политологов, но и зарубежных деятелей, ведь именно Великая русская революция считается одной из великих и важных событий XX века.

По моему мнению, данное событие до сих пор является актуальной темой для обсуждений из-за отношения людей к нему, из-за его важности для отдельной семьи, человека, русских людей. «Человек» в контексте Русской революции выступает элементом огромной системы, которая функционирует по определенным законам, преследует определенную цель, закрепляет определенные методы. Но если рассматривать отдельного человека в этой системе, можно наблюдать, что значимость у каждого разная, ведь кто-то руководит системой, кто-то выполняет приказы, кто-то является тем, из-за кого все началось, кто-то следует общей идеологии, а кто-то выбирает этот путь исходя из собственных целей. В том, или ином случае, именно «Человек» является предпосылкой, источником, следствием и самой революцией, ведь именно он – двигатель всех происходящих в обществе процессов. Следовательно, возникает необходимость исследования, ознакомления с основными деятелями-участниками Великой русской революции, для понимания разносторонности «Человека», представленного как инструмента механизма в системе революционных процессов.

Один из авантюристов революции и Гражданской войны, большевик Антонов-Овсенко В. А. Лично арестовал последних министров Временного правительства. Шёл по жизни весьма зигзагообразно, сочетая службу в царской армии в чине подпоручика с революционной работой. Поступив в военное училище, он отказался давать присягу на верность царю, после чего был арестован. Через какое-то время снова поступил в другое военное училище, и к присяге всё-таки был приведён. Во время русско-японской войны попытался поднять восстание, затем дезертировал и два раза арестовывался, бежал с царской каторги. За семь лет сменил три социал-демократические фракции, побывав меньшевиком, меньшевиком-интернационалистом и, наконец, присоединился к большевизму [1].

Один из основных организаторов подавления левозеро-матейского мятежа, большевик Подвойский Н. И., участник захвата особняка Кшесинской в феврале 1917 года, участник штурма

Зимнего дворца и подавления выступления Керенского-Краснова. В качестве председателя Высшей военной инспекции стал одним из основателей регулярной Красной армии [1].

Владимир Ильич Ульянов – российский революционер, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), главный организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 года в России, первый председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства [1].

Иосиф Виссарионович Сталин. Одержав верх во внутрипартийной борьбе за власть, завершившейся к концу 1920-х годов разгромом оппозиционных течений, Сталин взял курс на форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию сельского хозяйства для осуществления перехода в кратчайшие сроки от традиционного аграрного общества к индустриальному путём всемерной мобилизации внутренних ресурсов, сверхцентрализации экономической жизни и формирования в СССР целостной командно-административной системы [1].

Таким образом, разнообразие целей, деятельности и вкладов в революционные процессы, «Человек» причина и следствие всему, вне зависимости от того, какой это человек: руководитель или подчиненный, военные или простой житель; тот, кто участвовал или, кто родился после революции. И самое важное, что «Человек» – это элемент народа, его составляющая часть, и поведение народа, его жизнь, его мировоззрение, его понимание состоит из совокупности жизней каждого отдельного человека.

Список использованных источников:

1. «Великая русская революция» [Электронный ресурс] Свободная энциклопедия «Википедия» – режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>

СПИСОК АВТОРОВ

АБДРАХМАНОВА Гаухар Сатыбалдиновна, кандидат исторических наук, доцент Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан E-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru тел. 87476730790

АРПЕНТЬЕВА Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, e-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

АТИК Аниса Ахмедовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте. E-mail: anisatun@mail.ru, тел. +79787826866

БАБИЙ Владислав, курсант 2 курса 21 взвода отделения «Правовое обеспечение национальной безопасности» Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, научный руководитель ЧУДИНА-ШМИДТ Н. В., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

БАГАУТДИНОВ Никита, студент 4 курса Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанского (Приволжского) федерального университета; электронная почта nikita.bagautdinov@mail.ru

ГАЙКИН Виктор Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Японии и Кореи, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток.

ГОЛУБИР Яна Сергеевна студентка 2 курса, направление подготовки: 38.03.01 «Экономика». Профиль подготовки «Финансы и кредит»

ГОЛУБНИЧИЙ Руслан Васильевич аспирант кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте контактный телефон (мобильный): +7(978) 877 63 21

ГОНЧАРОВА Ксения Олеговна, студентка 4 курса Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанского (Приволжского) федерального университета; тел.: 89370036350, электронная почта goncharova.xenia@gmail.com

ГРАЧЕВ Владимир Иннокентьевич, доктор культурологии, профессор кафедры философии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, член – корреспондент Петровской Академии Наук и Искусств, член Международной Ассоциации искусствоведов (АИС). Адрес: 192238 Санкт – Петербург, ул. Бухарестская, д. 72, корп. 2, кв. 149, м.тел. 89062722725 ; vig1947@mail.ru

ЕРЗАУЛОВА Анна Геннадиевна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте.

КАЛЕНОВА Тенгеш Серикбаевна, кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, +77029997472

КЛЁЦКИН Михаил Васильевич, кандидат философских наук, временно безработный, тел.: 8-903-303-74-88

КОРСУНСКИЙ Андрей Георгиевич, аспирант кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте; научный руководитель: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте
Мирошников О.А., г. Ялта.

ЛЮСЫЙ Александр Павлович, кандидат культурологии, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного университета телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина (ГИТР) Моб. +7(903)6236787

МАЛЕНКО Диана Васильевна, студентка 2 курса, направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование. Профиль подготовки «Математика»

МАСАЕВ Михаил Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте.

МИРОНОВ Андрей Владимирович доктор философских наук, профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета, м.т +79787278936

МИРОШНИКОВ Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте.

МУРТАЗАЕВ Дилявер, курсант 2 курса 24 взвода отделения «Правоохранительная деятельность» Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, научный руководитель ЧУДИНА-ШМИДТ Н. В., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

НАГОРНОВ Евгений Александрович, Нижегородская государственная медицинская академия, кандидат культурологии, 8950-622-70-92, evnagor@mail.ru

НЕЖИВЫХ Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин телефон: +7.978.014.5363 Место работы: Черноморское высшее военно-морское училище имени П.С.Нахимова, кафедра Гуманитарных и социально-экономических дисциплин. г.Севастополь, Парковая, 6.

НЕМЧЕНКО Юлия Александровна, студентка 2 курса направления подготовки - филология кафедры иностранной филологии и методики преподавания Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте; научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте Масаев М.В., г. Ялта.

ПЕРЕХОД Станислав Олегович, кандидат философских наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь. Моб. тел. +7978 76 78 949 e-mail: perehod1974@yandex.ua

РАЗБЕГЛОВА Татьяна Павловна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте

РЯБОВА Н.П. студентка группы 21МН Направление подготовки «Менеджмент» Институт экономики и управления Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Масаев М.В. Институт филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта

СВЕШНИКОВА Ирина Порфирьевна, председатель Крымской региональной общественной организации «Центр духовной культуры «Лебедь», ректор народного университета духовной культуры и здорового образа жизни.

СИРОТИНА Галина Денисовна, студентка группы 41ФЛ, направление подготовки «философия» Институт истории, филологии и искусств. Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Шевченко О. К. Институт филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта

СКАЧКОВ Анатолий, курсант 3 курса 33 взвода отделения «Правоохранительная деятельность» Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, научный руководитель ЧУДИНА-ШМИДТ Н. В., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

СМИРНОВ Олег Александрович, курсант 2 курса 21 взвода отделения «Правовое обеспечение национальной безопасности» Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, научный руководитель ЧУДИНА-ШМИДТ Н. В., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

СОЛОВЦОВ А.А. ГОУ ВО МО Государственный Гуманитарно-Технологический Университет (ГГТУ) г.о. Орехово-Зуево Московской обл.

СТЕПАНЮК А.А., студентка группы 21МН Направление подготовки «Менеджмент» Институт экономики и управления Научный руководитель: доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Масаев М.В. Институт филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Вятского государственного университета, тел. 8 (912-736-60-96).

ТОПУЗ Мемет Ахтем оглы обучающийся 3 курса, направление подготовки «Экономика» Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г.Ялта

ЦАРИНА М. А. студентка 5 курса, направление подготовки «История» Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» г. Ялта. Научный руководитель: Вишневский С. А. кандидат исторических наук, доценткафедра истории, краеведения и методики преподавания историиГуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»г. Ялта

ЧУДИНА-ШМИДТ Наталья Витальевна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

ШАТОХИНА Наталья Петровна, Донецкий национальный университет, докторант кафедры философии, +380663022391.

ШЕВЧЕНКО Олег Константинович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте skilur80@mail.ru

ШРАМКО Татьяна Николаевна, студентка 2 курса, направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование. Профиль подготовки Математика +79788624600

ЮН А.В.обучающаяся 2 курса, направление подготовки «Экономика» Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялта